

ДО
НАЧАЛА

Эми Плам

Когда община Джуно исчезла, она потеряла гораздо больше, чем своих друзей и семью. Вскоре она обнаружила, что вся ее жизнь была сплошным обманом. Дар ее общины был на самом деле секретной способностью, за который некоторые были способны похитить целую деревню. Джуно и ее новый спутник Майлс отправляются на поиски семьи девушки, которые привели их в охотничий заповедник в Нью-Мексико. Клан Джуно находится, наконец, поблизости, и она готова пойти на все, чтобы вернуть свою общину. Но в то же время она сама является объектом поиска для некоторых особ, ведь сама того не зная, Джуно является ключом для отгадки всех тайн. Ради спасения своего народа — и самой себя — Джуно должна понять свою роль, найти свое место...

Эми Плам

До Начала

Серия: После Конца — 2

Переводчики: Комила Вальдес (глава 1–5), Карина Романенко (глава 6-55)

Редакторы: Нина Кропинова (глава 1–5), Татьяна Шкробнева, Мария Сол (глава 6-55)

Финальная вычитка: Мария Сол

«Я ученый, не богослов. Я не знаю, есть Бог или нет. Религия требует определенности. Цените и уважайте Гею(Землю). Доверяйте ей. Но не надо поклоняться.»

Джеймс Лавлок, автор гипотезы о Гейе.

ГЛАВА 1

ДЖУНО

Майлс лежит мертвый вот уже час. Я точно не знаю, какая это смерть. Возможно, он умер по-настоящему — из-за потери крови. Или же впал в состояние смертельного сна, наступившее после того, как я провела над ним Обряд. Существует только один способ определить: ждать еще целых семь часов, и только затем проверить, дышит он или нет.

Я встаю, оставив свой пост у двери. Отвернувшись от полыхающей жаром пустыни, я вхожу в прохладный мрак лачуги. Стою несколько секунд, позволяя глазам привыкнуть к окружающей меня темноте, а затем смотрю на Майлса. Хотя нет, не на него. Лишь на его оболочку.

Я прямо-таки чувствую отсутствие у Майлса души. Глядя на его тело, я вижу мешанину из белых и красных оттенков. Кожа, свободная от запекшейся крови, цветом напоминает свернувшееся молоко. Медовые локоны волос спадают на лоб. Губы приоткрыты, челюсти расслаблены. На его щеке виднеется кровь, но я не могу точно сказать, моя она или его.

При проведении Обряда я должна была порезать руку церемониальным ножом. Сейчас рана все еще сочится кровью, поэтому, сев на корточки, я вытаскиваю из вороха сушеных трав и перьев отрезок хлопковой ткани и плотно оборачиваю его вокруг ладони.

На этом забота о собственном здоровье заканчивается, я ощущаю усталость, накатившую после волны адреналина. Осознав, что наделала, сажусь, обхватив голову руками.

Возможно, я убила этого парня. Отправила его душу куда-то далеко-далеко. Навсегда.

Я провела над ним ритуал — дала ему мощное зелье, использовавшееся до этого только членами моей общины. Людьми, которые были к этому готовы, чьи души уже общались с Йарой. Они сами обращались к Земле за силой.

А Майлс... Он силу не просил. И не был достаточно крепким. Несомненно, его нужно было подготовить. В нем столько хороших качеств. Но он никогда даже не задумывался о своем месте на земле... о роли в суперорганизме Гейи. И уж точно не задумывался о Силе.

Когда я помогала проводить Обряд, все люди до Майлса, которых я вводила их в состояние смертельного сна, были в отличной физической форме. А Майлс был едва в сознании, из его тела только что вынули пулю. К тому же он потерял очень много крови. Разве кто-то бывал в полумертвом состоянии во время Обряда?

Что же я наделала? Майлс может потеряться в сфере смерти и сна, не в состоянии найти свой путь назад. Не могу же я расставить указатели вдоль его пути. Да и потеряться он может только в том случае, если избежал настоящей смерти.

Все же я заставляю себя встать. Мне нельзя терять надежду. Я должна попытаться помочь Майлсу, так же, как помогала любому другому проходившему Обряд. Майлс дал обет. Он согласился стать одним целым с Йарой. Посвятить свою жизнь земле и той силе, что связывает все живое вместе. Обменять свою короткую человеческую жизнь на ту, что может длиться сотни лет, если не больше. Он согласился на все это. Но это было спонтанное решение, принятое в отчаянный момент. Что будет с ним, если он не был искренен по-настоящему?

«Майлс выбрал осознанно,» — говорю я себе, чтобы успокоиться. В тишине пустыни мои слова звучат как-то бессмысленно.

Приближаясь к Майлсу, я начинаю напевать песнь Пути. Расслабившись, погружаюсь в транс, так же, как и во время Обряда. Оставив свой страх, я готовлюсь выполнить то, что должна. Чему я училась.

Свечи, образующие полукруг над головой Майлса, мерцают, бросая мрачные тени на его мраморное лицо.

Двигаясь по кругу вдоль тела, я тушу их все. Каждую свечу, не нарушая очереди. Когда последняя свеча гаснет, мое дыхание замедляется, и я начинаю петь Слова, сопровождавшие каждого проходившего Обряд в его Пути к вратам смерти. Майлс должен будет увидеть врата, прикоснуться к ним только кончиками пальцев, обернуться и возвратиться к земле живых. Ко мне.

Слетая с моих губ, Слова превращаются в Песнь, в то время, как я развязываю ткань, которой золотые самородки были прикреплены к ногам Майлса. Не прекращая петь, вместе с драгоценными камнями я бережно укладываю в сумку кожаные мешочки. Так же, как я сопровождала членов моей общины, я сопровождаю Майлса в его Пути. Как человек, который знает и заботится о нем, может облегчить его путь к вратам загробного мира и вернуть его к жизни. К другой жизни — без старости и болезней.

Я вынимаю из холодных, выпачканных кровью рук Майлса лунные камни, которые он сжимал во время ритуала. Спрятав их в сумке, я монотонно продолжаю складывать остальные вещи: травы и минералы, чашу из агата и ножи, потушенные свечи и спички. Все это время слова Песни продолжают звучать, сопровождая Майлса по Каменистому Пути вниз к Реке.

Закончив с вещами, я продолжаю заботиться о Майлсе. Сняв импровизированную повязку, сделанную из моей рубашки, я обнажаю грудь парня. Кровь уже свернулась и больше не вытекает из раны в боку. Немного подумав, не откроется ли она, если я подвину Майлса, решаю, что это не будет иметь значения.

Кончиками пальцев я чувствую холод его тела, когда убираю локоны с лица. Касаясь закрытых век, я напеваю о том, что он может увидеть на своем Пути. А потом я делаю то, чего никогда не делала во время Обряда, до Майлса. Я целую его. Прижавшись своими теплым губами к его холодным, я всем своим существом желаю поделиться светом собственной жизни с ним, хочу, чтобы моя душа через этот поцелуй проникла в тело Майлса и разожгла в нем затухающее пламя жизни.

Я никогда не знала любви. По крайней мере, не той, которая намного сложнее любви ребенка к своим родителям или преданности настоящей дружбы. Так что я не могу облечь в слова свои чувства к Майлсу. Я понимаю, что совсем равнодушна к нему. Это как не раскрывшийся бутон. И я всем сердцем надеюсь, что он не погибнет, прежде чем успеет раскрыться. Прежде чем я смогу дать ему имя.

Эмоции, которые я запрещала себе ощущать, накрывают меня с головой, и я долго не могу взять себя в руки. Но в какой-то миг они все же прорываются наружу, и мои слезы капают на лицо Майлса. Вообще я редко плачу, но в этот момент я позволяю себе слабость. Я плачу до тех пор, пока внутри меня не сдвигается что-то. Слезы высыхают сами собой, а я чувствую себя опустошенной, но сильной.

Глубоко вдохнув, я поднимаюсь на ноги. Нужно скорее уходить. Я должна вывести его — нас — отсюда, как можно быстрее. Я сделала все, что могла, чтобы помочь ему. Песнь можно будет продолжить и позже.

Я наклоняюсь к парню, который заставил меня плакать. Скрестив на груди руки и зная,

что он меня не услышит, я все же говорю ему, Майлсу, которого я знала, бунтарю, парню, обожающему нарушать правила. Я почти приказываю ему усмирить себя, дикого и упрямого, и идти навстречу испытанию.

— Майлс Блэквелл, — я бросаю ему вызов, — ты должен, черт возьми, жить.

ГЛАВА 2

МАЙЛС

Эта сцена... Вновь и вновь она повторяется во сне, будто я застрял во временной петле. Вот снова звучит в темноте ее голос.

— Майлс, — говорит она, и из окутывающего меня тумана ее слова звучат, как кристально-чистая мелодия. — Майлс, ты еще здесь, со мной?

Я открываю рот, все, что нужно сделать, это вытянуть из себя лишь парочку слов. Но вдруг оказывается, что это такой же непосильный труд, как, например, поднимать большущий валун на холм.

— Думаю, да, — все-таки выдавливаю я. Как же хочется ее увидеть, но я никак не могу сфокусироваться. Она кажется ангелом, излучающим яркий свет, который размывает ее черты.

— Ты должен проглотить это, — говорит она. Моих губ касается что-то теплое, и тут же я чувствую острый вкус какой-то смеси. Затем мне в рот вливается вода, которая каскадом течет и по лицу. Я рефлекторно глотаю, и все бы хорошо, но меня вдруг начинает душить кашель, а тело сводит спазм. Она вытирает мои губы чем-то мягким, и мелодичным голосом произносит:

— Майлс Блэквелл, ты меня слышишь?

— Да. — Я еле слышу свой голос.

Она говорит что-то о Йаре. Что-то о том, хочу ли я стать одним целым с ней. О том, чтобы посвятить мою жизнь земле. Я слышу слова, но они отскакивают от меня, будто я сделан из резины. Когда я отвечаю, слова царапают горло:

— Джуно, о чем, черт побери, ты говоришь?

— Майлс, ты согласен обменять свою восьмидесятилетнюю жизнь на многие сотни лет? — продолжает она.

И вот тут мой разум проясняется настолько, что я могу понять, о чем она говорит. Джуно проводит какой-то ритуал. Она дает мне тот самый препарат, который мой отец так жаждал заполучить. Она хочет сделать меня бессмертным. Я открываю глаза и вижу ее, сияющую как сверхновая.

— Если я этого не сделаю, то умру? — спрашиваю я.

— Ты можешь умереть в любом случае. Но это мой единственный вариант, — признается она, и в ее глазах горит пламя. Мерцает. Сияет в тусклом свете, отбрасываемом свечами.

Я борюсь со слабостью, чтобы ответить ей нормально, но голос звучит не громче пыли, оседающей на поверхность.

— Тогда я согласен, Джуно.

Немного подвинувшись, она кладет мою голову себе на колени и пальцами начинает проводить по моим волосам. Я чувствую себя так, будто она ласково касается моей души. Это действует так успокаивающе. Из-за напряжения, которое я испытывал, расслабление и последний вздох кажутся очень приятными. Облегчение.

Прежде чем эта сцена повторяется, я наслаждаюсь паузой, и у меня есть время сформулировать свои мысли в вопросы: это на самом деле случилось? И если да, то где я теперь?

ГЛАВА 3

ДЖУНО

Хоть нас и не видно с главной дороги, с такой машиной, в пустыне за пределами Лос-Анжелеса наши преследователи найдут нас за полчаса.

Я глубоко дышу, жду, когда гипнотический транс после Обряда рассеется, и я начну мыслить ясно.

Я пытаюсь посмотреть на Майлса, как охотник на убитого зверя: оцениваю размер и вес, определяю, сколько усилий потребуется, чтобы его поднять. Ростом он примерно шесть футов, спортивного телосложения.

Не скажу, что я слабая, но Майлс где-то на фут выше, это все равно, что тащить годовалого оленя. Будь здесь мои собаки и кожаный съёмник, я справилась бы за две минуты. Мысли о собаках берегут старую рану. Решив, что подумать об этом можно и позже, я просто запрещаю себе думать о них.

Выйдя из лачуги, я пересекаю двор и иду к машине. Солнце так ярко освещает пустыню, что все вокруг превращается в мерцающий пейзаж. Пот успевает бисером выступить на лбу и руках, пока я подгоняю машину как можно ближе к двери и беру из багажника спальный мешок.

В этой карающей все живое жаре нет никакого движения, только ящерицы быстро перебегают из одной ямы в другую.

Оказавшись в прохладе домика, я расстегиваю молнию спального мешка и расстилаю его рядом с телом Майлса. Настолько осторожно, насколько могу, я переворачиваю его на мешок и вытягиваю края мешка из-под тела, чтобы обернуть их вокруг него.

Взявшись за концы, я тащу Майлса к выходу. Притянув спальный мешок ближе к машине, я открываю багажник и, вытирая тут же выступивший на лбу пот, начинаю рыться в ящике с инструментами. Наконец, я нахожу толстый шнур с надписью: «Буксировочный Трос». Сравнивая себя с пауком, связывающим свою жертву, я обвязываю этим шнуром Майлса. Оставшуюся часть шнура протягиваю через заднее сиденье слева направо, а затем через переднее справа налево и привязываю к столбу у крыльца. Используя принцип поднятия груза на сани, я двигаю машину на несколько футов вперед, и спальный мешок вместе с телом Майлса соскальзывает с крыльца на заднее сиденье.

Теперь я могу петь ему хоть всю дорогу. Забежав обратно в лачугу, я хватаю свою сумку и, прежде чем закрыть дверь, бросаю последний взгляд на комнату. Я не хочу, чтобы здесь остались хоть какие-то следы нашего пребывания, но, взглянув на кровь на полу, тут же понимаю всю бессмысленность этой затеи.

Кинув сумку на переднее сиденье машины, я расстегиваю молнию в верхней части спального мешка. Рот Майлса открыт, а глаза бессмысленно таращатся вверх. Я осторожно закрываю их и пою ему часть Песни.

Перед тем как сесть на водительское сиденье, я решаю осмотреться. От увиденного сердце уходит в пятки. Там, откуда мы приехали, поднимаются клубы дыма. Что же это горит? И вдруг я с ужасом понимаю: пожара нет, это машина, и она едет напрямик к нам. Она еще довольно далеко, но я уже могу видеть блеск металла и облако пыли у колес.

Движимая паникой, я все же заставляю себя остановиться и подумать. Мне нужно как-то спрятать нас. Внезапно меня озаряет. Я должна использовать то заклинание, которое

использовал Уит, чтобы скрывать наше поселение от окружающего мира. Или, как он мне тогда говорил, чтобы скрываться от бандитов, если вдруг он Прочитывал их приближение. Это было самым трудным Заклинанием — тяжело прятать все поселение и удерживать маскировку, пока опасность не минует. Но я была просто обязана повторить его. Мне уже приходилось прятаться с помощью маскировочного Заклинания, но я понятия не имела, смогу ли я перенести его на всю машину, и возможно ли это в принципе.

Я пытаюсь вспомнить действия Уита и понимаю, что в качестве проводника для Заклинания маскировки он использовал снежно-белую заячью лапку. Точно такую же, какую я несколько дней назад бросила в огонь. Это не важно, напоминаю я себе. Мне не нужны «костыли» для соединения с Йарой. Я должна лишь верить в свою с ней связь. Я думаю о том, какие мощные потоки энергии почувствовала, когда отказалась от проводников. Но сейчас мной владеют страх и горе, и, чтобы сконцентрироваться, мне нужно выбраться из этой паутины.

Широко расставив руки и ноги, я пытаюсь замедлить сердцебиение. Я сосредотачиваюсь только на соединении с Йарой и чувствую ту власть, которой она меня наделяет. Я призываю энергию, витающую вокруг, и представляю, как изменяюсь... окрашиваюсь в фоновые цвета. В данный миг это оттенки красного и коричневого. Посмотрев вниз, я вижу, что цвет изменила не только кожа. Топ с джинсами тоже стали коричневатыми. На общем фоне я была почти не видна.

«Теперь машина», — думаю я и представляю энергию Йары, которая подобно сети переходит с меня на машину и обволакивает ее. Пятно цвета красноватой земли появляется на одной двери и быстро разрастается на всю машину. Автомобиль Майлса сначала блекнет на общем фоне, а потом и вовсе становится невидимым.

Моя уверенность возрастает. Я смогла это сделать. После проделанного с машиной, я перенаправляю Йару на лачугу. И жду. Но ничего не происходит. Та машина уже настолько близко, что, наверное, сидящие в ней могут разглядеть домик. А если они его увидят, наверняка останутся, чтобы заглянуть внутрь и обнаружат лужу крови — доказательство того, что мы уехали совсем недавно

Мое сердце бешено колотится, и я борюсь за остатки спокойствия.

— Изменись же! — произношу я, и вдруг чувствую огненную искорку электричества, пробежавшую по венам. Тут же я вижу, как лачуга исчезает из виду. Вот теперь мы невидимы во всех смыслах этого слова.

По мере приближения машины, я узнаю человека, сидящего на пассажирском сидении. Это Мюррей Блэквелл, глава компании «Блэквелл Фармасьютикал» и отец мертвого парня, лежащего рядом. Поисковый отряд он, видимо, организовал сразу после того, как обнаружил, что его сын похитил меня из собственного дома, где мистер Блэквелл держал меня пленницей. *«И все это ради какого-то препарата»*, — думаю я. Ради того, чтобы добраться до «формулы» препарата — Амрита, как он его назвал. Питья, используемого при Обряде. Он и еще один неизвестный, похитивший мою общину, отчаянно жаждут получить этот препарат. *Насилие, порожденное примером капитализма*. Я прямо слышу, как Денис повторяет одну из своих излюбленных фраз на уроке о Прошедших Цивилизациях. И теперь эта адская машина хочет превратить нас в свои винтики и колесики, а я единственная, кто остался, чтобы с ней бороться.

Рядом с мистером Блэквеллом, за рулем, сидит крепкий мужчина, а на заднем сидении два телохранителя, похитившие меня из Солт-Лейк-Сити. В поисках нас они, вытянув шею

изучают ландшафт. Машина движется так медленно, что мне кажется, проходит целый час, прежде чем они проезжают мимо по грунтовой дороге и скрываются за холмом.

И все это время я не смела даже дышать.

Заклинание давит на меня. Я уже вспотела настолько, что вся одежда прилипает к телу. Чтобы не замерзнуть, я шевелю пальцами и мотаю головой из стороны в сторону. Я жду, пока машина отъедет достаточно далеко, но через пару минут она снова появляется на вершине холма. Ее пассажиры тщательно исследуют местность в поисках того, что вообще-то находится прямо у них под носом.

На этот раз они проезжают в шаге от меня. Глаза мистера Блэквелла на секунду встречаются с моими, и, хотя я знаю, что увидеть меня он не сможет, мой живот сводит от паники. Но вот он переводит взгляд в сторону, и я снова могу дышать. Чары я снимаю, только дождавшись исчезновения автомобиля и его пыльного облака из поля зрения. Машина, лачуга и я медленно обретают свои цвета. Дрожа от проделанных усилий и отголосков страха, я прислоняюсь к машине. *Они были так близко.*

Но я смогла это сделать. Создала Заклинание маскировки, причем без всяких проводников. Это дало мне искорку надежды. Видимо, я способна на большее, чем думала. Вспомнились слова отца: «Ты просто гений в работе с Йарой, Джуно. Такая же, какой была твоя мама».

Уит хранил в секрете от меня многое, объясняя это тем, что ждет, когда я вырасту. Когда пройду Путь сама. Но теперь мне не нужно его разрешение. Не нужен его сомнительный опыт, слепленный из системы других верований, его проб и ошибок. Я готова исследовать Йару на своих условиях.

Моя битва с похитителями общины только началась. Но вместо страха я ощущаю волнение. Мощное оружие находилось в моих руках всю мою жизнь, и теперь я, наконец, начала его осваивать. Я чувствую себя неудержимой.

ГЛАВА 4

МАЙЛС

Меня подхватывает течением, и уносит широкая река, обрамленная с обеих сторон высокими деревьями. Тело то погружается под воду, то снова всплывает, подобное мелкой щепке, качающейся на волнах. Я не чувствую страха. Мою сущность заполняет шум бурлящего потока, обтекает приятная прохлада. В этом царстве грез не хватает лишь дуновения свежего воздуха... потому что я не дышу.

Возле меня кто-то есть. Я не могу повернуть головы, но знаю, что это Джуно. Она тоже скользит по реке бок о бок со мной.

Откуда-то издалека доносится мелодия. Пение. Мотив необычный, а смысл слов, хоть и тяжело уловим, понятен. Эта песня, как и молчаливая девушка рядом, сопровождает меня. Обволакивает ощущением безопасности. Защищенности. До меня здесь были другие, и песня сопровождала их тоже.

В ушах с каждой секундой нарастает гул. Глухой, как шум внутри ракушки. Деревья по обе стороны начинают постепенно меркнуть, контуры берегов размываются, и вдруг река с силой выбрасывает меня в океан — такой широкий, что уже и намека на берега не видно. Тело растворяется в соленых волнах, бросающих меня из стороны в сторону. Джуно все еще здесь. Рядом.

Я таю, от меня остается только маленький белый клубок перьев, клюв и вспышка света. И я взлетаю в воздух. Слова песни звучат все отчетливей. Я не вижу, но чувствую, что за мной следует другая птица. Я резко хлопаю крыльями, и мы вместе круто взмываем ввысь. Вслед за ветром мы парим над бескрайним океаном.

ГЛАВА 5

ДЖУНО

Я забираюсь на водительское сидение, поднимаю с пола атлас и раскрываю его на карте Калифорнии. По пути сюда, уводя нас от погони с перестрелкой, я была слишком занята, чтобы следить за маршрутом. И теперь понятия не имею, где мы находимся. Я вглядываюсь в горизонт сквозь запыленное лобовое стекло. Есть два варианта: выехать на главную магистраль, как мистер Блэквелл и компания, или, миновав холм, продолжить путь по грунтовой дороге, чтобы понять, куда она ведет.

Я направляюсь к холму. Обогнув его, останавливаю машину и выхожу, чтобы осмотреться. Впереди простирается пустыня, вдалеке упирающаяся в подножие поросшей лесом горы. Там мы могли бы спрятаться. Нужно лишь пересечь открытую местность, чтобы укрыться в тени деревьев. Только вот дорога быстро переходит в узкую тропу. Видимо, поэтому мистер Блэквелл и его люди повернули обратно. И именно поэтому по ней поеду я.

Я возвращаюсь в машину и смотрю на часы на приборной доске. 15:24. Майлс мертв уже почти два часа. Осталось шесть часов. К тому времени, как он очнется, не помешало бы добраться в безопасное место. Если он очнется.

Я завожу машину и без лишних раздумий даю газ. Колеса пробуксовывают, поднимая облако пыли. Убираю ногу с педали, и несколько ярдов машина идет по накату. Затем я снова нажимаю на педаль и, почувствовав сцепление, машина плавно подается вперед.

Сесть за руль автомобиля в первый раз было страшно, особенно учитывая, что мне пришлось украсть его у Майлса из-под носа. Но теперь назначение большинства приборов и кнопок стало мне понятно, и бросать эту машину, единственную которую я водила, не хотелось бы. Я хорошо ее знаю, и это дает мне ощущение безопасности. Проблема только в том, что хорошо знаю эту машину не только я.

Нас ищет не один мистер Блэквелл. Я же не знаю, что случилось с Уитом и его головорезами после того, как они в погоне за нами подстрелили Майлса. Пусть я и видела, как их джип перевернулся, но не знаю, насколько он поврежден. Они могли поставить машину обратно на колеса. И если так, Уит выследит меня очень быстро. Еще несколько недель назад он был моим наставником — Мудрецом общины. И дело даже не в том, что он владеет Читением. Просто он знает меня лучше, чем кто-либо, кроме отца, конечно.

Я еду к горе уже добрых полчаса, не встретив ни души за все это время. Только ястребы кружат в небе. Внедорожник богатенького мальчика движется по пустыне медленно и натужно. Я стараюсь придерживаться самых ровных участков, но нас все равно трясет и подбрасывает на каждом попавшемся камешке или ямке.

Наконец тропа уходит влево, в сторону от гор. Не решившись съехать на бездорожье, я продолжаю путь. Вскоре тропа переходит в настоящую грунтовую дорогу, а потом и вовсе в асфальтированную. Не успеваю и глазом моргнуть, как мы оказываемся у одинокой заправки с десятком мотоциклов и парой автомобилей, припаркованных на стоянке.

Я настороженно выискиваю глазами зеленый джип Уита, или черную машину мистера Блэквелла. Но замечаю только мужчину, склонившегося возле одного из мотоциклов в окружении разбросанных по земле инструментов.

Услышав звук подъезжающей машины, мужчина поднимается на ноги. Он одет в

сплошной комбинезон, бывший, видимо, когда-то белым, а теперь запятнанный ржавчиной, машинным маслом и грязью. Сдернув кепку, он тыльной стороной руки обтирает лоб. И медленно шагает мне навстречу.

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида, дабы убедиться, что солнцезащитные очки скрывают предательскую звездочку в моем глазу, и прикрываю лицо Майлса пологом спального мешка.

Мужчина подходит к машине и, не вынимая рук из карманов, спрашивает:

— Заблудилась?

— Эмм, да. Я не там свернула, и вот теперь пытаюсь снова попасть на главную дорогу.

Он снимает кепку, и какое-то время, щурясь, смотрит на солнце, потом вновь надевает ее и переводит взгляд на меня.

— И куда же ты едешь?

— На восток, — отвечаю я.

— Эмм... хмм, — он кивает и, сплюнув что-то коричневое, гундосит себе под нос, — на восток, говорит.

— Что ж, раз уж я здесь, можно и немного подзаправиться, — говорю, и подъезжаю к единственной колонке. Мужчина подходит следом и, вытерев руки о штаны, начинает заливать бензин.

Я наблюдаю. По закрытой позе, по тому, как он прячет руки в карманах, как беседует сам с собой, легко составить о нем представление. Отшельник, не верит никому, кроме себя, возможно, вовлечен в темные делишки, не имеющие ничего общего с продажей бензина. Такой сдаст в два счета, если почует выгоду.

— И много тут работы? — спрашиваю наконец.

Мужчина кивает на ряд мотоциклов.

— Вот, сдаю напрокат кроссовики^ш. Сегодня взяли несколько, правда по-настоящему сезон открывается в июне. Студенты и школьники основная клиентура. Любят погонять по пустыне, — он нажимает на затвор топливного шланга и вешает его обратно на стойку, — с тебя шестьдесят два, восемьдесят пять.

Я вынимаю из рюкзака свой кожаный мешочек и протягиваю ему стодолларовую купюру.

— Сейчас принесу сдачу, — говорит он, направляясь к станции.

Я выхожу, чтобы немного размять ноги.

— А для чего эти машины? — кричу я ему вслед.

Он поворачивается и машет рукой в сторону парочки новых на вид автомобилей.

— Это тачки пацанов, которые мотоциклы напрокат взяли, — а потом показывает на три пикапа разной степени неисправности, — а грузовички мои.

К ним я и иду. Мужчина шагает следом, не вынимая рук из карманов. Первый пикап — черный, выглядит так, словно умер мучительной смертью еще несколько лет назад. У второго — вишнево-красного, вид немного получше. Третий — темно-зеленый, имеет хороший цвет для маскировки. И хотя он не новый, но, вроде бы, в хорошем состоянии. Я обхожу его по кругу, оглядывая со всех сторон. Кузов широкий и просторный. На багажнике надпись CHEVROLET.

Заправщик стоит на месте и делает вид, что смотрит вдаль, словно меня здесь нет. Наконец, я возвращаюсь к нему и говорю:

— Меняю свою машину на вашу.

Он снова сплевывает и заходится смехом.

— Хочешь сказать, что меняешь свою новехонькую бэу на мою Шеви?

Я не знаю, что это значит, но киваю.

— Я отдаю свою синюю машину в обмен на вашу зеленую.

Недоверчиво покосившись на меня, он спрашивает:

— Попала в переделку, деточка?

— Может, и попала, вам какое дело? — отвечаю я, выпрямив спину.

Он смотрит на меня, как на один из своих сломанных мотоциклов, словно пытаюсь понять, в чем моя проблема. Затем вздыхает:

— Ладно, кто я, черт возьми, такой, чтобы задавать вопросы? — говорит он, после чего подходит к зеленому пикапу, открывает дверцу с пассажирской стороны и достает из бардачка какие-то бумаги.

Следуя его примеру, я иду к машине Майлса и вытягиваю все бумаги, которые только могу найти. К моему возвращению мужчина, разложив на капоте пикапа документ с заголовком: «Сертификат на Право Собственности. Штат Калифорния», что-то в нем пишет.

— Теперь ты, деточка, — говорит он, — я уже вписал свое имя и поставил подпись. Свою часть заполнишь сама. — И протягивает мне бумаги. Я, развернув свой сертификат на капоте, обращаю к нему растерянный взгляд.

— Просто подпиши вот здесь, — говорит он, тыча пальцем в пустую строку, — об остальном я позабочусь.

В этом я и не сомневаюсь.

Хитрая ухмылочка на его лице подтверждает мою изначальную догадку: машина Майлса стоит намного дороже машины этого человека. Но мне до этого нет дела, если из-за нее нас могут поймать. Поэтому я пожимаю протянутую грязную руку с чувством, что заключила удачную сделку.

Я нажимаю на связке ключей Майлса кнопку, открывающую багажник, и начинаю переносить в пикап свое снаряжение. Заправщик мне помогает. Захлопнув багажник, я забираюсь на заднее сидение. Увидев застегнутый спальный мешок, он останавливается как вкопанный.

— Чего это там у тебя? — спрашивает он, нервно скрещивая руки на груди.

Я понятия не имею, что сказать, и просто смотрю на него, а затем выдаю:

— Он тяжелый.

— Да неужели? — медленно протягивает он, — что ж, с этим я тебе помочь не смогу. Но в каждой моей машине сзади есть электрическая лебедка для погрузки кроссовиков.

Он подходит к зеленому грузовику, откидывает задний борт и опускает на землю выдвижной металлический пандус, к верхней части которого прикреплена лебедка. Похожую использовали в нашей общине для перемещения тяжелых грузов, только эта вместо рукоятки оснащена коробочкой с кнопкой.

Он окидывает спальный мешок настороженным взглядом:

— Я сейчас пойду за сдачей с твоей сотни, а когда вернусь, этого здесь не будет. Так ведь?

И уходит.

Я возвращаюсь в машину и, подъехав почти вплотную к грузовику, открываю заднюю дверцу.

— Прости, Майлс, — шепчу я. Хватаюсь за края спального мешка и тяну, пока его тело

не шлепается на пыльную стоянку, как огромный кусок мяса. Из последних сил я доволакиваю его к основанию пандуса, быстро затягиваю в кузов и возвращаю пандус и лебедку на свои места.

Я сажусь в грузовик и поворачиваю ключ зажигания. Повозившись немного с рычагом коробки передач, устанавливаю его в положение D и слишком резким нажатием на педаль газа, привожу машину в движение, но останавливаюсь возле станции.

Заправщик выходит из кабинки и протягивает мне через окошко пригоршню купюр и монет. Я отдаю ключи от машины Майлса, и он, удовлетворенно кивнув, прячет их в карман.

— Грузовик заправлен под завязку, так что забирай сдачу, и мы в расчете. Было приятно иметь с тобой дело, — говорит он, снимая кепку. Затем приглаживает волосы и бросает взгляд на багажник грузовика. Заметив спальный мешок, он надевает кепку обратно после чего, ни разу не оглянувшись, возвращается обратно к мотоциклу, который чинил, и поднимает с земли гаечный ключ.

Я выезжаю со станции на дорогу и скоро замечаю дорожный знак. Сориентировавшись по карте, обнаруживаю, что через несколько миль смогу съехать на шоссе, ведущее на восток.

Я давлю на газ и с мертвым телом Майлса в багажнике направляюсь в сторону Аризоны.

ГЛАВА 6

МАЙЛС

Только что яркое солнце согревало мои крылья, и вот я уже стою на двух ногах в кромешной тьме. Звучащие издалика слова песни становятся все тише и тише, пока не смолкают совсем, и тогда голос — ее голос — шепчет мне:

— Тут я тебя оставлю, Майлс. Я не могу идти дальше. Будь храбрым.

— И что мне делать? — спрашиваю я, но рядом уже никого нет.

Чуть впереди, где-то на уровне пола появляется полоска света. Я бреду вперед сквозь пустоту, пока не натыкаюсь на нечто твердое. Провожу правой рукой, пальцы нащупывают что-то круглое и холодное. Дверная ручка. Я поворачиваю ее и оказываюсь в комнате, которую знаю, как свои пять пальцев. Именно она преследовала меня во снах весь прошлый год.

Я вхожу, оставив дверь открытой. Оглядываюсь назад. И тут же возникает желание вернуться обратно, во мрак. Что угодно будет лучше того, что я увижу здесь.

Я осматриваюсь. Все на своих местах. Семейные фотографии в рамках на комод, рассеянные лучи света от люстр из дутого стекла, стоящие в беспорядке пустые баночки из-под лекарств. Я делаю еще шаг, и тоска сжимает мне сердце. Я знаю, что сейчас увижу.

Она там. На дальнем конце кровати, свернулась калачиком. Лежит в луже собственных рвотных масс, и желчь пенится вокруг ее головы.

— Мама, — мой голос звучит глухо, воздух словно загустел от грусти, заполнившей всю комнату. Только ритмичное клацанье маминых зубов говорит о том, что она жива.

А вот сейчас будет самая сложная часть — та, в которой я стараюсь подойти ближе... И не могу. В которой у меня на пути вырастает невидимая стена. В которой я беспомощно колочу по стене кулаками, кричу, зову на помощь, но подойти ближе не могу.

Почему-то теперь все по-другому. Мои босые ступни ступают по мягкому ковру. Стены больше нет. Я подхожу к женщине, опускаюсь на корточки и дотрагиваюсь до мокрых от пота волос. Я знаю, что изменилось. Знаю, почему мне позволили пройти сквозь стену. Я и моя мать сейчас в одном и том же месте — тихом и спокойном пространстве между тем и этим миром. Мы оба стоим на краю пропасти. И оба можем умереть.

ГЛАВА 7

ДЖУНО

По мере моего приближения к границе Аризоны пейзаж становится все мрачнее. Во время пути мне постоянно встречаются указатели на Национальный заповедник в Мохаве. Я вспоминаю о горе Рейнир^[21], где мы с Майлсом разбивали лагерь. Национальный парк — место, где можно без труда спрятаться, идеальный вариант, если Майлс очнется.

Если. Будто удар под дых. Все дурные предчувствия, терзавшие меня последние несколько часов, вырываются на поверхность.

Если. Как какие-то четыре буквы могут быть настолько важны? Обладать такой силой? Как два обычных слога могу вызывать ужас и одновременно дать призрачную, мерцающую, драгоценную надежду?

Если Майлс очнется, он станет другим человеком — человеком с даром жизни, не подвластным болезням и старости. А если нет... Тогда человек, значащий для меня больше, чем кто-либо, кроме моей общины, конечно же, покинет меня. Внезапно. И навсегда.

Стараюсь выкинуть невеселые мысли из головы. Автоматически гляжу на часы на приборной панели и понимаю, что уже 17:30. Стыдно признаться, но уже второй раз за день я пользуюсь часами. Приходится приспособливаться. А ведь раньше мне хватало лишь солнца, месяца и чистого горизонта.

Приходится напоминать себе, что *сейчас я в совершенно другом мире*. И не стоит игнорировать новые возможности. Если получится объединить свои навыки со всеми этими техническими штуками, то я стану гораздо сильнее и не придется страдать из-за отсутствия знаний, как тогда в самолёте или в офисе мистера Блэквелла, расположенного на верхних этажах небоскрёба. Мне нужно усвоить правила этого нового для меня мира. Ведь для встречи с неизвестным врагом, похитившим мою общину, требуется преимущество.

У очередного знака с надписью «Национальный заповедник» я сворачиваю с главной дороги и еду на север по указателям к Пещерам Митчелла. Доехав до развилки, сворачиваю с туристической тропы и двигаюсь на восток к безымянным скалам. Земля меж двух гор с плоской вершиной покрыта кирпично-красным песком. То тут, то там торчат серые скалы, похожие на игрушечные кубики. Объезжаю их и паркую машину в тени. Теперь никто не заметит нас, если только, как и я, не съедет с дороги.

Я вылезая из грузовика. Местность вокруг напоминает поверхность другой планеты. Скалы кажутся инопланетными осколками, а редкая трава — серые, тускло-зеленые и выжженные желтые кусты полины — словно просто небрежно разбросана вокруг, и совсем не имеет корней. Да и сама земля слишком суха, чтобы дарить жизнь. Я обхожу грузовик и откидываю задний борт, залезаю в кузов, подползаю к спальному мешку и расстегиваю его.

Сердце предательски екает, стоило только посмотреть на лицо Майлса.

Его кожа приобрела болезненный фиолетовый оттенок. Глаза подернулись белой пеленой, словно белое облако зависло над зеленым озером. Такого раньше не случалось. Состояние тел путешествовавших по Пути никогда не ухудшалось. Начинаю ощущать приступ паники, но все же стараюсь успокоиться, напоминаю себе, что этот случай просто не похож на остальные. В грузовике жарко, к тому же... люди моей общины всегда

находились в отличной форме перед проведением Обряда, а Майлс умирал. *Все получится.*

Я прикрываю его веки, провожу рукой по медового цвета волосам и легонько целую в лоб.

— Пожалуйста, вернись, Майлс, — шепчу я и полностью расстегиваю молнию спальника, позволяя свежему горному ветерку охладить его горячее тело.

Без одежды он выглядит таким незащищенным, таким уязвимым. Я вытаскиваю из рюкзака его одежду, все еще запачканную кровью, и принимаюсь надевать на него трусы и джинсы, переворачивая тело туда-сюда. Сделав шаг назад, я встаю полюбоваться на свою работу, и сердце сжимается. Эта непривычная для меня боль лишней раз доказывает, как много теперь этот человек значит для меня.

Наконец заставляю себя отойти и приняться за устройство лагеря, палатку я устанавливаю между грузовиком и скалами. Хотя мы и спрятаны от случайных глаз, расслабляться не стоит. Я понимаю, что веду себя так, словно все еще на Аляске: постоянно высматриваю приближающихся бандитов. Всегда готова защитить себя от переживших апокалипсис, которого никогда не было. И, несмотря на то, что мои настоящие враги ничем не напоминают отчаянных головорезов из моих кошмаров, меня они пугают даже больше, потому что я понятия не имею, чего от них можно ожидать. Неизвестные люди с неизвестным «оружием».

Автоматически тянусь за арбалетом, но тут же вспоминаю, что у меня его больше нет. Я потеряла его во время стычки с людьми Уита в Солт-Лейк-Сити. Всегда можно сделать новый, если удастся найти подходящую древесину. Ну а пока, не имея при себе любимого оружия, я достаю длинный охотничий нож и кладу рядом с собой. Сегодня он будет моей защитой.

Бросаю взгляд на небо. До захода солнца осталось пару часов. Внезапно понимаю, что очень голодна, и вспоминаю, что с утра ничего не ела. Я слишком измотана, чтобы разжигать огонь, поэтому съедаю говяжьи консервы прямо из банки и заедаю все это пачкой крекеров.

Заходящее солнце окрашивает небосвод в красные, оранжевые и розовые тона. Как же красиво! Очень напоминает северное сияние дома. В последний раз окинув взглядом горизонт — не видно ли какой-нибудь машины или заблудившихся туристов, — я расстилаю внутри палатки простыню и ложусь. Майлс проснется лишь через несколько часов (а в том, что он проснется, я ничуть не сомневаюсь), так что стоит отдохнуть, пока есть возможность. Время идет, а я все смотрю в потолок и никак не могу заснуть. В конце концов сдаюсь и делаю то, чего мне хотелось с самого начала: сворачиваю одеяло и возвращаюсь к грузовику.

Расстелив одеяло возле спального мешка, я укладываюсь рядом с Майлсом. Чуть поворочавшись, прижимаюсь к нему ближе, закрываю глаза и засыпаю.

Я внезапно просыпаюсь. Поблизости раздается какой-то звук. Шепот. Я сажусь и рассматриваю ночное небо, пока не нахожу Полярную звезду и луну. Судя по их расположению, сейчас где-то между десятью и одиннадцатью вечера. Майлсу пора очнуться.

Я подношу ладонь к его лицу. Он не дышит.

Сердце, грозящее вот-вот разорваться, пронзает мучительная боль.

Я знаю, что провела Обряд правильно, но что, если Майлс потерял слишком много крови, еще до того, как напиток подействовал? На глаза наворачиваются слезы, я прикладываю голову к груди Майлса. И вдруг слышу. Сердцебиение.

Резко выпрямившись, я замечаю, что у него чуть дрожат губы и открывается рот. Он делает резкий вдох, заполняя воздухом легкие, и тут же закашливается.

— Майлс! — вскрикиваю я.

— Джуно, — шепчет он в ответ, — я не могу пошевелиться.

Он прикладывает огромное усилие, чтобы хоть что-то сказать, и слова выходят рваными. А глаза и вовсе не открываются.

— Все в порядке, Майлс, — бормочу я. Меня переполняют эмоции, и я едва могу говорить. Вытерев предательские слезы, я говорю:

— Ты очнулся от смертельного сна. Какое-то время не сможешь двигаться.

— А еще я ничего не вижу, — произносит он. Я наклоняюсь и приподнимаю ему веки. Белая пелена на роговице все еще есть, но постепенно исчезает.

— Это ты, — выдыхает он.

Я наклоняюсь и, едва касаясь губами, целую его.

— Ты жив.

— Благодаря тебе и твоей магии Новой эры, — отвечает он непослушными губами. Я смеюсь и вздыхаю с облегчением. Даже смерть не изменила Майлса.

— Теперь ты — часть этой магии, — говорю я. — Ты и Йара теперь одно целое, Майлс. И жить ты теперь будешь еще довольно долго.

Он прикрывает глаза и уже самостоятельно их открывает. Спустя несколько минут он произносит:

— У меня были видения, пока я был, ммм... мертв.

Я киваю. Как же хочется расспросить его о Пути. Каждый прошедший Обряд возвращается со своими историями. Проведение ритуала редко меняется, а вот то, что человек видит на Пути, зависит только от него самого. Учитывая прошлое Майлса... да и в его обстоятельствах... Я даже представить не могу, с чем он там столкнулся. Но сейчас не самое подходящее время для расспросов. Ему нужно время, чтобы понять значение своих видений. Чтобы принять то, что случилось.

Он разглядывает ночное небо.

— Последнее, что я помню, — лачуга моих приятелей недалеко от Лос-Анджелеса, — вспоминает он.

— Мы в нескольких часах езды оттуда, в Мохаве, прячемся от твоего отца и от Уита.

Он заглядывает мне в глаза:

— Ты что, их видела?

— Да, — отвечаю я. — Твой отец со своими людьми проезжал мимо хижины. Пришлось нас замаскировать, так что они ничего не заметили.

— Классный фокус, — говорит он и насмешливо улыбается. Наконец к нему возвращается контроль над лицевой мускулатурой. — А что насчёт Уита?

— Если он выжил после той аварии, и их джип по-прежнему на ходу, то он тоже будет за нами охотиться. Но пока мы хорошо спрятаны, потому что в ближайшие несколько дней ты постоянно будешь хотеть спать.

Майлс скосил глаза.

— А где это я лежу?

— В кузове пикапа Шевроле.

— Который ты получила..., — начал он.

— ...продав твою машину.

Лицо Майлса вытягивается.

— Ты обменяла мой БМВ на Шеви?!

— Это была плохая идея, да?

— Ну, скажем так, тот парень сейчас должно быть чертовски счастлив.

— Извини, — говорю я. — Просто нужна была неприметная машина, которую никто не знает.

— Ничего, все в порядке. Мой Бумер тебе все равно не подходил. А вот этот Шеви... да, этот пикап, определенно, тебе больше подходит. Если только, конечно, поблизости нет собачьей упряжки.

Я улыбаюсь и крепко его обнимаю его.

— А ты не воспользуешься обездвиженностью несчастного парня, а? — произносит он в моё плечо.

— Да как можно!

Я отстраняюсь и изображаю притворный ужас.

В его глазах появляется озорной блеск.

— Это не вопрос, а просьба.

Я улыбаюсь. И, наклонившись вперед, нежно целую его.

ГЛАВА 8

МАЙЛС

Я вернулся. Точнее, я так думаю. Видимо, как только смогу нормально двигаться, под действием магии Новой эры начну есть тофу и буду ходить в шлепанцах.

А так, я просто рад, что я здесь. Джуно спасла меня. Там, в хижине, я буквально чувствовал, как жизнь покидает меня, вытекает по капле. Уверен, что пару раз отключался, и каждый раз, приходя в себя, ощущал все меньшую и меньшую связь с этим миром. Будто сила притяжения на меня больше не действовала, и я вот-вот улечу в космос.

Но когда меня начало уносить течением, одна мысль перевесила все остальные: я не хочу умирать. Не потому что боюсь смерти. А потому, что мое существование, абсолютно бессмысленное прежде, вдруг начало обретать смысл. Из-за девушки, лежащей сейчас рядом со мной в кузове этого пикапа. Из-за Джуно.

Так что, полагаю, она спасла меня дважды: и от смерти, и от меня самого. Теперь я у нее в долгу. И этот долг я буду с радостью возвращать ей всю жизнь.

ГЛАВА 9

ДЖУНО

Проходит несколько минут, и Майлс засыпает. Как же хочется лежать вот так, крепко к нему прижавшись, оставить все тревоги и усталость где-то далеко, хотя бы на время. Но прежде чем Майлс поправится, мне еще многое нужно сделать. Потому что как только это случится, мы должны будем сразу же сорваться с места.

Восстановление после смертельного сна у каждого происходит по-разному. У всех только одна общая черта — после сна все парализованы. Пока я помогала Уиту с Обрядом, видела разное: кто-то поправлялся через три дня, а кто-то через шесть. Так что понятия не имею, сколько времени Майлс еще будет недееспособен.

Мистеру Блэквеллу очень сложно будет найти нас, но вот Уит сможет Прочесть наше местоположение и проследить весь путь с помощью Заклинания. Значит, первое, что нужно сделать, — определить, где он сейчас, а для этого нужен огонь.

Я оглядываю пустынный ландшафт и вдалеке замечаю парочку одиноко стоящих деревьев. Трудно сказать, насколько они далеко, в любом случае оставить Майлса здесь одного я не могу. Поэтому беру его с собой и еду где-то с милю на пикапе, вместо того, чтобы пройти пешком. Стараюсь ехать плавно, хоть и знаю, что Майлс от тряски не проснется.

Я переживаю, что мой охотничий нож окажется недостаточно острым, чтобы отрезать толстые ветви. Но, в конце концов, мне не приходится их рубить — рядом нахожу несколько небольших высохших деревьев. Они достаточно хрупки, и мне удастся сломать их голыми руками. Кажется, я набрала уже достаточно дров, пора загрузить их в кузов, нужно только положить их так, чтобы они не поранили спящего Майлса.

Вернувшись в лагерь, развожу костер — небольшой, но для моего заклинания этого хватит. Сажусь перед ним и замедляю дыхание, сосредотачиваясь на ударах сердца, пытаюсь установить связь с Йарой.

Я вздрагиваю от этого единения, и энергия наполняет меня горящим светом. Теперь, когда я перестала использовать амулеты для связи с Йарой, мое с ней соединение стало гораздо сильнее. Стараюсь не обращать внимания на текущую сквозь меня силу и сосредотачиваюсь на Чтении.

— Уиттиер Грейвз, — произношу я и смотрю прямо поверх пламени. Через пару секунд вижу его.

Уит лежит на кровати в комнате с белыми стенами, его руки и голова плотно забинтованы. Рядом с кроватью стоит столик на колесиках, а на нем — кувшин с водой.

Получается, Уит пострадал в аварии и сейчас находится в какой-то больнице или госпитале. А значит, ему не до меня. По крайней мере, сейчас.

Я смотрю на него, и внутри нарастает гнев. Предатель! Он использовал меня и мою общину в качестве подопытных кроликов, собирался продавать лекарство — сильнейшую смесь из трав, измельченных минералов и крови, которую обычно мы используем при Обряде — внешнему миру.

Интересно, как много о делах Уита известно старейшинам? Больше, чем уверена, что именно из-за эликсира нас и спрятали в дебрях Аляски. И именно из-за Амрита им пришлось придумать всю эту историю про апокалипсис. Они не хотели, чтобы мы ушли. Но

почему?

Возможно, они не хотели, чтобы окружающие заметили, что мы не стареем. Но такое могло оставаться незамеченным десятилетия. Согласно той истории, что нам преподавали в общине, дата начала Третьей Мировой войны — 1984 год, именно в этот год родился первый ребенок у старейшин нашей общины. Неужели они спрятались, потому что узнали, что Амрит вызывает видимые мутации у их детей? Это больше похоже на правду. Но даже если и так, неужели не проще было спрятать нескольких детей, чем целые семейства ученых и теоретиков, имеющих большие связи в обществе?

Возможно, они решили, что требуется время для того, чтобы увидеть, как будет развиваться следующее поколение тех, кто использовал Амрит. Они хотели убедиться, что золотые звездочки в глазах у детей останутся единственной мутацией. Ну а Уит, видно, решил, что если эликсир не имеет серьезных побочных эффектов, то можно и раскрыть наш секрет... за определенную сумму.

Не могу поверить, что мои родители были в курсе планов Уита. Не могу поверить, что мое рождение лишь часть эксперимента.

Родители меня любили. И любили наш клан. Они никогда не сделали бы что-то, что причинило бы вред всем нам. Особенно, если это означает лишь денежную выгоду. Они не признавали торговых отношений.

Мои мысли возвращаются обратно, и лицо Уита исчезает из пламени. Я снова концентрируюсь и представляю отца Майлса.

— Мистер Блэквелл, — шепчу я и смотрю в огонь. Ничего не происходит. Наверно, это срабатывает только с близкими мне людьми. Раньше ничего подобного мне делать не приходилось, ведь всех членов общины я знала очень хорошо.

Хочу Увидеть отца, но вижу лишь темную комнату какого-то дома. Скорее всего, он спит.

Попробую-ка я еще одно имя.

— Талли, — произношу я, и из огня появляется изображение женщины с длинными волнистыми огненно-рыжими волосами. Она сидит с книгой перед пылающим камином в своем маленьком домике. А рядом с ней, вглядываясь в пламя, будто тоже умеет Читать, сидит черный ворон размером с кошку.

По. При виде его не могу сдержать улыбки. Я скучаю по своим хаски — Неруде и Беккет. Они всегда были рядом и занимают в моем сердце и в моей жизни такую огромную часть, что без них, я чувствую себя незащищенной. И хотя ничто не может заполнить пустоту в сердце, вызванную их отсутствием, мне было не так одиноко, когда По был рядом.

Присмотревшись повнимательнее, я замечаю в комнате кое-что необычное. На стене рядом с кухней висит прямоугольный кусок белой ткани, а на нем огромными буквами написано «ДЖУНО». Заинтригованная, я пытаюсь разглядеть надпись.

«КОСТИ БОРЕГАРА СКАЗАЛИ МНЕ, ЧТО ТЫ БУДЕШЬ СМОТРЕТЬ. ПТИЦА ТЕБЕ СКУЧАЕТ. Я ТОЖЕ. БЕРЕГИ СЕБЯ».

Я широко улыбаюсь. Как это похоже на Талли: написать мне послание после того, как прочла сообщение по костям своего опоссума. Она для меня словно приемная тетушка. Самая лучшая тетушка — хотя и немного сумасшедшая. Она скучает по мне. И По скучает.

Как же хочется сейчас его позвать. И стоило только этой мысли проскочить у меня в голове, как ворон начинает взмахивать крыльями и резко вскрикивает. Талли отрывает взгляд от книги и осматривается, будто чувствует, что я здесь. Хотя это и невозможно, я это

точно знаю. Но на какое-то мгновение связь становится такой мощной, что я почти ощущаю тепло ее камина и запах сосновой смолы.

— И ты береги себя, — шепчу я.

Я позволяю связи с Йарой распасться, и вновь вокруг лишь ночная тишина.

Когда я, наконец, направляюсь к палатке, костер уже почти потух. Ложусь на землю, но сон не приходит. Хочется лечь в кузов грузовика, рядом с Майлсом, но я боюсь его разбудить. Ему нужно поспать. То, что он так быстро открыл глаза и заговорил, — добрый знак. Он и так поправляется быстрее других, прошедших Путь. А если мы хотим убраться как можно дальше от Уита, мистера Блэквэлла и его людей, Майлсу надо поправляться еще быстрее, а значит, не стоит нарушать его отдых.

Тело устало, но мысли прыгают и шипят, словно капли воды на раскаленной сковороде. Я вылезаю из палатки, подбрасываю пару веток в костер, раздуваю огонь и дожидаясь, пока пламя не начинает лизать дерево. Взяв толстую палку, я достаю нож и начинаю счищать кору. Пока работаю — напеваю под нос послеобрядовую песню, которую дети поют у своих юрт. И надеюсь, что слова и мелодия достигнут разума Майлса и облегчат его выздоровление.

ГЛАВА 10

МАЙЛС

Я возвращаюсь в свой сон, тот, что снился мне в пустыне у Вегаса. Передо мной на заснеженной равнине стоит Джуно, с ног до головы облаченная в шкуры и меха. Ее длинные черные волосы водопадом спускаются по плечам до середины спины. Из маленькой коробочки, которую она протягивает мне, вылетают золотые искры и ползут по моей коже струйками раскаленного металла, прожигая до костей. Я не могу пошевелиться — меня парализовало.

— Джуно! — кричу я, надеясь, что она закроет коробку и остановит поток золотой жидкой лавы, но она лишь улыбается. Как она красива. Безмятежна.

— Ты и Йара — одно целое, — произносит она. Золотистый поток достигает моего горла и начинает выдавливать из меня жизнь.

Я в огне. Я — пылающая золотая статуя, и снег вокруг тает от жара этого пламени. Джуно с покрасневшими от огня щеками медленно наклоняется вперед и целует меня. Я рассыпаюсь миллионами крошечных искр, взлетающих ввысь и рассеивающихся в ночном звездном небе.

На этом в прошлый раз сон закончился. Но теперь эти маленькие искры устремляются обратно к земле, складываются по дороге, словно мозаика, и вот он я, снова стою на земле, невредимый, отливающий золотом. Постепенно свечение исчезает, и я превращаюсь в обычного человека, Джуно берет меня за руку и начинает смеяться.

— Теперь ты такой же, как и мы, — говорит она. — Твоя жизнь принадлежит Земле, и Земля будет оберегать тебя. Теперь ты — дитя Геи, и ты защищен от болезней.

Я опускаю взгляд на кисти, на плечи, и вижу все элементы. Я создан из воды. Из земли. Из огня и воздуха. Я больше не являюсь собой.

И с этой мыслью я просыпаюсь. Открываю глаза и гляжу в ночное небо, усыпанное миллионами звезд. Я пробую поднять руку, хочу понять, был ли этот сон кошмаром или это все реальность, но могу пошевелить лишь пальцами.

И тогда я вспоминаю. Я умер. И Джуно меня вернула. Меня охватывает паника. Во что же я превратился? Я хотя бы остался человеком? Как я могу быть уверен, что Обряд Джуно на меня подействовал так же, как и на членов ее общины? Я ведь не хиппи. И даже не защитник окружающей среды. Меня в детстве не учили разговаривать с растениями и Видеть будущее.

«Джуно», — напоминает мне сердце. — «Девушка, ради которой ты все бросил. Девушка, которую ты... о которой беспокоишься больше, чем о ком-либо прежде. Если ты не можешь доверять ей, то кому тогда верить?!»

И, хотя меня не покидает ощущение, что сейчас я задохнусь от ужаса и неизвестности, сон все же снова затягивает меня. И прежде чем полностью провалиться в беспамятство, в голове вновь возникает мысль.

Я больше не тот, кем был раньше.

ГЛАВА 11

ДЖУНО

Меня будит какое-то жужжание. Махнув пару раз рукой перед лицом, чтобы отогнать назойливых насекомых, я заставляю себя открыть глаза — надо мной небо оттенка спелой дыни. Я сажусь и понимаю — начало светать. Над горизонтом виднеется край солнца.

Я уснула рядом с успевшим уже остыть костром. Возле меня на земле куча опилок и четыре гладко выструганных прута с насечками, теперь я могу сделать два арбалета. Они будут ничуть не хуже, чем мой предыдущий, осталось только натянуть тетиву и установить самодельный прицел. Сделать это несложно — все необходимые инструменты у меня всегда с собой. А в рюкзаке еще остался приличный арсенал арбалетных стрел. Больше мы не безоружны.

Жужжание стихает, но ему на смену приходит какой-то механический гул. Это что, мотоцикл? Что-то вроде тех байков для гонок по пустыни, которые сдавал мужчина, поменявший мне машину? Я разворачиваюсь и внимательно осматриваю горизонт. И тут замечаю — на север летит небольшой аэроплан. Он пока еще слишком далеко, чтобы заметить нас, но мне все равно удастся разглядеть символ у него на борту: чёрный круг с буквами «БФ» и змеей, овившейся вокруг жезла. Я вздрагиваю, словно внезапно похолодало. Символ мне хорошо знаком — Блэквел Фармасьютикал. Точно такой же был на самолете, на котором меня доставили в Лос-Анжелес, и на машине, в которой везли, и на здании, где удерживали против воли.

Я заглядываю в кузов грузовика. Майлс спит под одеялом, которым я укрыла его прошлой ночью. Я легонько касаюсь его спины:

— Майлс.

Веки дрожат, и он открывает глаза. Майлс поворачивает ко мне голову, от взгляда на меня выражение неуверенности на его лице сменяется тревогой.

— Что-то случилось? — спрашивает он.

— Нам нельзя долго задерживаться на одном месте, — отвечаю я. — Я только что видела самолёт «Блэквел Фармасьютикал». Они направились на север. Но если они прочесывают местность, то скоро вернуться и могут засечь нас.

Майлс сжимает кулаки и с усилием приподнимает голову над своей импровизированной постелью. Пару секунд ему удастся удержаться в таком положении, но потом он со стоном падает обратно.

— Я по-прежнему не могу двигаться, — произносит он.

— Я могу нас замаскировать, — отвечаю я, — но если они обыскивают этот район, то мне придется либо держать Заклинание часами, либо накладывать его каждый раз, как мы услышим их приближение. Но лучше нам действительно убраться подальше отсюда.

— А нельзя просто накрыть меня одеялом? А сама ты спрячешься в палатке, когда они будут пролетать тут следующий раз? — спрашивает Майлс.

В ответ я лишь качаю головой.

— Самолет летит слишком низко, и они не пропустят подозрительную выпуклость в форме человека в кузове пикапа. Придется спустить тебя с грузовика погрузчиком.

Решение принято, и я начинаю действовать. Откинув задний борт грузовика, я залезаю в кузов и тяну спальный мешок. Майлс крепко зажмуривается, пока я подтаскиваю его ближе

к металлическому пандусу. Крепко хватаюсь за пандус, пытаюсь вытянуть его из креплений... и ничего. Дергаю ещё раз. Но он даже с места не двигается.

Я начинаю его раскачивать в надежде, что получится освободить пазы, но он застревает лишь еще сильнее. Я наклоняюсь и замечаю, что один из штырей погнут. Тут понадобится молоток или что-то вроде рычага, чтобы выпрямить его и высвободить пандус.

Вдруг где-то вдалеке вновь раздается звук летящего самолета. Постепенно гул становится все громче, и мое сердце чуть не выпрыгивает из груди. Руки начинают трястись, и тут я понимаю, насколько сильно напугана. Стоит только вспомнить о вертолетах, похитивших мою общину, и свой неудачный опыт полета на личном самолете мистера Блеквэлла, как меня тут же начинает трясти. Меня прошибает холодный пот. Даже если я решу замаскировать нас, не уверена, что у меня получится установить связь с Йарой в таком состоянии.

Я снова дергаю пандус, а сама мысленно начинаю перебирать имеющиеся у меня в наличии инструменты. Может, кое-что в моем наборе и сможет помочь. Надо только добежать до палатки за рюкзаком. Но гул самолета становится еще громче, и меня вновь охватывает ужас.

Заставляю себя сдвинуться с места и бежать к палатке. Нахожу свою сумку, но тут же понимаю — я не успею воспользоваться инструментами. Вместо этого, хватаю подушки и одеяла, бегу со всех ног к грузовику и раскладываю их на земле у открытого заднего борта.

Аккуратно двигаю Майлса к краю и ложусь на него сверху, крепко прижимаясь грудью и обвив его руками и ногами. В его глазах появляется беспокойство.

— Джуно, что ты пытаешься... — начинает он, но я его перебиваю.

— Просто заткнись и постарайся расслабить те мышцы, что уже заработали, — говорю я в ответ. И изо всех сил отталкиваюсь правой рукой и ногой, мы с Майлсом переворачиваемся и падаем с кузова грузовика. Долю секунды летим вниз и приземляемся, Майлс оказывается сверху.

Одеяла и подушки смягчили падение, но у меня все равно перехватило дыхание, поэтому мне приходится приложить немало усилий, чтобы спихнуть Майлса в сторону и сесть. Несколько долгих ударов сердца, и я, наконец, могу вдохнуть.

Самолет приближается — звук доносится откуда-то совсем рядом. Я затаскиваю Майлса под грузовик. Его ноги оставляют на песке глубокие борозды. *Утащить Майлса и спрятаться самой. Утащить Майлса и спрятаться самой.* У грузовика довольно высокая посадка, так что мне вполне хватает места, чтобы я могла, скрючившись, продолжать тянуть его дальше.

Рот забит песком, я подхватываю Майлса подмышки и последним рывком затаскиваю его под грузовик. Потом забираюсь сама. Самолет уже прямо над нами: этот шум, похожий на жужжание насекомых, заглушает все звуки вокруг, а затем двигается дальше на юг.

Я лежу еще где-то с минуту, стараясь отдышаться. Начинаю кашлять и тут же чувствую песок на языке. Поворачиваю голову в сторону Майлса — вот он, лежит рядом, в нескольких дюймах, его тело слегка развернуто в мою сторону, руки безвольно лежат вдоль туловища. Все лицо в песке, а на лбу красуется огромная ссадина. Он смотрит на меня широко открытыми глазами и облизывает высохшие губы.

— Ты в порядке? — интересуется он.

— Кажется, да, а ты? — спрашиваю я, тяжело дыша.

— Я-то в порядке, — отвечает он. — Ведь это я только что всем своим весом свалился

на тебя. Хорошо, хоть не раздавил.

Говорить мне трудно, поэтому просто киваю, закрываю глаза и прижимаю руки к груди. Мы молчим, гул летящего самолета становится все тише и вскоре замолкает совсем.

Постепенно мое дыхание восстанавливается, а сердце больше не собирается вырваться из груди. Но тут шею пронзает боль, а перед глазами появляются ярко-красные круги. Сегодня вечером мне явно будет очень плохо!

— Джуно? — слышу я голос Майлса.

— Да? — отвечаю я, поворачивая голову.

— Ты удивительная, — благоговеино шепчет он. — Поверь, ты без сомнений самая упрямая и решительная девушка, которую я когда-либо встречал. И, вообще-то, это комплимент, так что надеюсь, ты больше не станешь сбрасывать меня с грузовика.

К нему вернулась привычная насмешливая улыбка, и от одного взгляда на нее меня переполняет такое счастье, что я забываю и про болевшую спину, и про полный рот песка. Теперь мы сообщники. Нет, мы команда. Мы вместе.

Я улыбаюсь, протягиваю к нему руку и провожу по волосам.

— Обещаю больше не сбрасывать тебя с грузовика, если ты пообещаешь мне больше не попадать под пули.

— Договорились, — шепчет он и закрывает глаза.

ГЛАВА 12

МАЙЛС

Прихожу в себя. Так... я на переднем сидении пикапа и крепко пристегнут ремнем безопасности, чтобы мог держаться в вертикальном положении.

Джуно пристально смотрит на дорогу, и золотая звездочка в ее глазу блестит на солнце. Ее короткие волосы испачканы в грязи и топорщатся в разные стороны. Красноватая глина засохла на руках, и теперь они покрыты причудливым рисунком. Сейчас она очень напоминает девушку из того самого постапокалиптического мира, в который верила еще несколько недель назад. Такой жутко грязный приятель Безумного Макса ^[31].

Я опускаю глаза вниз и замечаю, что на мне нет рубашки, только забрызганные кровью джинсы и кеды. Догадываюсь, что моя рубашка вся испачкана кровью, и вряд ли я ее еще когда-нибудь смогу надеть. Сосредотачиваюсь на своих ногах и пытаюсь пошевелить пальцами. Не выходит.

— Где мы? — задаю я вопрос, и Джуно от неожиданности подпрыгивает. Голос у меня настолько хриплый, что похож на звук перекачивающегося гравия, я откашливаюсь и снова повторяю вопрос.

— Мы едем вдоль реки Колорадо, сейчас пересечем ее и будем в Аризоне.

Мы проезжаем знак с надписью «Шоссе Нидлс» и выезжаем на мост, пересекающий широченную реку с водой бирюзового цвета.

— Как я оказался в машине? — спрашиваю я.

— Я высвободила крепление пандуса и подняла тебя лебедкой, — отвечает Джуно, не сводя глаз с дороги.

Наблюдаю за тем, как она уверенно ведет пикап, а ведь впервые села за руль на прошлой неделе.

— Есть хоть что-то, чего ты не умеешь? — спрашиваю я, стараясь, чтобы было похоже на шутку.

Она задумывается.

— Я много чего не делала в своей жизни. Не управляла самолетом, например. Не разговаривала на китайском. Но думаю, если придется, то смогу с этим справиться.

— Ага, также как и с затаскиванием восьмидесятикилограммового мужчины на переднее сидение грузовика, — усмехаюсь я.

— Точно. — Она дарит мне улыбку и вновь возвращается к наблюдению за дорогой.

Вот так. Просто. Нет слов. Эта девушка так уверена в себе. И талантлива. Да и легко надерет задницу кому надо. Интересно, что она во мне нашла?

— Ну, может потом, когда я перестану быть парализованным, я тоже смогу произвести на тебя впечатление своими безумными навыками геймера, — продолжаю я.

Джуно смеется.

— Да ладно, должны же быть у тебя и другие таланты!

— Что-то еще кроме умения очаровывать цыпочек своим остроумием и сражать их наповал симпатичной внешностью? — спрашиваю я и выдаю свою фирменную улыбку — всегда так делаю, когда хочу кого-нибудь очаровать. Теперь же она мне кажется абсолютно нелепой. Джуно в ответ закатывает глаза, я смеюсь.

— Так... таланты... Ну, я могу поднять одну бровь, засунуть кулак целиком в рот и поздороваться с человеком на двадцати трех языках.

Джуно как-то недоверчиво смотрит на меня, а потом начинает хохотать.

— Ладно... как говорится, сам себя не похвалишь... раньше я отлично играл в лакросс. Фактически, я был капитаном запасного состава команды университета.

И тут же поясняю:

— Это значит, я был главным.

— Лакросс? Я что-то читала об этом в «Энциклопедии Британника», — задумчиво говорит Джуно и тут же начинает цитировать по памяти:

— Соревновательный вид спорта, современная версия североамериканской индейской игры баггатауэй. Игра проходит между двумя командами игроков с использованием клюшки, похожей на ракетку с длинной рукояткой и называемой «стик», чтобы ловить, пасовать и забрасывать мяч в ворота противника.

— У тебя фотографическая память? — Удержаться от вопроса у меня не получается.

— Нет. Просто, как я уже говорила, у нас было мало книг, — отвечает она, — и «Энциклопедия Британника» была нашей единственной связью с внешним миром.

Джуно бросает быстрый взгляд на карту, лежавшую на сидении между нами. Показав сигнал поворота, она съезжает с моста к площадке для пикников на берегу реки. Тут припаркована всего пара автомобилей, а посреди реки плывет моторная лодка и тащит за собой надувные круги с визжащими от восторга детьми.

Джуно опускает стекло, глушит мотор и поворачивается ко мне.

— Ты играл в лакросс. Значит, у тебя должны быть неплохие рефлексy. А раз ты был капитаном — есть еще и лидерские качества.

— Ключевое слово здесь «был». Я растерял весь интерес к лакроссу, когда мамино психическое состояние стало ухудшаться. Тогда я вообще потерял интерес ко всему.

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть жалость в глазах Джуно, и откидываю голову на спинку сидения. Я помню ту пустоту, что образовалась внутри после того, как мама ушла. Вещи, которые приносили мне удовольствие — мои увлечения, моя страсть, все, что я любил — все засосала эта дыра. Легче всего было отрешиться от мира. Все мои интересы ограничивались тем, что помогало забыть эту боль. Лишь на время, конечно. Боль всегда возвращалась снова, с удвоенной силой.

И где же эта боль сейчас? Я заглянул внутрь себя, будто ее можно было увидеть, будто это обычный синяк. И вижу — она все ещё здесь, со мной, но стала гораздо меньше. Теперь мне намного легче с ней справиться. Наверное, это из-за Джуно. Или из-за того, что впервые в жизни у меня появилась цель. А может, это имеет какое-то отношение к моему сну.

— Над чем задумался? — спрашивает Джуно.

Собираюсь, как обычно, отшутиться — шутки всегда были моим излюбленным защитным механизмом — но решаю, что с Джуно можно и не притворяться. Больше не нужно.

— Да так... Нахлынули воспоминания... Подумал о маме. О том, каково было мне, когда она начала болеть, и потом, когда ушла, — честно отвечаю я.

— Если хочешь, можем об этом поговорить, — предлагает она.

Я отрицательно качаю головой.

— Я пока не готов.

И неосознанно рука тянется ко лбу. Тут глаза широко распахиваются.

— Я могу двигать кистью! Да и вообще всей рукой!

— Неплохо. — Джуно улыбается. Она понимает, что я просто пытаюсь сменить тему разговора, и подыгрывает мне.

— А ногами пошевелить можешь?

Я сосредотачиваюсь, но мне удастся лишь пошевелить пальцами в кроссовках.

— Нет.

— Тогда, надеюсь, ты не будешь возражать, если я оставлю тебя в машине. — Джуно проводит рукой по волосам, взметая облачко пыли. — А мне бы не мешало искупаться.

Открыв дверь, она вылезает из кабины и идет к кузову грузовика, вытаскивает из рюкзака какую-то одежду, полотенце. Затем направляется на пляж, сбрасывает обувь, стягивает майку и джинсы и ныряет в воду в одном белье. Синем. Но не цвета неба — а такого глубокого синего цвета, цвета океана.

Не знаю, почему, но этот маленький «стриптиз» меня удивил. На нижнем белье Джуно было гораздо больше ткани, чем на большинстве купальников, виденных мною в Лос-Анджелесе. Наверно, меня удивил тот факт, что она вообще носит нижнее белье. Думал, раз она воспитана в общине хиппи — то они такого не признают. А может я просто посчитал, что она очень скромная и стеснительная. Но с другой стороны, она-то не только видела меня голым, но еще и умудрилась одеть, пока я был без сознания. Надо сказать, довольно непростая ситуация для людей, которые лишь целовались. Ну и что, что во время этого страстного поцелуя мы чуть ли не катались по земле... Это уже не важно.

Я стараюсь выбросить из головы все мысли о Джуно, о ее мягких губах, все воспоминания о том моменте. Сейчас мы не просто на задании — мы беглецы. И даже если мы оба захотим чего-то большего, вряд ли у нас будет на это время в ближайшем будущем. Я высовываю голову из окна в надежде, что прохладный ветерок позволит мне немного остыть.

Где-то с минуту Джуно плещется в воде, смывая грязь с волос и плеч. Потом разворачивается и плывет к противоположному берегу реки, широкими взмахами рук оставляя за собой метры водной глади. Десять минут, и она добирается до пункта назначения, мне бы понадобилось для этого в два раза больше времени. Доплыв до берега, он тут же разворачивается и плывет обратно, даже не передохнув.

Я откидываюсь на спинку сидения и, наконец, позволяю себе поразмыслить над тем, что же со мной произошло. Я умер. А затем вернулся к жизни. Так что по существу я — нежить. Зомби.

«Бессмертный зомби», — напоминаю я себе. По крайней мере, от меня не воняет разлагающейся плотью и не отваливаются конечности.

Поздравляю: находить во всем лишь положительные моменты мне пока удастся. Но вот избавиться от дурацкого гнетущего чувства я пока не могу.

Я наблюдаю за тем, как голова Джуно то показывается над водой, то снова исчезает, пока она плывет превосходным кролем, как настоящий спортсмен. Часть меня счастлива, что я жив. Выжил после смертельного ранения. Но другая часть сходит с ума. Что я теперь такое? И на Джуно я тоже не похож, поскольку ей не надо проходить Обряд пока не исполнится двадцать лет.

Я принял то самое средство, ради которого мой отец был готов на все, и оно навсегда меня изменило. Но я даже не понимаю, что это значит. У меня что, теперь есть сверхъестественные способности? Или это замедленное старение сделало меня бессмертным? Восхищение и страх слились внутри меня и поднялись вверх, обжигая грудь и

горло.

Я закрываю глаза и выдыхаю, затем делаю еще один глубокий вдох и медленный-медленный выдох. Все в порядке. Я жив. И я с девушкой, в которую постепенно влюбляюсь. Да кого я обманываю — уже влюбился. Влюбился.

Я открываю глаза — Джуно уже, вся мокрая, выходит из воды, тянется за полотенцем. Вытирает волосы, кожу, а затем проделывает хитрый фокус: оборачивает полотенце вокруг себя, снимает под ним мокрую одежду и надевает сухую. После этого идет к машине, одетая уже в черные джинсы и ярко-красную майку. Ее щеки покраснелись от плавания.

Она забрасывает полотенце и мокрую одежду в кузов, расчесывает волосы и из маленькой замарашки превращается в прекрасного эльфа. Залазит на водительское сидение и, опершись спиной на дверцу машины, поворачивается ко мне.

— Я могла бы расстегнуть ремень безопасности, если была бы уверена, что ты не упадешь. — И слабая улыбка появляется на ее лице.

— Сколько я еще не смогу двигаться? — спрашиваю я.

— Хочешь есть? Или пить?

— Нет.

— Тогда нужно еще немного потерпеть, — отвечает она. — Пока ты находишься под остаточным влиянием смертельного сна, есть и пить тебе не хочется. Большинство членов моей общины проводили в юрте дня по четыре, изредка приходя в себя за все это время. А ты бодрствуешь уже давно, можешь разговаривать и понимаешь, о чем тебя спрашивают. Похоже, от того, что ты очутился на пороге смерти, у тебя развились суперспособности. — Джуно пытается шутить, но, увидев выражение моего лица, замолкает. — Что-то не так? — спрашивает она.

— Извини, — произношу я, — просто довольно пугающе слышать, что мой случай уникален, я уже не «обычный» человек, но и не такой, как остальные члены твоей общины. Я ведь даже не понимаю, на что способно мое «новое и усовершенствованное» тело.

Судя по реакции Джуно, моя шутка тоже провалилась. Я качаю головой.

— Ладно, давай разберемся: мне сейчас восемнадцать, и я больше не буду взрослеть? Не вырасту ни на сантиметр и останусь таким, как сейчас? Так?

Джуно кивает.

— Почти. Но ты жив. И мне ты нравишься таким, какой есть сейчас.

Она наклоняется вперед и обнимает меня, а я кладу подбородок ей на макушку.

Мы сидим так несколько минут. Ее волосы щекочут мне щеку. Наконец она отстраняется, но лишь ровно настолько, чтобы наши лица оказались в паре сантиметров друг от друга. Она закрывает глаза и наклоняется, мягко и нежно целуя меня, а потом снова прижимается, пока ее пальцы скользят по моим волосам. Я дышу вместе с ней, и это меня успокаивает. Помогает собраться.

— Я обещаю, что расскажу тебе все, что знаю об Обряде, — шепчет она. — Расскажу все, что поведали мне о Йаре старейшины... всю правду, переплетенную с ложью... Тогда ты сможешь сделать то же, что и я... Осознать, что имеет смысл, для тебя. Какая часть тебя осталась прежней... какая изменилась. Ты сможешь понять, кем ты можешь стать.

Не знаю, что на это ответить. Внезапно накатывает усталость, что это, с уверенностью сказать не могу: может утомил разговор, может снова смертельный сон, или и то и другое вместе. Слишком много для одного раза. Я откидываюсь на подголовник и провожу рукой по волосам Джуно, притягиваю ее к себе и закрываю глаза. Чувствую, как сознание уходит, и я

проваливаюсь в сон.

А извне, из этого теплого и спокойного места, куда я проваливался, слышен голос Джуно:

— Старый Майлс или новый Майлс — для меня нет никакой разницы. Я просто рада, что ты здесь.

ГЛАВА 13

ДЖУНО

Я уже рассказывала Майлсу, что члены моей общины редко просыпаются во время смертельного сна. И когда он снова заснул, не похоже было, что он просто задремал, его словно засосало в черную дыру бессознательности. Это меня приободрило. Он не такой уж и уникал, как ему кажется — просто остальные, проходившие Обряд, не находились в бегах в этот момент. Думаю, этим и объясняется реакция Майлса, так не похожая на реакции других.

Мы останавливаемся на бензоколонке, мне приходится выйти из машины, чтобы заправиться и воспользоваться туалетом — Майлс даже не шевельнулся. На всякий случай я надеваю солнцезащитные очки, чтобы скрыть золотую звездочку в глазах, но женщина за прилавком смотрит телевизор и не обращает на меня внимания.

Вернувшись в грузовик, я роюсь в наших припасах, а точнее в том, что от них осталось. Несколько плиток шоколада и сыр на этой жаре совсем испортились, приходится выбросить. Бутылки с водой я переставляю за сидение, надеясь как можно дольше сохранить их прохладными, все, что осталось, выкладываю себе на колени: два яблока и пачка шоколадного печенья «Поп-тартс»^[4]. Не самые питательные продукты, что мне доводилось пробовать, но на заправке можно было купить только леденцы, а времени на охоту у меня пока нет.

Я вскрываю упаковку «Поп-тартс» и начинаю жевать, попутно обдумывая ситуацию. Меня беспокоят две вещи: насколько быстро поправится Уит, и как далеко намерены нас преследовать люди Блэквелла.

Нужно все тщательно проанализировать. Так... Уит может попробовать Чтение, чтобы найти нас. И он не доверяет своим охранникам. Тогда, в Солт-Лейк-Сити, он сунул мне карту Нью-Мексико так, чтобы его люди ничего не заметили. И еще я помню, как он был шокирован, когда те выстрелили в Майлса, это говорит о том, что он не полностью контролирует ситуацию. И если Уит знает, что я направляюсь в Нью-Мексико, то его головорезы — нет. А поскольку он им не доверяет, то вряд ли отправит этих амбалов за мной, если поехать с ними не сможет. Значит, пока Уит в больнице, о них можно не беспокоиться.

Что же касается мистера Блэквелла, то если он так сильно расстроился, что Уит пропал, так и не заключив сделку, значит о похитителях ему ничего не известно. И он не в курсе, где прячут людей моей общины. А, следовательно, куда мы направляемся, он тоже не знает. Так что, чем дальше мы с Майлсом окажемся от Лос-Анджелеса, тем большую площадь им придется обыскивать. И для нас так безопаснее.

В результате все сводится к одному: ехать нужно как можно быстрее и как можно дальше, так же нужно избегать мест, где нас могут опознать — отели, заправки, придорожные кафе. Мистер Блэквелл сообщил в полицию, что его сын пропал. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем он найдёт машину сына и поймет, что я обменяла ее на грузовик? Тот мужчина с мотоциклами сразу понял, что сделка довольно подозрительна. А раз у него много других машин, может он спрячет машину Майлса на какое-то время? Эх, можно было лишь надеяться.

Сминаю упаковку от печенья, бросаю взгляд на спящего Майлса и жму на газ.

ГЛАВА 14

МАЙЛС

Я просыпаюсь от звука текущей воды и запаха жареного мяса. Открываю глаза и вижу раскинувшиеся надо мной ветви деревьев. Среди них видны звезды на небе, такие яркие, что кажутся ненастоящими — будто я заснул в планетарии. Я сбрасываю накрывавшее меня одеяло, протираю заспанные глаза и сажусь, осматриваясь. И тут в голове словно щелкает: я же двигаюсь. Я больше не парализован!

Джуно сидит в нескольких метрах от машины у костра, над которым на вертеле запекаются какие-то животные. И сейчас меня абсолютно не волнует, что их пришлось убить. Я настолько голоден, что, кажется, готов съесть их сырыми. Пошевелив ногами, я подтягиваю колени к груди и смеюсь, радуясь, что у меня получилось.

Джуно поворачивается в мою сторону и подпрыгивает от удивления.

— Ты проснулся... И ты можешь двигаться! — ахает она, подбегая ко мне. — Как думаешь, встать сможешь?

— Есть только один способ это проверить, — отвечаю я, протягивая ей руку, она чуть тянет за нее, помогая мне встать.

— Прошло всего два с половиной дня смертельного сна, а ты уже стоишь на ногах! — удивляется она. Я плюхаюсь обратно на землю, и она поправляется:

— Точнее, пытаешься.

— Ноги будто в огне, — выдыхаю я, потирая пылающие бедра.

— Это нормально. — Улыбается она и со знанием дела принимается разминать мне икры. — Ты слишком долго не двигался, и кровообращение нарушилось. Через пару минут все пройдет. Есть хочешь?

— Я бы сейчас лошадь съел, — отвечаю я и, с недоверием глядя на неизвестное мясо на вертеле, добавляю:

— Не в прямом смысле, конечно.

Джуно тоже бросает взгляд на вертел и начинает смеяться:

— Это голуби. На двоих тут вполне хватит. И раз ты проголодался, значит, смертельный сон закончился. С возвращением в мир живых!

Я опускаю взгляд и осматриваю рану от пули. Она уже практически затянулась. Остается лишь небольшой чуть болезненный, тянущий шрам. Джуно заканчивает массажировать мне ноги и склоняется над огнем.

— Я рад вернуться. И это все благодаря тебе, — произношу я.

Она снимает вертел с распорок, переворачивает и вновь устанавливает над огнем.

— Ну, если бы мы не встретились, то тебя бы и не подстрелили, — замечает она, избегая моего взгляда.

— В точку, — отвечаю я. — С тобой опасно находиться рядом, Джуно Ньюхейвен. Но разве я убегаю?

Усмехнувшись, жду ответной улыбки, прежде чем сменить тему. Кивнув на новенький арбалет, лежащий возле костра, спрашиваю:

— Ты сама его сделала?

— Да, — с гордостью отвечает она и протягивает мне оружие, чтобы я мог повнимательнее его рассмотреть.

— Я начала его делать, когда мы добрались до Мохаве. А закончила и опробовала уже здесь. Так что голуби — его первые жертвы.

Я киваю, стараясь не обращать внимания на слово «жертвы» и не думать о Джуно, как о своеобразном воине-подростке.

— Нравится? — спрашивает она.

— Отличная работа, — отзываюсь я, крутя арбалет и восхищаясь ручной работой: дерево выстругано идеально, а спереди аккуратно приделан осколок зеркала.

— Вот и хорошо. Потому что это твой. Мой лежит в палатке.

У меня отвисает челюсть.

— Ты сделала его для меня?

Джуно улыбается.

— Да. Не переживай, я не буду заставлять тебя охотиться. Но раз все, кого мы до этого встречали, были вооружены, думаю, будет честно уравнивать шансы. Уроки стрельбы начнем с завтрашнего дня.

Даже не знаю, что ответить. Я терпеть не могу оружие. Просто ненавижу. Но это совсем другое дело. Его сделала Джуно. Для меня. Я скольжу пальцами по поверхности дерева. Идеально гладкая.

— Он просто изумительный, — наконец произношу я.

Впервые за все время нашего знакомства вижу, как Джуно краснеет. Исторический момент. Но я не успеваю даже пошутить по этому поводу, как она достает что-то из сумки и бросает мне.

— Вот. Прикупила для тебя это. Утром на заправке.

Она бросает взгляд на мою грудь и ухмыляется.

— Не то, чтобы я была против, когда ты ходишь полураздетый, но и не хочу, чтобы ты простудился.

Я разворачиваю брошенную мне вещь: это черная футболка с логотипом «Аризона Кардиналс»^[5].

— Не знал, что тебе нравится футбол, — усмехаюсь я и натягиваю футболку.

— Ни одного матча не видела, — признается Джуно. — Но только эта была с самыми маленькими буквами. А без надписей вообще не было. Не хочу платить деньги и носить при этом на груди чью-то рекламу.

— Это нормально, просто надо привыкнуть, — отвечаю я. Интересно, сколько времени понадобится Джуно, чтобы освоиться в окружающем мире? Хотя, наверно, она никогда не станет принимать вещи, какими они есть, в отличие от меня. Да и если честно, очень на это надеюсь.

Я предпринимаю очередную попытку подняться, и на этот раз мне это удается. Вперевалочку обхожу вокруг машины, дохожу до палатки, возвращаюсь к костру и даже пару раз прыгаю на месте. Как же классно снова владеть руками и ногами! Не могу удержаться и пробегаю несколько кругов по поляне, прежде чем плюхнуться рядом с Джуно.

— Я вернулся из могилы! — объявляю я, и, вытянув руки перед собой, восклицаю:

— Он жив!

— Это откуда? — удивленно спрашивает Джуно.

— Именно эту фразу произнес доктор Франкенштейн, когда его монстр ожил, — отвечаю я и разочарованный опускаю руки. — Ты что, не смотрела?

Джуно снимает оба вертела: один протягивает мне, а другой оставляет себе, и начинает

тихонько дуть. Когда мясо немного остывает, она стягивает маленький кусочек мяса и засовывает его в рот.

— У нас была книга Мэри Шелли. Я ее читала, но фильм не смотрела. Я вообще никогда не смотрела фильмов. — Сказав это, она хмурится и смотрит на меня так, будто мне это прекрасно известно.

Моя рука замирает на полпути ко рту.

— Ты... никогда не видела фильмы?

Не знаю, почему меня это так удивляет. Я, конечно, знал, что Джуно и ее община долгое время жили в тундре вдалеке от цивилизации, но почему-то именно отсутствие фильмов кажется мне самым жестоким из лишений. Жизнь без фильмов? Даже представить себе такое не могу.

— Взрослые упоминали о них, — отвечает Джуно. — Иногда во время праздника они рассказывали у костра истории из фильмов. Больше всего мне нравилось, когда отец Номы рассказывал «Звёздные войны». Он знал их наизусть.

— А, наверное, четвертый, пятый и шестой эпизоды, — говорю я. — Они выпустили еще три приквела лет пятнадцать назад.

У Джуно загораются глаза. Я в ответ лишь качаю головой.

— Да не радуйся ты так. Не много и потеряла. Оригинальная трилогия гораздо лучше.

Я закидываю в рот кусочек голубя — Джуно отрезала голову и хвост, поэтому теперь они очень напоминают цыплят, что меня абсолютно устраивает — и мой живот в ответ громко урчит. Я же два дня ничего не ел.

— Господи, как же вкусно, — мычу от удовольствия.

Джуно улыбается:

— Так ты у нас, значит, эксперт в кино?

— Не думал, что тебя это интересует, — отвечаю я, — а то упомянул бы об этом раньше. Я видел сотни фильмов, а может даже и тысячи. Мои знания в области фильмографии поистине превосходны и уступают, наверное, лишь видеоиграм. Давай, спроси меня о чем-нибудь.

— Даже не знаю, с чего начать, — задумчиво говорит Джуно, но вдруг замолкает. — Стой. Лучший эпизод в «Звездных войнах». Я спрашиваю не для того, чтобы удостовериться, смотрел ли ты их или нет, а чтобы понять, стоит ли доверять твоему вкусу.

— И откуда ты знаешь, какой в «Звездных войнах» лучший эпизод? — уточняю я.

— Отец Номы постоянно его цитировал.

— Это слишком простой вопрос. Мне даже думать над ним не надо. В этих фильмах лишь один поражающий больше всего эпизод, и ничто не сможет его переплюнуть.

— Что ж, посмотрим, сойдемся ли мы во мнении. Произносим вслух на счёт «три».

Джуно считает до трех, и мы одновременно произносим глухим голосом Дарта Вейдера:

— Я твой отец.

— Ого! — Джуно взмахивает вертелом с нанизанным голубем, словно флагом.

— Я знала, что ты неспроста мне понравился, и вот тому объяснение, — поддразнивает она меня.

Я указываю на нее вертелом.

— Знаешь, что? Когда мы спасем твой клан, тут же устроим киномарафон. Все шесть эпизодов «Звёздных войн» в хронологическом порядке.

После упоминания о клане задора у Джуно заметно убавляется, но улыбка не исчезает.

Она склоняет голову на бок и задумчиво смотрит на меня:

— Ну что ж, договорились.

И не дожидаясь, когда настроение совсем упадет, я решаю сменить тему разговора.

— Так, и где мы сейчас?

— В Нью-Мексико. Я проехала около восьми часов, пока ты спал. Сейчас мы где-то в двух часах езды к югу от Альбукерке и, если верить указателю Национального резервата дикой природы ^[6], разбили лагерь в боске. — Тут Джуно замолкает, будто ждет от меня чего-то, но я не произношу ни слова, и она продолжает:

— Не хочешь узнать, что такое «боске»?

— Подумал, зачем спрашивать, ты и так расскажешь, так что продолжай, — отвечаю я, ее нетерпение меня забавляет.

Джуно поднимает свой вертел, словно учительскую указку.

— Боске — это напоминающая оазис полоса зеленых насаждений, часто с живой изгородью, расположенная около рек, ручьев или других водных объектов.

— А что еще было на указателе? — задаю я вопрос.

— Что конкретно этот граничит с Рио-Гранде, которая является четвертой по длине рекой в США, — отвечает Джуно и отщипывает еще кусочек мяса.

— Значит, мы снова незаконно разбили лагерь, — произношу я.

Джуно кивает и абсолютно спокойно отправляет в рот следующий кусочек.

— Это единственное место, где мы могли скрыться. Ты же сам видишь: вокруг лишь сухая земля, и деревья на ней не растут.

Девушка откидывается назад, опирается о локти и внимательно смотрит на небо. Судя по ее выражению лица, она вычисляет наше местоположение, время суток и Бог знает что еще. Я смотрю, куда направлен ее взгляд, и вижу... почти полную луну. И все. Да, мне определенно нужен ускоренный курс ориентирования на местности, находящейся дальше, чем в миле от города.

— Суть в том, — говорит Джуно, втыкая вертел в землю, и тянется за картой, — что я не совсем уверена, куда нам ехать дальше. Мы в трех часах езды от Розуэлла. А место, отмеченное Уитом на карте, находится чуть северо-восточнее этого города. — И Джуно указывает пальцем в нижнюю правую часть штата.

— Может, стоит спросить у Йары? Прочесть или как там это у вас называется? — спрашиваю я, чувствуя себя жутко неловко, будто общаюсь на языке, который еще не выучил до конца.

— Ну, я пару раз Читала в языках пламени, так что знаю, как это место выглядит. И пыталась Прочесть по ветру, но... — Джуно замолкает.

— Тебе объяснить, как работает Йара? — спрашивает она, приподнимая бровь.

— Эм, да, — неуверенно отвечаю я. — Я же, наверно, тоже буду делать что-то такое, правда?

Джуно прикусывает губу.

— Думаю, да. Но скорей всего, не прямо сейчас. Полагаю, это придет со временем — теперь, когда ты решил соединиться с Йарой, твои знания будут постепенно увеличиваться.

— А разве они не появляются сразу, автоматически? — Я чувствую легкий укол разочарования. А я-то уже понадеялся на разные суперспособности, которые дарит мое новое «состояние».

Джуно прочищает горло, раздумывая, как же объяснить мне то, в чем и сама уже не

полностью уверена.

— Если бы два месяца назад ты спросил у меня, являются ли Обряд, соединение с Йарой и долголетие единым целым, я бы не раздумывая ответила «да». Но после того, как я узнала, что Уит пытался продать на сторону Амрит как «лекарство от старости», начала задумываться и о других «преимуществах», которые, как мне казалось, были связаны с проведением Обряда.

— Я все еще задаюсь вопросом, является ли способность к Чтению частью единства с Йарой, — продолжает она. — Дети нашего клана обладают способностью к Чтению, но эликсир они не принимали. Возможно, это из-за того, что мы воспитаны на вере в законы Геи — мы с детства близки с Йарой вплоть до того дня, когда решаем стать с ней единым целым. Дня нашего Обряда.

— Или из-за того, что по вашим венам уже течет Амрит. Вы ведь родились со звездами в глазах, и разве ты не говорила, что дети гораздо способнее в Чтении, чем взрослые? Может это из-за того, что ваши родители принимали Амрит, а не из-за веры?

Джуно задумывается, размышляет над моими словами, но потом решительно качает головой.

— Нет. Ты же видел, что произошло, когда я усомнилась в Йаре. Мои способности начали исчезать.

— Тогда, возможно, дело в сочетании этих двух вещей: эликсира и веры, — отвечаю я.

Джуно скрещивает руки на груди.

— Не знаю. — Не похоже, что я ее убедил. — Что я знаю точно, так это то, что теперь, приняв Амрит, ты будешь стареть гораздо медленнее. Никогда не заболеешь. Не будет никаких недомоганий. Никаких болезней. Но на этом все. Если ты хочешь быть единым целым с Йарой, хочешь научиться Читать, тебе надо изменить свое сердце. Изменить восприятие. Почувствовать Землю и весь этот сверхорганизм, частью которого мы являемся.

От сказанных Джуно слов мысли завертелись в голове. Я стараюсь вспомнить все, что она мне когда-либо рассказывала, и, надо сказать, что это не так уж и легко, потому что еще пару дней назад я считал все это несусветной чушью. Я киваю и чувствую себя как-то неуютно. Не слишком приятно быть подопытным кроликом. В этом эксперименте по изучению жизни и смерти. Часть со смертью я уже прошел... теперь нужно разбираться, что с этим делать в реальной жизни.

Самое время сменить тему разговора.

— А как ты вообще можешь использовать Йару, чтобы отыскать свою общину? — интересуюсь я.

Легкая улыбка Джуно говорит мне, что она тоже не прочь оставить на время спор о смысле существования. Она стягивает с вертела последний кусочек мяса, тянется за бутылкой воды, делает глоток и протягивает бутылку мне.

— Я могу Читать огонь, чтобы увидеть, где в данный момент находятся люди. Иногда я словно смотрю глазами другого человека, а иногда это просто картинки того, что расположено вокруг них. Я могу Читать землю, чтобы узнать, что люди чувствуют. Чтение камней и скал помогает, чтобы узнать, какая скоро будет погода, или какие события недавно происходили возле этих скал. Лучший вариант — вода, так Уит видел, когда идут разбойники... то есть, люди из внешнего мира. Этот способ не ориентирован на конкретного человека и его ближайшее окружение.

— Значит, нам нужна вода. Ты, кажется, говорила, что мы рядом с Рио-Гранде, —

замечаю я.

— Да, всего в паре минут ходьбы. — И Джуно указывает на лес. — Но сейчас темно. И я мало что смогу увидеть. Попробуем завтра утром.

— Это единственный вариант? — спрашиваю я.

Джуно начинает ерзать.

— Уверена, что я еще многого не знаю. Умышленно ли или из-за собственного незнания Уит держал меня... да и всех нас... в неведении относительно возможностей Йары. Теперь, когда я знаю, что он ошибался насчет амулетов, я постоянно задаюсь вопросом: а в чем еще он был неправ? Чего еще он не знал? Теперь я пытаюсь сама понять, на что способна. Возможности могут быть безграничны...

Я кивнул и делаю большой глоток из бутылки.

— Есть, конечно, еще один способ Чтения, о котором я не упомянула, — добавляет она. — Оракул.

Я чуть водой не подавился.

— Я не собираюсь заставлять тебя снова через это проходить, — поспешно говорит Джуно, вскидывая руки в примирительном жесте.

Я почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Да уж, не стоит, — хриплю я, и ударяю себя в грудь, чтобы выбить воду из трахеи. Когда снова получается нормально дышать, я беру Джуно за руку и сжимаю ее.

— Извини. Я хочу помочь. Но я, правда, не хочу снова это делать. Выдавать пророчества, после того, как ты вводишь меня в транс... Я просто... не могу.

— Я знаю, — отвечает она и аккуратно выволакивает свою руку из моей. — Все в порядке.

— Джуно... — начинаю я.

Но она меня перебивает.

— Я тогда была не права, не стоило делать этого без твоего согласия. Я использовала тебя...

— И накачала наркотиками, — добавляю я.

— Да, и это тоже. Из-за моих действий произошедшее стало для тебя психологической травмой, а ведь могло стать великолепным, волшебным опытом. Это полностью моя вина.

— Что ж, спасибо за запоздалые извинения, — улыбаюсь я. — Но я уже давно тебя простил.

— Я знаю, — отвечает Джуно, не сводя глаз с огня.

— Но это не значит, что я хочу все повторить.

— Знаю, — повторяет она и складывает свои ноги поверх моих.

Мы еще какое-то время сидим в тишине, слушая плеск воды неподалеку и жужжание жуков в темноте.

— Джуно, — наконец, зову ее я.

— Да?

— Покажешь, как вставлять пули в моего «Убийцу кроликов»?

Джуно смеется и напряжение между нами исчезает.

— Это называется «болты», а не «пули». И, думаю, мы сможем придумать для твоего арбалета имя получше.

— Как? Тебе не нравится «Убийца Кроликов»?!

— Это глупо, — произносит Джуно, дотянувшись до рюкзака и расстегивая молнию.

— Тогда как тебе «Истребитель Зайцев»? — предлагаю я.

— Еще глупее, — отвечает она, пряча улыбку и вытягивая из сумки связку деревянных кольшков.

— Ну а какое имя у твоего? — спрашиваю я, забирая у нее один болт, и начинаю вертеть его в руках.

— Мой предыдущий арбалет я звала «Скорострел». С новым еще пока не все понятно, но подумываю назвать его «Полет ворона».

Джуно поднимает на меня глаза и ждет реакции.

— Ты хочешь назвать арбалет в честь По? — на всякий случай уточняю я.

— А что не так? — Джуно, видимо, решила сразу обороняться.

— Ну, когда я вспоминаю ту птицу, слово «смертоносный» — не первое, что приходит мне на ум. «Неуклюжая»? Возможно. «Раздражающая»? Определенно.

Джуно в притворном ужасе открывает рот.

— Да как ты смеешь? — взрывается она. — По — мой благородный посланник. Мой верный помощник. Думаю, ты просто ревнуешь.

— И какой же он верный, если сейчас прикидывается домашней зверушкой той женщины? — отвечаю я, игнорируя ее слова о ревности.

— По благороден, — не уступает девушка. — Как и «Полет Ворона».

— Ты ведь просто хочешь мне досадить, — заявляю я.

— Конечно.

— Вот и отлично. Раз уж мы используем птичью терминологию, я назову свой арбалет «Уханье Букли».

Джуно, кажется, сбита с толку.

— И что, во имя всего святого, это значит?

— Это отсылка к произведению, которое знают практически все.

— Кроме меня, разумеется, — бормочет Джуно.

— Вот именно, — отвечаю я. — Раздражает, не правда ли?

— Вовсе нет, — произносит она, задрав подбородок, и начинает вглядываться в темноту, делая вид, что это ей нисколечко не интересно. Потом вздыхает и, достав из рюкзака болт, вставляет его в углубление моего арбалета.

— Это литературное произведение? — уточняет она, не отрываясь от оружия.

— Думаешь, вот так возьму и все тебе расскажу... любительница воронов? — подкалываю я ее.

Джуно громко хохочет. И выражение истинного счастья, появившееся в ее глазах, определенно стоит того, что с нами случилось, и того, что еще только произойдет.

ГЛАВА 15

ДЖУНО

После непродолжительной, но крайне продуктивной тренировки Майлс сразу же отрубился, хотя и утверждал, что вряд ли сможет заснуть. Оставив его в палатке, я сажусь у костра, чтобы вновь попытаться Прочесть его.

На этот раз я решаю пройтись по всему своему списку. По всем, кто меня интересует. Когда я произношу имя отца, то снова оказываюсь в той хижине из необожженного кирпича. Он лежит на кровати и смотрит в потолок, а на полу горят свечи.

В хижине Талли темно, только сквозь окна чуть-чуть пробивается лунный свет.

Отец Майлса сидит за компьютером в офисе на верхнем этаже своего небоскреба. Огни Лос-Анджелеса отбрасывают блики сквозь стеклянные стены комнаты.

Уит уже не в больнице. Но голова его по-прежнему плотно забинтована. Он сидит и что-то пишет за столом в гостиничном номере. Думаю, *он уже отправился по моим следам*. Но если он сегодня планирует лечь спать, то, во имя Геи, и мне тоже следует сделать то же самое. Мы оба знаем, куда я направляюсь. Теперь главное — постараться избежать с ним встречи, пока я не пойму, как освободить мой клан. Наше противостояние неизбежно. Но хотелось бы столкнуться с ним лицом к лицу как можно позже.

Я называю имя Номы, моей подруги: они с Кенаем разговаривают, сидя под ночным небом.

— Я скоро приду, — шепчу я. Как же мне хочется, чтоб они услышали меня! Может, если нам с Майлсом повезет, я смогу их увидеть уже завтра. Я тоскую по ним, а сейчас, когда до них уже рукой подать, эта боль становится лишь острее.

Я отвожу взгляд от потухающего костра и внезапно чувствую себя совершенно разбитой. Будто раньше я позволяла своим чувствам лишь потихоньку просачиваться через маленькую дырочку, а теперь плотина прорвалась, и меня с головой накрывает одиночество. Но я не заплачу. Потому что если я позволю хоть единой слезинке скатиться по щеке, то уже не смогу остановиться.

Я крепко обхватываю себя за плечи, накатывают воспоминания о жизни в общине. Там я никогда не была одинока, пока сама того не хотела. А сейчас... Я одна против целого мира, против всех плохих парней, и, если не одержу победу, то больше никогда не увижу свой клан.

Я вспоминаю вооруженных до зубов людей Уита и вдруг осознаю — меня могут убить. С другой стороны, за мной все охотятся. Всем от меня что-то надо. Возможно, я слишком ценна для них, чтобы меня убивать. Такие мысли немного успокаивают.

Бросаю взгляд на палатку, я напоминаю себе — я не одна. Со мной Майлс. Он захотел пойти со мной, хотя в то время никто из нас толком не понимал, во что мы ввязываемся. Я ему настолько дорога, что он решился пойти против отца. Решился уйти из дома.

Я разбрасываю угли палкой и направляюсь к палатке. Заглядываю внутрь — Майлс растянулся на земле. Он спит в футболке и боксерах, а окровавленные джинсы лежат в углу. Его лицо такое умиротворенное, словно Майлса ничто в этом мире не тяготит. Словно он обычный восемнадцатилетний парень, выбравшийся с друзьями на пикник.

Как же я хочу такой же свободы! Быть обыкновенным человеком, а не тем, от кого зависят жизни сорока человек. Не тем, за кем гонятся по всему миру, потому что только у

меня есть знания, за которые люди готовы убить. От этих мыслей вся тяжесть моего бремени ощущается еще сильнее. Как же хочется заснуть и не просыпаться! Но мне такое даже не светит. Не для того я наделена особым даром.

Пригнувшись, я забираюсь в палатку и застегиваю за собой молнию. Сажусь рядом с Майлсом и провожу кончиками пальцев по его каштановым кудрям. Если б я могла все ему объяснить. Рассказать об ответственности перед кланом и отцом. Хоть с кем-то разделить свою ношу.

— Майлс? — шепчу я, и он открывает глаза.

— Джуно?

— Нет... Не могу...

Вот и все, что мне удастся выдать из себя. Я так долго держала все в себе. Скрывала чувства даже от собственных друзей. Слова замирают на губах, так и не сорвавшись.

Майлс садится. Его глаза изучают мое лицо, он видит мой упрямо сжатый рот, видит боль в моих глазах.

— Тебя что-то тревожит, — шепчет он, я согласно киваю. Если бы все было так просто! Он притягивает меня к себе и обнимает, поглаживая волосы, пока я сама не отстраняюсь.

— Меня не нужно утешать, — стараюсь объяснить я. — Я просто хочу обо всем забыть. Хочу... Сбежать. От всего. Хоть ненадолго.

Бессвязные слова вырываются наружу, но смысл тут не имеет никакого значения. Майлс все понимает.

Я наклоняюсь к нему, а он — ко мне. Его губы легонько касаются моих и вызывают внутри меня бурю эмоций, такую сильную, что я уже не сомневаюсь — это не просто поцелуй между парнем и девушкой. Вокруг нас, словно ветер, хлещут потоки Йары. Засасывая в себя и заполняя нас своим пламенем.

Майлс притягивает меня ближе, моя грудь прижимается к его, но мне хочется быть еще ближе. Я просовываю руки под его футболку, и ему приходится отпустить меня, но лишь на пару секунд, необходимых, чтобы снять с него майку. С моих пальцев будто срываются невидимые искры, когда я провожу ими по обнаженной коже Майлса.

Его глаза расширяются от удивления: искры, возникающие от нашего соприкосновения, для него явно в новинку. Я увлекаю его вниз, и он ложится рядом со мной. Мы смотрим друг на друга, наши лица почти соприкасаются, а тела сливаются в единое целое. Я снова его целую. И весь мир исчезает.

Мы просто два маленьких пятнышка на поверхности планеты, такие крошечные, что сливаемся и выглядим, как единое. Единое целое друг с другом. Единое целое с землей. Соединившись вместе, мы оба становимся свободны.

ГЛАВА 16

МАЙЛС

Я просыпаюсь голый в пустой палатке. На ощупь отыскиваю одежду, натягиваю трусы и джинсы, надеваю футболку, купленную для меня Джуно. Провожу руками по голове, стараясь пригладить растрепанные после сна волосы, и лишь после этого расстегиваю молнию палатки и выхожу на окруженную деревьями поляну, где Джуно разбила лагерь.

Блики солнечного света отражаются от бегущей всего в нескольких метрах воды, а на берегу я замечаю красную майку Джуно, она склонилась над водой. При воспоминании о прошлой ночи на лице появляется широкая улыбка, и я очень надеюсь, что между нами не возникнет неловкости из-за всего произошедшего. Сквозь густые заросли я направляюсь к берегу реки.

Джуно поворачивает голову и, заметив меня, встает, уперев руки в бока. Выражение ее лица для меня в новинку — интимная, дразнящая улыбка, которая говорит о том, что все, произошедшее прошлой ночью, не было сном, моим самым лучшим сном.

— Ну... как спалось? — спрашивает она.

— Думаю, прошлую ночь можно смело назвать «Смертельный сон 2: Продолжение», — признаюсь я и совершенно не знаю, как теперь поступить: может, стоит подойти и поцеловать ее. Но я лишь поглубже засовываю руки в карманы и продолжаю стоять, жду какого-то знака от нее.

Джуно широко улыбается и протягивает мне руку. И я делаю то, что кажется мне вполне естественным в такой ситуации: я хватаю протянутую руку, притягиваю Джуно к себе и крепко обнимаю. Надо сказать, это истинное наслаждение. Надеюсь, она чувствует то же самое.

— Тебя все еще что-то беспокоит? — шепчу я.

Подняв голову, она удивленно смотрит на меня, потом качает головой.

— Нет, прошлой ночью мне удалось отвлечься. А сегодня утром я вложила все свои страхи и переживания в разработку плана.

Отодвинувшись от меня, она присаживается на корточки у воды. Момент, когда я мог ее поцеловать, прошел — она снова превращается в занятую и явно пока не расположенную к романтике Джуно, а мне остается лишь сожалеть об упущенной возможности. Я борюсь с желанием затащить ее обратно в палатку и проверить, были эти искры, разряды электричества и прочая магическая чушь плодом моего довольного воображения или все случилось на самом деле. Впервые секс превратился в такую пиротехническую феерию.

И тут мне приходит в голову мысль: а ведь это могло быть частью магии земли. Йары. Мы с Джуно не были одни. *Сила, связывающая все живое* или как там, черт возьми, Джуно ее называет, была с нами. И хоть эта идея кажется абсолютно нелепой, она порядком возбуждает. Но тут мои соблазнительные мысли прерывает Джуно, она указывает на реку.

— Ты видишь картинку в воде? — спрашивает она, кивая на ровную поверхность воды, в которой отражается утреннее солнце. Я стараюсь сконцентрироваться. Все это напоминает рассматривание облаков: я вижу переливы цвета, изменение форм, но не могу увидеть ничего конкретного. *Там ничего нет.* Я в ответ отрицательно качаю головой.

— Ладно, — произносит Джуно. — Ничего другого я пока не ждала. Просто хотела убедиться. Мне удалось увидеть место, где держат мой клан.

И она указывает на водную гладь.

— Вдалеке от хижин — но насколько далеко точно сказать не могу — стоит огромный особняк. У входа пара охранников в форме, очень похожи на тех, что были с Уитом.

Она снова пристально всматривается в воду и хмурит лоб.

— Странно. На соседнем огороженном сеткой участке, похоже, разгуливают дикие животные. — Она поднимает глаза на меня. — В Нью-Мексико есть львы?

— Скорее всего, есть койоты, как и у нас в Калифорнии. Может, пумы. Но львы... Вряд ли.

Джуно поджимает губы и вновь смотрит на воду.

— Нет, я точно вижу двух львов. И зебру.

— Зебру? А ты уверена, что видишь в воде Нью-Мексико? — уточняю я, стараясь не показаться скептиком.

— Совершенно, — отвечает девушка и поворачивается ко мне. — Я видела огромную пустынную территорию, где держат мой клан, обнесенную забором, с холмами и редкими деревьями, среди которых ходят животные.

— Ладно, — уступаю я. — Так каков план?

Джуно берет меня за руку и ведет обратно к лагерю. Я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на пробегавшие между нами искры и пытаюсь сосредоточиться на том, что она говорит.

— Периметр территории под вооруженной охраной, его объезжают на джипах, — рассказывает она, пока мы пробираемся через куст с такими колючими листьями, что они жалят меня даже сквозь джинсы. — Поэтому мы не можем просто перелезть через забор. Но мы можем незаметно пройти вдоль изгороди, пока не заметим мой клан. Их хижины должны быть видны через забор — я видела его позади них в своих Видениях. И прежде чем мы составим окончательный план, необходимо сначала добраться туда и увидеть все своими глазами.

Я останавливаюсь и потираю уколотую ногу.

— Ты говоришь «мы», будто я тоже буду участвовать в составлении плана, — замечаю я. — После всех тех глупостей, что я совершил, ты доверишь мне участие в его разработке?

Ну да, я просто напрашиваюсь на комплимент, но после всего, через что мы прошли, мне просто необходимо ее одобрение.

Джуно удивленно приподнимает бровь.

— С тех пор, как я тебя встретила, ты научился разводить огонь, ставить палатку и готовить. И вчера на тренировке ты уже не так часто мазал по мишени. Так что, думаю, ты мне понадобишься.

— Спасибо, — отвечаю я, довольный, что получил необходимую мне похвалу.

— К тому же, думаю, от тебя будет еще вот какая польза, — добавляет Джуно. — В нескольких местах на изгороди я видела металлические коробки. С горящими огоньками. Ты знаешь, зачем они там?

— Наверно, забор находится под напряжением, — отвечаю я.

— Значит, если я до него дотронусь, меня ударит током? — уточняет она.

— Да.

Джуно отбрасывает с дороги ветку и поворачивается ко мне.

— Вот видишь. Ты определенно полезен. Да, пробираться нам придется по дикой местности, и с этим я знаю, что делать. Но нам придется иметь дело и с современным

миром, который я до конца не понимаю. И тут уже твоя территория. И как мне напророчил оракул в Сиэтле, «ты нужен мне так же, как я нужна тебе». — И она дарит мне свою улыбку, которая наполняет теплом все потаенные уголки моей души.

Мы выходим из леса на нашу поляну, Джуно опускается на колени и склоняется над картой.

— Вот здесь на карте Уита была метка, — говорит она и проводит пальцем от пустынных территорий к местности на карте, где начинает появляться хоть какая-то растительность. — Недалеко от этой группы деревьев. Это то, что нам нужно. По крайней мере, этот район. Мой клан должен быть поблизости. Это где-то в часах трех езды.

И, скрестив руки, Джуно продолжает смотреть на карту.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Вполне. Но из того, что я видела, мой клан охраняют хорошо вооруженные, обученные люди. Не стоит сталкиваться с ними лицом к лицу. Надо бы придумать план, как нам вытащить моих людей прямо у них из-под носа. Будем выработать стратегию по дороге.

Она усаживается поудобнее и начинает доставать еду из сумки.

— Завтракаем, а потом едем? — интересуюсь я.

Джуно прикрывает глаза. Ее волнение почти осязаемо. Как же хочется забрать у нее все это беспокойство — снова увидеть ее беззаботной и хоть на минуту заставить забыть о нашей «миссии».

Она вздыхает и поворачивается ко мне:

— А как тебе такой порядок: сначала ты меня целуешь, потом завтракаем, а уж потом — едем?

— Замечательный порядок, — откликаюсь я. Дотрагиваюсь до ее лица и нежно целую. — И как ты только догадалась, о чем я подумал? — бормочу я.

— У тебя на лице все написано, — отвечает Джуно, а потом задает вопрос:

— А почему ты не поцеловал меня, когда хотел? Там, у реки? Старался вести себя деликатно? Или вежливо?

— Как джентльмен, — добавляю я.

— Мило, — удивившись, произносит она с улыбкой, — но не забывай, что я выросла в дикой глуши. И на мили вокруг не было ни одного джентльмена. Только дикари. И варвары.

— Хочешь сказать, что я могу схватить и поцеловать тебя, когда только мне захочется, невзирая на серьезность ситуации и уровень опасности?

Джуно скрещивает на груди руки и слегка наклоняет голову.

— Ну, это как посмотреть. Полагаю, в моем мире то, что произошло сегодня ночью в палатке, что-то значит.

— И что же конкретно это значит в твоем мире? — уточняю я, наслаждаясь таким поворотом.

— Даже не знаю. Может то, что мы теперь вместе? — рассуждает Джуно.

Я задумчиво потираю подбородок.

— Вместе? — озадаченно переспрашиваю я.

— Пара, — уточняет Джуно, и в ее глазах загорается опасный огонек.

— Хм, ну да. Думаю, в моем обществе из того, что произошло сегодня ночью в палатке, тоже вполне можно сделать вывод, что мы теперь пара, — произношу я.

— Что ж, тогда ты можешь схватить и поцеловать меня, когда захочешь, — заключает она, явно бросая мне вызов.

И мы оба понимаем, что этот вызов я принимаю.

ГЛАВА 17

ДЖУНО

Я позволила Майлсу сесть за руль, а сама принялась отслеживать наш путь по карте. Мы покинули боске и направились на восток, полоса зелени вдоль Рио-Гранде постепенно превратилась в бурую пустошь. Именно такой я всегда и представляла себе землю за пределами нашего райского уголка на Аляске: бурая земля — следствие Апокалипсиса, на которой уже ничего не будет расти.

— Надо бы заправиться, — говорит Майлс, и словно по волшебству появляется указатель на автозаправку. Мы въезжаем на покрытую гравием площадку Pump-n-Shop, и Майлс выходит, чтобы вставить пистолет в бак автомобиля.

Все наши продукты мы доели еще утром, а поскольку я понятия не имею, сколько времени нам придется следить за похитителями моего клана, прежде чем мы начнем действовать, решаю, что нужно пополнить запасы. Прохожусь по бакалейному отделу, беру молоко, мюсли и хлеб, еще упаковку булочек с корицей, консервированные бобы и супы в банке.

— А печенья «Поп-Тартс» нет? — спрашивает Майлс, подходя ко мне, пока пожилой мужчина на кассе пробивает товары.

— Здесь такое не продают, — отвечаю я. — Но думаю, вот это сможет компенсировать их отсутствие, — и вытягиваю из корзинки упаковку из шести «Сникерсов».

— Не уверен, что ваши старейшины сочтут эти запасы достаточно экологически чистыми, — кивает Майлс на кучу продуктов и насмешливо улыбается.

Эта улыбка, из-за которой раньше мне хотелось ему хорошенько врезать, теперь наполняет меня пузырьками счастья — и я готова взорваться. Всего за десять дней он перешел от враждебных подколов к нежному поддразниванию. И несложно догадаться, что из этого мне нравится больше.

— Посмотри, из чего приходится выбирать, — возражаю я, указывая на полупустые полки магазина. — Если бы мы могли хоть ненадолго где-нибудь остановиться, я бы обязательно что-нибудь посадила и вырастила. Но раз мы в бегах, остается брать, что есть.

Майлс широко улыбается. И на его лице появляется выражение торжества... Словно теперь, после того, как мы все обсудили и решили, что встречаемся, он невероятно горд быть со мной. Подмигнув мне, он облакачивается на прилавок и спрашивает у продавца:

— Подскажите, а есть ли где-нибудь поблизости зоопарк?

— Зоопарк? — озадаченно переспрашивает мужчина.

— Ну, вот если мы хотим посмотреть, к примеру, львов или зебр, куда нам отправиться? Есть здесь что-то такое поблизости? — уточняет Майлс.

— Ну, есть какой-то зоопарк в Альбукерке, — отвечает мужчина, снимая ковбойскую шляпу и проводя пятерней по прилизанным волосам. — А здесь зоопарков нет.

— Спасибо, — кивает Майлс и берет сумки, пока я расплачиваюсь за продукты и бензин.

— Но если вы хотите подстрелить парочку зебр, то на юго-востоке от Вона есть один безумный Техасец, — продолжает продавец. — Не знаю, кому он платит, чтобы на это закрывали глаза, но у него там есть разные дикие животные. Всякие избалованные городские богачи платят кругленькую сумму за то, чтобы собственноручно убить антилопу, или какую

другую зверюгу.

Майлс внимательно смотрит на меня, приподняв бровь.

— Значит, к югу от Вона? — переспрашиваю я, а сердце так и колотится в груди.

Из стопки на прилавке продавец вытаскивает карту местности и разворачивает ее. Берет ручку, но потом вдруг почему-то мешкает.

— А вы ее купите? — уточняет он, указывая на карту.

Я согласно киваю.

— Вот и ладненько, — отвечает он. — Мы вот здесь.

Мужчина чертит звездочку возле дороги, по которой мы сейчас едем, затем ведет линию на юго-запад к абсолютно пустынной местности, за исключением одного-двух участков зеленой растительности в углу, потом проводит вторую, третью. Пока не получается большой прямоугольник.

— Он купил этот огромный участок земли от пустыни на юге Вона до подножья гор Сакраменто, вот здесь, — объясняет он, указывая на зеленый участок с краю. Именно эту территорию я отметила в своей карте.

Он протягивает карту мне.

— С вас пять баксов.

Я кладу на прилавок еще одну купюру.

— Он утверждает, что на его территории животные могут размножаться «в естественной среде обитания», — продолжает свой рассказ продавец, сопровождая его движением пальцев, имитирующим кавычки.

— Естественная среда, ага, как же! — бормочет он себе под нос, протягивая мне сдачу, и громко хлопает крышкой кассы, в ответ раздается жалобный звон монет.

— Огромное спасибо, — произношу я, засовывая сдачу в карман.

— Но больше вы нигде поблизости животных не увидите, только на его сафари, — говорит нам вдогонку мужчина. — Этот сумасшедший ублюдок подвел ток к изгороди. А за территорией следит вооруженная охрана. Он вообразил, что у него теперь есть собственная армия. Кучка отморозков — вот они кто. Никто не захочет с такими связываться, это уж точно.

Подойдя к дверям, Майлс остановился.

— А как зовут этого владельца?

— Эйвери. «Охотник» Эйвери. — Мужчина снова попытался изобразить пальцами кавычки. — Самый безумный ублюдок, которого я когда-либо встречал. Редко тут появляется. Богаче, чем Бог. И сам себя считает Богом. — Продавец качает головой и принимается раскладывать на витрине пачки сигарет.

Майлс придерживает мне дверь, и когда мы оказываемся снаружи, я бросаю на землю рюкзак и крепко-крепко обнимаю его. Майлс стоит, продолжая держать в руках пакеты с продуктами, видно, что он очень изумлен.

— Это, скорее всего, он, Джуно. Этот человек — неприлично богат, у него есть собственная армия и огромный участок земли. Именно такой человек и мог похитить большую группу людей.

Я отпускаю его, поднимаю с земли рюкзак и бегу к грузовику.

— Это он, я это чувствую, — взволнованно произношу я, забираясь на сидение. — Мы нашли мой клан.

Два часа мы уже едем по направлению к Вону, а вокруг лишь выжженная трава до самого горизонта. Вдалеке, на юге, можно различить горную цепь — но это лишь фиолетовая дымка на фоне светло-голубого неба.

Вдоль дороги стоят деревянные или металлические ограждения. Пару раз нам попались огромные стада крупнорогатого скота. Майлс не переставая крутит радио: слушает песню до тех пор, пока радиостанция не начинает пропадать, а потом начинает нажимать на кнопки в поисках другой. Мы постоянно меняем жанр: то слушаем кантри, то какую-то испанскую радиостанцию, то что-то, что Майлс называет «классикой». Мне нравится все. У себя на Аляске мы слушали только то, что играли сами.

— Ты никогда раньше не слышала о «Битлз»? — интересуется Майлс, когда я спрашиваю его про песню, которую он знает наизусть.

— Конечно, я слышала о «Битлз», — отвечаю я. — Мардж, мать Кеная и наш шеф-повар, знала все их песни и пела иногда во время готовки. К тому же, о «Битлз» есть целая статья в «Британской энциклопедии».

— Ах да, как же я забыл про «Британскую энциклопедию» 1983 года, источник всех знаний, — шутит Майлс.

Я скрещиваю руки на груди, это вызов.

— А ты знаешь, что такое «панголин»?

— Какая-то разновидность древних гитар? — рискует предположить Майлс.

— Это африканский броненосец, — отвечаю я. — Его еще называют «чешуйчатым муравьедом». «Британская энциклопедия», том пятнадцатый, «От отряда Толстокожих до Приматов». Так что не надо тут критиковать «Энциклопедию».

— Ну конечно же, это именно та информация, которая всегда должна быть у меня под рукой, — парирует Майлс. — И, кстати, она *была бы* у меня под рукой, если б ты не поджарила мой айфон спустя пять минут после нашей встречи.

Я улыбаюсь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— А ведь Фрэнки был прав, — начинаю я размышлять. — Что было бы, если бы я не сломала твой телефон? Ты бы позвонил отцу, мы из Сиэтла выехать бы не успели.

— Точно, — отвечает Майлс, задумчиво поглаживая подбородок. — Но уже через неделю я тебя от него спас. Вытащил прямо у него из-под носа.

— После чего я спасла *тебя*, — продолжаю я.

— Хорошо, что мы не ведем счет, — смеется в ответ Майлс. — Потому что мое воскрешение я вряд ли смогу чем-то перебить.

Он убирает одну руку от руля и прикладывает мои пальцы к своим губам.

— Спасен моей отважной леди, — шепчет он.

Я слегка вздрагиваю, и Майлс чувствует это.

— О, а Джуно нравится, когда ей целуют руки, — произносит он и целует кожу над костяшками пальцев.

По коже бегут мурашки.

— Если хочешь заработать еще больше очков, нужно не забывать называть меня «отважной леди», — настаиваю я.

Майлс громко хохочет.

— Я рад, что ты рассказываешь мне о том, что тебе нравится. Потому что каждый раз, когда я начинаю думать, что уже знаю, чего от тебя ожидать, ты путаешь все мои планы и застаешь меня врасплох.

— Не хочу, чтобы ты заскучал, — отвечаю я.

— Это мне вряд ли грозит, — бормочет Майлс, качая головой.

Я снимаю его руку, лежащую на руле, и крепко ее сжимаю.

— Интересно, твой отец все еще ищет нас? — наконец произношу я.

— Уверен, что да, — отзывается Майлс. — Но мы так далеко забрались, что он не сможет нас здесь найти. Я прям вижу, как он звонит в полицию штата Калифорния и сообщает им какую-нибудь выдуманную историю с побегом, но раз мы уже в другом штате, вряд ли он станет объявлять общенациональный розыск.

— Значит, пока наша основная забота — чокнутый техасский миллиардера с собственной армией, — делаю я вывод. — Должно быть, это его люди были тогда с Уитом.

— На карте, которую тебе дал Уит, было указано именно то место, куда мы и направляемся — к югу от Вона, ведь так?

— Да.

— А сегодня утром, когда ты Читала реку, увидела львов и зебр на той территории, где держат твой клан?

— Именно.

— И парень, владеющий охотничьими угодьями с дикими животными, имеет собственную армию, если верить старику на заправке, — продолжает Майлс таким тоном, будто говорит «А дважды два равняется...».

— Все так, — соглашаюсь я. — Я видела двух вооруженных мужчин с Уитом в тот день, когда похитили мой клан. А еще больше их было в порту Анкориджа, когда они искали меня. Сколько же людей в его армии? Во всем этом точно замешан «Охотник» Эйвери. Но как, черт возьми, Уит мог связаться с таким человеком?

— Скорей всего, он предложил Эйвери то же, что и моему отцу. Бьюсь об заклад: если мы проверим его бизнес, он окажется владельцем какой-нибудь фармацевтической фирмы. Возможно, даже одним из конкурентов моего отца.

— В этом определенно есть смысл. — Мое сердце сжимается еще сильнее. Ну почему где-то глубоко внутри я все еще надеюсь, что Уит невиновен? Что все это недоразумение и им просто манипулируют? Что он хотел сказать тем сообщением, которое отправил с По: *«Вещи не всегда такие, какими кажутся»*?

На горизонте появляются невысокие серые дома, постепенно они становятся все больше и, наконец, превращаются в город. Мы проезжаем знак «ВОН. НАСЕЛЕНИЕ 73 ЧЕЛОВЕК».

Первое здание выглядит заброшенным. Следующие два, с красующимися на них с вывесками «АВТОМАСТЕРСКАЯ» и «ПОДАРКИ И КАНЦТОВАРЫ ОТ ДЖИНДЖЕР» т пусты.

— Да просто город-призрак какой-то, — замечает Майлс. Он сворачивает направо, и впереди мы видим горящую неоновую вывеску «БАР У СТИВА».

— Можем остановиться и пораспрашивать здесь о ранчо, — предлагаю я.

— Или нет, — отвечает Майлс, когда из бара выходят двое мускулистых парней в знакомой униформе. Мы проезжаем мимо, один из них достает из кармана пачку сигарет и

предлагает ее своему напарнику.

Я бросаю взгляд в боковое зеркало и замечаю, что они смотрят в нашу сторону.

— Жми, Майлс! — почти вскрикиваю я.

Майлс бросает взгляд в зеркало заднего вида.

— Сейчас мы не привлекаем внимания, — отвечает он. — А вот если газанем, то они точно кинутся за нами.

Грузовик тяжело подпрыгивает, когда мы проезжаем железнодорожный переезд. Я так напряжена, что мне кажется, будто голова сейчас взорвется.

— Это точно они, — говорю я. — Я видела их на Аляске. Тот парень, что сейчас закуривал, был у лодок в Анкоридже, когда я оттуда бежала, и проверял всех пассажиров.

— И у них такая же форма, что и у тех двоих, которые были с Уитом, — соглашается Майлс.

— Теперь у меня нет сомнений, — произношу я. — Мы на верном пути.

— Ну, это обнадеживает.

Майлс чуть притормаживает, когда мы пересекаем очередные железнодорожные пути. Мы выезжаем из города и направляемся в сторону пустыни.

— Теперь мы знаем, где обитает целая армия накачанных стероидами и вооруженных до зубов огромных мужиков. Осталась самая малость: всего лишь увести пару десятков людей, которых они держат в плену, прямо у них из-под носа. Да легче легкого. Я прав?

Он старается превратить все в шутку, но я вижу, что он, наконец, понял, какая опасность нам грозит. Майлс напуган. Да и я, честно говоря, тоже.

ГЛАВА 18

МАЙЛС

Мы выезжаем за пределы Вона и двигаемся на юг; миновав небольшой горный кряж, оказываемся на дороге, настолько узкой, что кажется, будто она теряется где-то на горизонте. Вокруг нас лишь ровная бурая земля. Вдалеке видна горная цепь. Деревья на ее склонах словно оазис посреди песчаных дюн.

Я съезжаю с дороги и останавливаю машину.

— Мы не сможем спрятаться среди этой пустоши, — замечаю я. — Они увидят наш грузовик задолго до его появления у ворот.

Кроме того проблеск страха, промелькнувшего в глазах Джуно, когда она скомандовала ехать быстрее у бара в Воне, она больше не кажется напуганной. Снова включила режим лидера и на сто процентов руководствуется разумом. Никаких эмоций.

Она разворачивает карту и показывает пальцем наше местонахождение — в паре дюймов к северо-западу от нарисованного продавцом прямоугольника.

— Похоже, все ранчо этого парня — сплошная пустыня, — произносит Джуно, — кроме вот этого кусочка на границе с горами.

И она обводит пальцем зеленый участок карты.

— Значит, двигаемся туда? — уточняю я.

Джуно оглядывает горизонт и говорит:

— Давай будем думать, как охотник.

— Ты думай, как охотник. А я буду думать с точки зрения военной тактики, — отвечаю я.

Джуно окидывает меня скептическим взглядом.

— Ты помнишь, в чем я хорош? Видеоигры и фильмы — вот лучшая тактическая тренировка, о которой только можно мечтать!

Я подмигиваю Джуно, и на ее лице появляется улыбка.

Затем она вновь сжимает губы и раздумывает о чем-то около минуты, прежде чем заговорить.

— Представь, что мы с Эйвери оба хищники, а мой клан — наша добыча. Эйвери уже поймал их, но хочет поймать и меня. Если Уит работает на него и отдал мне эту карту, значит, Эйвери уже знает, что я близко. И он будет пытаться воспользоваться приманкой. Позволит мне попытаться освободить своих, чтобы загнать меня в ловушку. И нам нужно украсть добычу Эйвери прямо у него из-под носа, несмотря на то, что он именно этого и ждет.

Она замолкает и смотрит на меня.

— Ладно, значит так, — решаю я перевести ее слова на понятный мне язык видеоигр. — У нас есть два варианта: либо хитрость, либо сила. Если выберем хитрость, нужно как-то обмануть или отвлечь часовых, чтобы твой клан мог сбежать, пока они смотрят в другую сторону. Если же выберем силу — придется в открытую идти на армию Эйвери, а для этого необходимы неожиданность, скорость и тяжелое вооружение.

— План А пока мне нравится больше, — заключает Джуно.

Я киваю.

— Значит, нам потребуется информация о том, где что расположено, и с чем мы имеем

дело.

Джуно кивает и смотрит на меня с уважением.

— А ты в этом довольно хорошо разбираешься, — замечает она.

— Ну, это, конечно, не так впечатляет, как если бы я засунул целый кулак в рот, — отшучиваюсь я.

— Скромняшка! — подкалывает меня Джуно.

— О да! Я вообще-то потрясающий! — подыгрываю я, становясь в позу тренированного качка.

— И даже лучше, — улыбается она и вновь бросает взгляд на карту. — Что ж, первое, что приходит мне в голову — двинуться через пустыню, а как только подъедем к воротам, бросить машину и остаток пути пройти пешком, тщательно скрываясь. Так мы доберемся до клана быстрее всего.

— А они не заметят наш грузовик? — спрашиваю я.

— Даже если у Эйвери несколько десятков человек, территория слишком большая, — отвечает Джуно, постукивая пальцем по нарисованному прямоугольнику. — Но если они патрулируют периметр, как в моем видении — тогда да, рано или поздно они заметят грузовик.

Я с подозрением гляжу на Джуно.

— Ты сказала, что это первое, что приходит тебе в голову. О чем ты подумала потом?

— Нужно проявить сдержанность. Двинуться в горы и потратить больше времени, чтобы разведать местность снаружи, прежде чем пробраться внутрь. Можем двинуться по этой дороге, — она указывает на тоненькую черную линию на карте. — Этот путь длиннее и займет больше времени, но мы не окажемся сразу же на ранчо и останемся незаметными. Мы можем проехать на грузовике как можно дальше, а потом пойти пешком, пока не окажемся у того угла забора, что находится у леса.

— Я предпочитаю вариант «пробираемся через лес», а не «врываемся, как звездный десант», — не колеблясь, отвечаю я.

Джуно согласно кивает.

— Обычно в подобных ситуациях было бы здорово увидеть знак Йары. Но для этого мне нужен оракул... — начинает она. Я жестом прошу ее остановиться, и она продолжает:

— Но сейчас мы можем и без этого обойтись.

Возникает неловкое молчание, которое нарушает Джуно.

— Я хочу добраться до своего клана как можно скорее. Хочу покончить со всем этим сразу. Но прошлый опыт показал, что мои эмоции — не лучший советчик в составлении плана. Мне нужно прислушаться к себе, к своим инстинктам. А они говорят мне, что лучше всего разбить лагерь в лесу, установить наблюдение за ранчо и оценить свои преимущества перед тем, как ввязываться в бой.

— Тогда решено, — заключаю я, завожу двигатель и направляю грузовик в сторону гор. Я слежу по зеркалам, не появятся ли за нами какая-нибудь машина, но нет, наш пикап единственный на много миль вокруг.

Несколько минут мы едем в полной тишине, прежде чем я решаюсь задать вопрос:

— Можно спросить у тебя кое-что о вашей религии?

— У нас нет религии, — удивленно отзывается Джуно. — Или ты имеешь в виду связь моего клана с Йарой?

Я утвердительно киваю.

— Это больше похоже на сверхъестественную связь, чем на верование. Мы никому и ничему не поклоняемся. Это скорее наш способ мышления: так мы видим наше место в природе и то, как мы связаны со всем остальным.

— Но я слышал, как ты упоминала о Гее. Разве это не древнегреческая богиня земли?

— Теория Геи говорит о том, что все в мире — живые существа, камни, моря, воздух — все смешивается в единый сверхорганизм под названием Гея. Гея существовала в прошлом, от самых истоков жизни, и будет существовать в будущем, пока существует жизнь. Поэтому мы через Йару — силу, текущую сквозь Гею — можем сами видеть прошлое и будущее...

— Понятие времени относительно, — продолжает свой рассказ Джуно. — И прошлое, и будущее уже случилось — нам необходимо лишь посредством Чтения получить доступ к этим «воспоминаниям».

— Ага, а еще можно отвинтить голову, вытряхнуть весь мусор и прикрутить обратно, — добавляю я.

Джуно ухмыляется и язвительно замечает:

— Позер.

— Что? — не понимаю я.

— Ты продолжаешь скромничать. Вести себя так, словно ты обычный человек. Или притворяешься, что не понимаешь меня, потому что это сложно. Хотя, по сути, ты так же умен, как и я...

— Ха! — невольно вырывается у меня.

— Что такое? — озадаченно спрашивает Джуно.

— Смотрю, ты тоже очень скромная, — подкалываю я ее.

Джуно смотрит на меня пару секунд и произносит:

— А почему я должна быть скромной? Я чертовски умна, а учителя моего клана говорили, что у меня есть даже потенциал гения. То же я могу сказать и про тебя. Так зачем это скрывать? Почему не считать себя таковым?

У меня отвисает челюсть. Может, стоило хоть как-то ответить, издать хотя бы какой-нибудь нечленораздельный звук, но я просто потерял дар речи.

А Джуно тем временем не отстает.

— Это, наверное, какая-то фишка вашей культуры — ложная скромность, когда заходит речь о ваших возможностях? Если бы этот разговор случился неделю назад, я бы решила, что ты пытаешься ввести меня в заблуждение относительно своего интеллекта и тем самым обрести преимущество. Но сейчас меня это просто бесит, потому что ты врешь. *Мне* врешь!

Наконец ко мне возвращается дар речи.

— Стоп, Джуно! Черт, хватит этих подозрений! Я не пытаюсь ничего из тебя вытянуть. Такова наша культура... культурная особенность. Просто раньше я об этом никогда не задумывался. Так что дай мне минутку.

Я пробую сформулировать мысль так, чтобы она поняла.

— Ты... то есть, люди... в нашем обществе...

Черт, да как же ей объяснить?

— В общем, не стоит вести себя так, будто ты умнее всех, потому что это считается грубым, — наконец выдаю я.

Джуно лишь смеется в ответ.

— Это самая глупая вещь, которую я когда-либо слышала. Когда ты живешь с группой людей, твои умения нужны для выживания всей группы. Ты не притворяешься, что у тебя их

нет. Ведь это просто лицемерие, получается, ты отказываешься вносить свою лепту в общее благо.

— В вашем клане все такие, или только тебя не научили, как правильно вести себя в обществе?

— Зависит от того, что ты называешь «*правильным*», — парирует она и прикусывает губу. — Думаю, и то, и другое. У нас всем известны слабые и сильные стороны друг друга, потому что это важно для нашего выживания. Но с тех пор, как мне исполнилось пять, меня растили как будущую главу клана. Предполагалась, что я буду Видящей клана. И все ожидали от меня наилучших результатов. Поэтому ложная скромность была бы ни к чему.

Мне нравится, что Джуно всегда старается выслушать меня, поэтому сейчас тоже пытаюсь понять, о чем она говорит. Понять, какова была... нет, какова ее роль и сейчас тоже. Ведь поэтому она такая, какая есть. И поэтому мы здесь: из-за того тяжелого бремени, которое она до сих пор несет.

Её клан ждет, что она спасёт их. И именно это она и собирается сделать.

И чтобы она могла полностью мне доверять, мне придется пожертвовать кое-какими привычками. Первая — мои механизмы самозащиты. Я уже поклялся себе, что не буду скрывать перед ней свои чувства, не буду прятаться за шутливым тоном. Джуно хочет, чтобы я был с ней абсолютно честен. И я буду, пусть это и значит стать уязвимым. Снова.

Что может быть хуже, чем когда тебя покидает собственная мать? Мне кажется, что внутри все сжимается, когда я достаю из глубин подсознания эту надежно спрятанную мысль. И тут же, словно удар под дых, приходит ответ на вопрос: *когда девушка, в которую ты влюблен, поступает точно так же.*

ГЛАВА 19

ДЖУНО

Оставшуюся часть пути мы едем в полном молчании. Я пытаюсь осознать то, о чем мне только что рассказал Майлс: как ведут себя люди во «внешнем мире». После этих слов мне становится понятно, почему он так себя вел... и продолжает себя вести после того, как прошел Обряд.

Он признает, что скрывает что-то. И тем самым прячется сам. Окружающие видят его таким, каким он сам решил себя показать. Значит, за этим напускным очарованием скрывается море мыслей, переживаний... и страхов.

Голос внутри меня твердит: не стоит критиковать Майлса за то, что он нечестен со мной, я не намного лучше его. Я позволила своему долгу перед кланом взять верх, забыла, кто я есть и чего хочу. Я притворялась не только перед кланом... я лгала себе.

Но стоит этой мысли пробиться на поверхность из глубин сознания, как я тут же заталкиваю ее обратно и захлопываю дверь.

Проходит еще полчаса напряженной дороги: мы постоянно высматриваем любой транспорт, движущийся либо со стороны Вона, либо от ранчо. Когда мы, наконец, съезжаем на узкую дорогу, ведущую в горы, оба выдыхаем с облегчением. Еще полчаса — и мы у подножья гор, где, словно множество колючих ежей, растет юкка.

Наконец дорога сменяется узкой тропинкой у самого подножья холма. Мы еще чуть проезжаем по бездорожью, прячем грузовик в скалах. В пределах видимости нет ничего — ни домов, ни машин, ни телефонных будок, ни линий электропередач. Лишь мы и природа. Все, как я люблю.

Я выхожу из машины, и лицо обдаёт жаром пустыни. Мы всего лишь в паре часов езды к северу от места нашей предыдущей стоянки, но здесь заметно жарче. Я раздеваюсь до майки, достаю из сумки джинсы, затем беру охотничий нож и отрезаю штанины до середины бедра, подвернув оставшуюся ткань так, чтобы край не обтрепался. Расстегнув джинсы, которые были на мне, я начинаю примерять свои новые шорты. Майлс резко отворачивается, видимо, чтобы предоставить мне чуть личного пространства.

— Майлс, ты ведь видел меня голой, — напоминаю я.

— Формально это так, но мы были в палатке и, к сожалению, там было очень темно, — отвечает Майлс, по-прежнему не поворачиваясь ко мне лицом.

— И не далее вчера я купалась в одном нижнем белье, и тогда мое полуголое тело тебя нисколько не смущало, — продолжаю я с улыбкой.

— Потому что тогда нижнее белье расценивалось как купальник, — говорит он. — А поскольку сейчас ты переодеваешься, то все, что находится под одеждой, считается нижним бельем.

Я смеюсь.

— Да ты святоша, Майлс Блэквелл!

— Я определенно не святоша, — возражает он и заставляет себя обернуться. Но к тому времени я уже надела новые шорты, и смотреть было уже не на что.

— Всех своих друзей я бы назвал кобелями, — продолжает Майлс. — Я же, наоборот, всегда считал себя джентльменом. И поскольку ты раздеваешься не специально для меня, то я не буду воспринимать это, как что-то само собой разумеющееся.

— Это все лишь слова, — отзываюсь я, но все же краснею.

Майлс это замечает и тут же не теряет возможности меня поддеть:

— Вы только посмотрите! Джуно предпочитает джентльменов, а не дикарей. Ну, признай же!

Я пропускаю его подколки мимо ушей, поднимаю нож и жестом указываю на его джинсы.

— А хочешь, я и твои джинсы превращу в шорты?

— Джентльмены не носят обрезанные шорты, — отвечает Майлс, скрещивая руки на груди.

— Так ты будешь руководствоваться модой, а не тем, что на улице больше тридцати градусов? — спрашиваю я.

— Конечно, нет, — произносит Майлс, кивая на вершину горы. — Я только представил, как же там должно быть холодно по ночам, поэтому лучше пусть мне будет жарко сейчас, чем я замерзну потом.

— Ну да..., — с сарказмом отзываюсь я.

— Джуно, ничто в этом мире не заставит меня носить обрезанные джинсовые шорты, — смеется Майлс и идет дальше. Дискуссия окончена.

— Как знаешь, — я пожимаю плечами и засовываю нож обратно в ножны.

Я складываю большинство наших вещей в свой рюкзак, Майлс берет палатку и сумку с едой, и мы выдвигаемся. Даже учитывая, что не известно, сколько времени нам понадобится для наблюдения за поселением, я все равно не хочу терять ни минуты.

Мы начинаем взбираться на вершину первого холма. Мои туристические ботинки не позволяют ноге соскальзывать, поэтому я могла бы идти довольно быстро, нас тормозит Майлс в туфлях на гладкой подошве. Смешно. Из-за звезды на боку они кажутся похожими на спортивную обувь, но он с тем же успехом он мог надеть балетки — эта обувь определенно не предназначена для скалистых склонов.

Спустя полчаса мы все-таки добираемся до вершины и останавливаемся выпить воды. Солнце светит прямо над головой — значит сейчас полдень или начало первого.

— Есть хочешь? — спрашиваю я. Майлс отрицательно качает головой, но ничего не произносит. Сомневаюсь, что он сейчас вообще способен что-либо произнести: лицо у него красное от напряжения, дышит он тяжело.

Я напоминаю себе, что он только что прошел Обряд. К тому же, ему, должно быть, непривычен чистый горный воздух, богатый кислородом. Я тоже сперва не могла дышать в Лос-Анджелесе, и Майлс, должно быть, чувствует себя так, словно очутился на другой планете.

Я протягиваю ему бутылку с водой, он берет ее и делает большой глоток. Склоняется, уперев ладони в колени, и продолжает тяжело дышать.

— Знаешь, что забавно? — произносит он с кривой ухмылкой. — Я в прекрасной форме. Просто тяжело взбираться вверх.

— Ты только что вернулся из мертвых, — напоминаю я.

— А, ну да. Тогда это точно из-за моего недавнего воскрешения, — отвечает он. — А что, если я попрошу тебя идти чуть-чуть помедленнее?

— В то время, как мой клан уже по ту сторону горы? — указываю я на поросший зеленью склон и озорно улыбаюсь. — Извини, но тут без вариантов.

Майлс выпрямляется и ударяет себя кулаком в грудь.

— Хорошо, я готов ко всему, — говорит он. — Не обращай внимания на мою одышку, покрасневшее лицо или промокшую от пота одежду. Это все уловки, в конце концов, я смогу развить такую скорость, что ты удивишься.

— Хвастунишка, — ухмыляюсь я.

— Так и есть, — парирует Майлс.

Я подхожу к нему и провожу кончиками пальцев по горячей щеке.

— Если мы будем идти с той же скоростью, то доберемся до вершины через час или чуть больше. И если это тебя обрадует — пока ты будешь приходить в себя, я приготовлю что-нибудь поесть.

Майлс кивает, и, несмотря на все еще тяжелое дыхание, произносит:

— Звучит чудесно.

— Первый, кто доберется до вершины, получает «Сникерс»! — кричу я, уворачиваясь, когда Майлс пытается меня схватить.

ГЛАВА 20

МАЙЛС

Я бесполезен. Нет, ну правда. С каждым шагом становится все более очевидным, что лучше бы Джуно отправилась в эту спасательную миссию без меня. В то время, пока я еле-еле ползу по скале, Джуно взлетает по склону, словно Человек-Паук, даже не смотрит, куда ставит ногу.

Стоило нам долезть до вершины, как я падаю на землю и роняю голову на колени, а Джуно продолжает исследовать склон в поисках ровной площадки.

— Сюда, Майлс! — кричит она мне из-за небольшой группы сосенок.

— Не могу пошевелиться. Я парализован. Думаю, вернулся смертельный сон, — стону я, пытаюсь выровнять дыхание, и сжимаю пульсирующую голову.

— Просто иди сюда, я всего в каких-то десяти метрах от тебя. И тогда я позволю тебе отдохнуть, — отвечает она.

— Позволишь? — ворчу я, поднимаясь на ноги и ковыляя к ней. Подойдя, шутливо отдаю честь:

— Есть, сэр. Как прикажете, сэр!

— Посмотри сюда, — продолжает Джуно. Ее глаза возбужденно блестят. Я смотрю, куда она указывает: впереди огромная проволочная изгородь, метров шесть высотой. Она тянется через гору по пустыне, к следующей горе и пролегает прямо по ее склону и теряется вдали.

— Это она! — восклицаю я, чувствуя себя немного странно. После стольких недель разговоров с Джуно о ее похищенном клане — вот оно, доказательство. Мы всего в паре минут ходьбы от ограды, отделяющей Джуно от ее людей. Ну, конечно, если не считать тысячи вольт напряжения да армии качков с автоматами. И все же... мы наконец-то здесь.

Я перевожу взгляд на Джуно: она почти искрится от волнения. Кажется, что она вот-вот взорвется и держится из последних сил, чтобы не кинуться напрямик, через этот забор к своему клану.

— Хорошо, план таков, — произносит она. — Мы разбиваем лагерь на противоположной стороне хребта, так, чтобы нас никто не заметил, например, если периметр патрулируется.

— Я поставлю палатку, — отзываюсь я. — Дай только пару минут отдышаться.

— Я помню, что обещала приготовить поест, — говорит Джуно, поднимая свой рюкзак. Она отправляется в ту сторону, откуда мы только что пришли, а я плетусь за ней, хотя больше всего в жизни мне сейчас хочется развалиться на земле.

— Но я так волнуюсь, что даже есть не хочу, — продолжила она. — Хочу сразу пойти вдоль изгороди и посмотреть, куда она ведет.

— Из-за еды не беспокойся, — отвечаю я. — Но разве это не опасно?

— Я обещаю держаться подальше от посторонних глаз и не делать глупостей, — успокаивает меня Джуно.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спрашиваю я, втайне надеясь, что она откажется. Интересно, а в восемнадцать лет можно получить инфаркт, занимаясь скалолазанием?

— Нет, — быстро отвечает она, и тут же добавляет:

— То есть... будет лучше, если ты пока разобьешь лагерь. Тогда сможешь отдохнуть в

палатке и поесть.

Отлично. Мы думаем об одном и том же.

Мы спускаемся по противоположному склону горы на несколько метров. Как только нам попадается маленькая плоская площадка, Джуно сразу же бросает рюкзак, а я — свои сумки. Она наполняет водой бутылку, а потом лезет в рюкзак за арбалетом и перебрасывает его через плечо.

Я достаю из сумки с едой батончик «Сникерса» и протягиваю ей.

— Ты его выиграла. К тому же, эта здоровая и натуральная пища поможет тебе продержаться, пока не вернешься обратно.

Джуно улыбнулась.

— Я вернусь через час или два, — говорит она и разворачивается, чтобы уйти. Но останавливается, подбегает ко мне, берет мое лицо в ладони и быстро целует. Прочитав на моем лице удивление при виде такого «неджуновского» поведения, она смеется и убегает прочь. Теперь, когда ей не нужно ждать меня, она передвигается в два раза быстрее; перескакивая с валуна на валун, она наконец скрывается за склоном горы.

Я растягиваюсь на земле и лежу так минут десять, пока дыхание не становится нормальным, а промокшая от пота рубашка не высыхает. Вскрыв одну из бутылок с водой, я почти целиком выливаю ее на голову и чувствую себя после этого гораздо лучше.

Я за пару минут устанавливаю палатку, складываю вместе все принадлежности для приготовления пищи и вешаю на ветку мешок с едой — я заметил, Джуно всегда так делает. Набрав под ближайшими деревьями достаточно веток для приличного костра, я с гордостью оглядываю поляну. А ведь месяц назад я даже и не представлял, с чего начать, разбивая лагерь.

А только поглядите на меня сейчас — живу тем, что получаю от природы! «Ну, почти так», — думаю я, делая себе сэндвич с мармеладом и арахисовым маслом и доставая из рюкзака пачку чипсов и бутылку воды. Съем это все на посту наблюдения.

Я стараюсь взглянуть на развернувшуюся передо мной местность, глазами Джуно. Как она обычно говорит? «*Выясни, какие преимущества даёт тебе природа*», ну, или что-то вроде того. Я замечаю небольшой ручей, бегущий вдалеке по склону горы по нашу сторону изгороди. Мысленно делаю пометку: набрать воды в бутылки. Хребет, на котором я сижу, — отличная наблюдательная площадка. Он окружен деревьями и просматривается не так хорошо, как близлежащие пики. Второе преимущество. Хотя Джуно, скорей всего, даже не пришлось их считать, уж она-то явно оценила их с первого взгляда. Для нее окружающая местность — все равно, что для меня моя комната: она знает, куда идти даже с закрытыми глазами.

Я замечаю какое-то движение вдалеке, в горах, внутри огороженной территории. Существо похоже на оленя, но поскольку я сильно сомневаюсь, что в Нью-Мексико водятся олени, наверное, это лось. Хотя, если представить его с красными поводьями и увешанного бубенчиками, то он будет очень похож на Рождественского оленя из фильмов. Или это все-таки лось? Или олень? А может лось и олень — это вообще одно и то же животное?

Вот бестолочь.

Так. Нельзя сдаваться только из-за того, что не смог опознать дикое животное.

Я вспомнил то, что Джуно говорила про единение с природой, и решаюсь провести эксперимент. Делаю так же, как она: стараюсь дышать спокойно, чтобы замедлить сердцебиение. С минуту я сижу с закрытыми глазами, затем открываю их и стараюсь

заглянуть *внутрь* ландшафта, вместо того, чтобы смотреть на его поверхность. Все вокруг меня приходит в движение, хотя я продолжаю сидеть на месте.

Справа боковым зрением я замечаю белку: она спускается вниз по стволу, подбирает с земли орех, засовывает в рот и быстренько взбирается обратно в дупло. Далеко в пустыне, за воротами, я вижу лошадей... нет, зебр! Целое стадо зебр, бредущее по пустыне к подножью гор. Какая-то огромная птица — может, сокол? — неподвижно парит надо мной, будто ее держит воздушный поток.

Лучше бы я больше внимания уделял биологии. Или, по крайней мере, чаще смотрел канал «Animal Planet»^[71]. По сути, зебры и белки — единственные животные, которых я смог опознать. Ну и еще мне известно, что лось относится к семейству оленевых.

Я снова закрываю глаза и чувствую, как камень, на котором я сижу, припекает ладони. Я думаю о Джуно и гадаю, каково ей находиться так близко к своим людям. Что она будет делать, воссоединившись с ними? Ну, конечно, если мы их освободим. И очень надеюсь, что бы ни случилось, она захочет, чтобы я был рядом. И даже не зная ее решения, я уже принял свое: я готов поехать с ней. Готов последовать за ней куда угодно. Со стороны может показаться, что принять такое решение довольно сложно, но на самом деле это было самым простым решением в моей жизни.

Я сосредотачиваюсь на образе Джуно и представляю, как она пробирается вдоль забора, прячась от посторонних глаз, исследуя окрестности в поисках всего, что ей может пригодиться. Покалывание движется от кончиков пальцев, вверх по предплечьям, и внезапно я ощущаю невероятное волнение и... укол тревоги. Раньше я никогда такого не чувствовал, по крайней мере, не так сильно. И вдруг я осознаю: это не *мои* эмоции. Это эмоции Джуно. *Я чувствую ее.*

Вскочив на ноги, я гляжу сначала на свои пальцы, затем на камень. Я что...? Этого не может быть... Я только что Прочел Йару? Я пытаюсь вспомнить, что сегодня утром рассказывала Джуно: что позволяет узнать чтение разных предметов. При Чтении земли видишь эмоции? Не помню. Вроде, когда Джуно хотела прочесть чьи-то чувства, она касалась земли. И я только что, совершенно случайно, сделал то же самое.

— Ни фиги себе! — кричу я и принимаюсь, как сумасшедший, танцевать на вершине холма. У меня получилось! Установил связь с Йарой! Даже и не думал, что это возможно.

Стоп. Взглянем трезво: *Джуно* не считала это невозможным. Она говорила, что познание Йары приходит лишь с изменением образа жизни. Жизни в единении с природой или как-то так. Так как я могу быть близок к природе, если я даже не могу узнать этого чертового оленя? Уверен, все дело в Амрите. Вместе с преимуществами — отсутствие старения и невосприимчивость к заболеваниям — у него явно есть и побочный эффект — воздействие на мозг. И тут меня осеняет: Амрит воздействовал и на мой мозг. Я не просто бессмертный. Я способен к магии.

Ликование исчезает, и ему на смену приходит страх, он поднимается по груди вверх холодной змеей и сжимает горло. «*Все в порядке*», — твержу я себе. — «*Все хорошо*».

Знаю, меня сейчас должно бы охватить радостное возбуждение. Ведь так я становлюсь ближе к Джуно. Теперь я могу понять все, о чем она говорит — все, что до сих пор было для меня лишь абстрактным понятием.

Но что, если это *не* Йара? Не может же все быть так просто. Джуно говорила, что это займет намного больше времени. Преданность Земле и все такое. Что, если из-за того, что я не такой, как люди из клана Джуно, препарат спас мне жизнь, но сделал меня сумасшедшим,

и галлюцинации — лишь первый симптом? *Не будь параноиком.* Теперь я, как и Джуно, способен творить магию. Я реально в шоке.

Спотыкаясь, я спускаюсь вниз к палатке; куча разных мыслей хаотично движется у меня в голове. С одной стороны — это самое захватывающее событие, которое со мной когда-либо случилось. А с другой — и самое пугающее.

Когда я наконец добираюсь до лагеря, то чувствую такую усталость, что залезаю в палатку и просто валяюсь на землю. Будто снова возвращается смертельный сон — такое чувство, словно меня огрели по голове, и я свалился без сознания.

И прежде чем я успеваю отрубиться, в голове снова возникает воспоминание о том, что случилось на скале. Неужели я действительно смог связаться с Йарой, ведь я даже не пытался, или же я схожу с ума из-за того, что принял лекарство, мне не предназначавшееся? Похоже, я ничего об этом не узнаю, пока не попробую снова. И до тех пор Джуно ничего рассказывать не буду. Не стоит ее пугать.

ГЛАВА 21

ДЖУНО

Я вернулась в лагерь, Майлса нигде не видно. Надо же, как хорошо он все обустроил, не могу поверить, что это сделал парень, который всего неделю назад сидел в машине, пока я ставила палатку, разводила огонь и готовила.

Я отстегиваю флягу, снимаю арбалет и кладу их на землю. Достаяю из сумки, висевшей неподалеку на дереве, кусок хлеба и принимаюсь жевать, параллельно рисуя на земле карту. Быстро, пока еще ничего не забыла, я делаю набросок того участка изгороди, что идет вдоль гор через лес к пустыне. Я отмечаю все, что мне удалось заметить: заросли деревьев, подлесок, достаточно густой, чтобы можно было в нем спрятаться, несколько ручьев и места, где они впадают в водоемы. Я зарисовываю животных, которых видела по обе стороны забора, и добрых полдюжины металлических коробок, что висели на некоторых столбах изгороди.

Закончив работу, я оглядываю поляну, задаваясь вопросом, куда же Майлс отважился пойти в одиночку. А затем замечаю, что молния на палатке застегнута изнутри.

Я подхожу ближе и резким движением расстегиваю ее. Майлс, секунду назад мирно спавший, вскакивает с выражением такого ужаса на лице, что я вскрикиваю и невольно отскакиваю назад.

— Черт возьми! Как же ты меня напугала! — кричит он, выбираясь из палатки.

— Это *ты* меня напугал! — отвечаю я, прижимая руку к стучащему, как отбойный молоток сердцу. — Чего это ты вздумал прилечь среди бела дня?

Майлс виновато смотрит на меня:

— Я устал. Вот и все.

— Ну ладно, — произношу я и иду к своей карте, жду, пока успокоится пульс. Когда я оглядываюсь на Майлса, он стоит все на том же месте и странно смотрит на меня.

— С тобой что-то не так? — спрашиваю я.

— Ничего! — резко отвечает он. — Все со мной так. Не важно. Я полностью нормальный... то есть, я полностью в порядке.

— Хорошо.

Я отворачиваюсь и наношу на карту еще пару деталей. Если он не хочет рассказывать, заставлять не буду. Но он явно чем-то обеспокоен.

— Что ты рисуешь? — меняет Майлс тему разговора. Он встает за моим плечом и начинает изучать карту.

— Я внимательно осмотрела ту часть изгороди, которая находится в лесу, — отвечаю я, показывая на карту.

— Нашла что-нибудь полезное? — уточняет Майлс, старательно избегая моего взгляда.

— Просто получила общее представление, — говорю я. — Хотела посмотреть, насколько это ограждение велико. Оно огромно, Майлс. За два часа я увидела лишь небольшую его часть. Мы сможем пройти вдоль него по горам незамеченными. И, думаю, именно сюда Эйвери приводит желающих поохотиться, — я указываю веткой на водоемы, — потому что именно сюда на водопой придут все животные. Где наша карта?

— В палатке, — отвечает Майлс и приносит ее мне. Я разворачиваю полностью карту, чтобы было легче изучать очерченную ручкой территорию.

— Сложно сказать, насколько точно тот мужчина с заправки нарисовал прямоугольник. Но, в целом, довольно верно: на территории ранчо не так уж много источников воды. Есть лишь этот кусок горной местности и две реки, текущие с востока. На большей части остальной территории земля сухая.

— И о чем это тебе говорит? — спрашивает Майлс, теперь уже своим обычным голосом. Что бы его до этого не напугало, все уже прошло.

— В предгорье никаких строений я не заметила. Так что, думаю, дом Эйвери находится где-то у реки. И хижины, в которых сейчас живут люди моего клана, тоже должны быть где-то там, иначе им пришлось бы каждый день возить воду. Это значит, что территория, которую мы ищем, где-то здесь, — я провожу пальцем от западного края прямоугольника, где находимся мы, к дальнему восточному углу, где обозначены две реки.

Майлс негромко присвистнул.

— А путь-то неблизкий!

— Да, почти целый день пешком, — отвечаю я и записываю на земле пару цифр. — Вчера солнце встало около шести, а село в восемь. Значит, день длится около четырнадцати часов. — Я измеряю ручкой сначала масштаб карты, а затем длину прямоугольника. — Если мы выйдем на рассвете, то будем там к наступлению темноты.

Я поднимаю глаза и смотрю на Майлса. Он обдумывает мои слова.

— Или, — наконец произносит он, проводя пальцем вниз линии, — мы можем проехать туда окольным путем: нас никто не заметит, на машине мы доберемся гораздо быстрее, а сам грузовик сможем потом использовать для побега.

— Хорошее предложение, — улыбаюсь я. — Я как-то не привыкла рассчитывать на транспортные средства. А по поводу побега... Я об этом еще даже не думала. Сначала стоит определить расположение Эйвери, моего клана и охранников, а потом уже действовать.

Майлс согласно кивает.

— Ну, и раз мы сошлись на плане А — то есть стратегии хитрости — скорее всего, нам еще придется угнать парочку машин. И как ты сказала: надо узнать, где находятся не только сами охранники, но и их транспорт, а также несколько входов или выходов по периметру изгороди.

Я широко улыбаюсь. Неужели Майлс не побоялся показать, и прежде всего самому себе, на что он действительно способен при выработке стратегии? Он доверяет мне настолько, что снял защитные барьеры и раскрылся. Наконец-то.

— Что такое? — спрашивает он, заметив выражение моего лица.

— Ничего. Продолжай, — киваю я.

— Конечно, если бы мы решились на план Б — стратегию силы — то бросились бы туда с шашками наголо. И *если* бы мы победили, то смогли бы просто захватить их машины и увезти людей. Но в это верится с трудом, если учитывать, с чем нам приходится иметь дело.

— А именно? — заинтересованно спрашиваю я.

— Принимая во внимание то, что у твоего клана нет оружия, ведь они находятся в плену, все, на что мы можем рассчитывать — это два арбалета, охотничий нож и пикап.

В ответ я лишь смеюсь.

— Тогда хорошо, что мы выбрали план А! Но если дело все же дойдет до драки, мы сможем рассчитывать на силу моего клана. Ах да, и на кое-какую помощь от Талли.

— Талли? — обескураженно спрашивает Майлс.

— Да, женщина, живущая в горах, домашней зверушкой которой прикидывается По, —

напоминаю я.

— Но... как она может нам помочь из Юты?

— Ну, надеюсь, она больше не в Юте. Я позвала ее из Аризоны и попросила прибыть в Нью-Мексико.

— Стой... но как?.. — чуть ли не заикаясь, спрашивает Майлс. — Я думал, у нее нет телефона и вообще электричества.

— Нет, — ответила я. — Перед моим уходом она дала мне номер телефона магазина, в который она иногда заходит. Я передала через них сообщение: «Доберись до Розуэлла и жди сигнала». Надеюсь, она его получила, арендовала грузовик и уже направляется сюда. А это значит — еще один помощник по эту сторону изгороди и еще одна машина.

Майлс изумленно смотрит на меня.

— И как... как ты будешь с ней общаться?

— Пока я изучала изгородь, мне удалось связаться с По с помощью Йары. Так же, как тогда, когда его позвал Уит, помнишь, он взбесился на заднем сидении твоей машины? Если это работает — а я надеюсь, что работает — он будет здесь.

— Ух ты, — произносит Майлс. — Тогда... Добавим Талли и птицу в список наших резервов. — Он снова бросает взгляд на карту. — Отправимся сегодня вечером? Доедем до противоположного края заповедника, спрячем грузовик и пройдемся пешком? Можем разделить: я пойду на север вдоль изгороди, ты — на юг, пока не дойдем до углов, а потом оба пойдем на запад. Если мы разделимся, то пройдем большее расстояние и закончим со всем до восхода солнца.

Я отрицательно качаю головой.

— Необходимо держаться вместе.

— Почему? — спрашивает он.

— Напоминаю, мы предполагаем, что периметр патрулируют охранники. Если они осматривают территорию по ночам, то всё, что им потребуется, чтобы засечь нас на голой и выжженной пустыне — это пара прожекторов.

— И что изменится, если мы будем держаться вместе? — интересуется Майлс.

— Я могу спрятаться с помощью Заклинания. Я даже смогу спрятать и тебя, как спрятала нас от твоего отца и его людей, пока ты находился в смертельном сне. Но если ты будешь на другой стороне изгороди, я не смогу тебя защитить.

Майлс задумчиво смотрит на меня.

— Жаль, я не могу замаскировать себя сам, — наконец произносит он, испытывая явное неудобство.

— Это Заклинания, — мягко отвечаю я. — Ты даже еще не знаешь, как Читать. Я ведь говорила: это не придет автоматически после проведения Обряда. Это есть образ мышления. Образ жизни.

— Не знаю, — медленно произносит он. — Просто пока тебя не было, кажется, я что-то почувствовал. Может, это ничего и не значит...

Мое молчание говорит само за себя. Майлс пожимает плечами и старается выглядеть безразличным.

— Ну и ладно, — бормочет он, засовывает руки в карманы и направляется к вершине горы. Я иду за ним. На самой вершине он останавливается и оглядывает пустыню. Я обнимаю его сзади и кладу голову на плечо.

— Тебя беспокоит все тот же вопрос: Йара это религия или магия, так? И как она на

тебя повлияет?

Майлс не отвечает.

— Ты бы хотел, чтобы я не проводила Обряд? — спрашиваю я.

Он смотрит вверх, на спускающегося кругами ястреба, выслеживающего добычу.

— Я рад, что остался жив, — наконец отвечает он.

— Тебе не обязан становиться такими, как мы, Майлс. Ты можешь вернуться в Калифорнию и просто прожить очень долгую жизнь, старея целую вечность, пока не попадешь под несущуюся машину или шальную пулю.

Я тоже не спускаю с ястреба глаз. Иногда проще говорить неприятные вещи, когда не видишь реакции собеседника.

— Нет, не могу, Джуно, — отвечает он, дотрагиваясь до моей руки и заглядывая мне в глаза. Его глаза полны боли. И оправдания, которого я давно уже там не видела.

— Если бы я даже и хотел, мне пришлось бы постоянно переезжать. Люди заметят, что я не старею. Я буду вечно скитаться: только обустроюсь на одном месте, как кто-то что-то заподозрит, и мне придется срываться с места... И так каждые десять-двадцать лет. Что это будет за жизнь?!

— А кто-то подумает, что это поразительно. Подумай, сколько разных жизней ты можешь прожить. Сколько мест ты увидишь. Сколько профессий ты можешь сменить. — Но, даже произнося это, я знала, что Майлс с этим не согласится. У него было мало времени все обдумать. Привыкнуть к последствиям того, кто он есть. Для меня это всегда было неотъемлемой частью жизни клана, состоянием, которого я бы хотела достичь.

Я вижу, как Майлс сжимает челюсти: он не хочет соглашаться с моими словами, даже не хочет раздумывать над ними. И сейчас я не могу ничем его утешить. Но я могу его отвлечь. Я сжимаю его руку.

— Не хочешь присоединиться к моей тренировке по стрельбе?

— Сейчас? — удивляется он, постепенно выходя из мрачного настроения. — А разве нам не надо готовиться к отъезду?

— Нет, думаю, мы здесь переночуем и выдвинемся завтра утром. Хочу постараться связаться с отцом, прежде чем подходить ближе. А у тебя будет еще одна ночь, чтобы восстановить силы после смертельного сна. К тому же, мне будет спокойнее, если мы проведем еще один урок по стрельбе перед тем, как тебе, возможно, придется воспользоваться оружием. Если мы идем против человека с собственной армией, — заканчиваю она, — надо уметь за себя постоять.

Уголки губ Майлса чуть-чуть поднимаются, и боль в глазах уходит полностью.

— Надеюсь, цель окажется не милой и пушистой, — говорит он.

— Обещаю, у тебя будут только неодушевленные цели, — успокаиваю его я, беря под руку, и мы направляемся обратно к лагерю.

ГЛАВА 22

МАЙЛС

— Майлс, я только вчера тебе это показывала. Дважды. И тогда у тебя все получалось, — Джуно озадаченно смотрит на меня.

— Знаю, но мне нравится слушать твои объяснения. И этот властный тон, когда ты говоришь, как и что делать... просто сводит меня с ума.

Джуно усмехается и закатывает глаза.

— Используй вот это, чтобы натянуть тетиву, — говорит она, показывая, как растянуть пока еще тугую плетеную тетиву.

Не хочу ей признаваться, что и в первые два раза я ее не слушал: она стояла сзади и прижималась грудью к моей спине, показывая, как правильно держать оружие.

— Правильно, — хвалит она меня, — затяни ее вокруг этого кольца, и он будет ее держать.

Я изо всех сил стараюсь не обращать внимания, что она практически обвилась вокруг меня: одной рукой она поддерживает мою руку, держащую арбалет, другой — обняв меня за плечи, помогает прицеливаться, я одним коленом опираюсь о землю. Я даже и представить себе не мог, что тренировка может оказаться настолько эротичной. Хоть для кого-то. Хоть когда-то.

— Теперь вставляешь болт, — продолжает она, протягивая мне одну из своих сверхострых стрел, выструганных из дерева.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, и моя щека оказывается в трех сантиметрах от ее. Между нами снова пробегают искорки.

Джуно опускает руки и поднимается. Теперь стоит, уперев руки в бока, и произносит:

— Ты не сосредоточен. А это важно. Даже если речь идет только о самообороне, и мы не собираемся *«врываться на их территорию, как звездный десант»*, как ты изволил выразиться.

— Ясно. Все понял, — отвечаю я. — Тогда вернись туда, где только что стояла. Не думаю, что смогу сам вставить этот болт.

— Ха-ха, — отвечает Джуно, но глаза ее лукаво блестят, и она снова обхватывает меня за плечи, помогая установить болт в желоб.

— Подними арбалет вверх, до уровня глаз, так, чтобы ты видел цель прямо поверх крестовины.

Я делаю, как сказано, и смотрю поверх оружия на свою цель — дерево метрах в десяти от меня.

— Теперь двумя пальцами нажимай на спусковой крючок: он высвободит стрелу, — командует Джуно и обхватывает пальцами длинную часть арбалета с нижней стороны.

— Ты такая сексуальная, когда говоришь об арбалетах, — шепчу я, прицеливаюсь, как она мне показывала, и стреляю. Арбалет дает отдачу и больно ударяет в плечо, а стрела летит вперед через поляну... и втыкается справа от дерева.

— Ты это специально делаешь! — возмущается Джуно, выпрямляясь. — В первый раз, когда мы пробовали, у тебя все получалось.

— А почему ты не стреляешь? — спрашиваю я, тоже поднимаясь на ноги. — Я смог бы понаблюдать за твоей техникой стрельбы.

— Хорошо, — отвечает она, берет у меня арбалет, одним плавным движением натягивает тетиву и вкладывает болт в паз. Поднимает оружие на уровень глаз и прицеливается. Ее движения такие естественные, что арбалет кажется продолжением ее тела. Будто она — часть дерева, из которого вырезано это оружие. Часть пазла, превосходно встающего на свое место.

Наблюдая за тем, как она стреляет, я вспоминаю, как некомфортно ей было в Сиэтле, какая она была нервная и дерганная, будто рыба, выдернутая из воды. Она принадлежит дикой природе, а природа принадлежит ей.

Ее пальцы нажимают на спусковой крючок, и болт летит через поляну, так быстро, что я даже не успеваю его заметить, пока он не втыкается прямо в нужное дерево. Джуно улыбается и возвращает мне арбалет.

— Твоя очередь, — произносит она.

Я не спеша натягиваю тетиву.

— И давно ты этим занимаешься? — интересуюсь я.

— С семи лет, — отвечает Джуно.

— Мне немного полегчало, — говорю я, неловко вкладывая болт в паз.

— А что *ты* делал в семь лет? — в свою очередь спрашивает Джуно.

— Как я уже говорил — играл в видеоигры.

— Думаю, в них ты меня точно победишь, — замечает она.

— А я что-то уже начинаю в этом сомневаться, — отзываюсь я, глядя на нее. Она стоит, такая худенькая и маленькая, что те, кто ее не знают, могут запросто решить, что она слаба. И это ее преимущество. Наверно, она и в одиночку смогла бы справиться с этой кучей охранников... если бы у них не было кевларовых жилетов и автоматов.

Я поднимаю арбалет на уровень плеча и держу его, как показывала Джуно: левая рука снизу, а правая рядом со спусковым крючком. Стреляю. Мой болт прочно засел в дереве справа от болта Джуно. Она выдыхает и хлопает меня по плечу.

— Замечательно, — улыбается она. — Не можем же мы оба быть безупречными стрелками.

— Вот как? — восклицаю я, и хватаю ее, чуть приподняв над землей, она пытается высвободиться из моих объятий.

— Еще раз, — кричит она. — Может, ты и стал стрелять лучше, но меня не победил. Давай глянем, на что ты способен с более близкого расстояния.

Мы подходим к дереву на три метра, Джуно вытягивает из самодельных ножен, закрепленных на поясе, свой охотничий нож.

— Мой нож против твоего арбалета, — говорит она, поднимает руку с ножом вверх, к плечу, делает шаг вперед и резко бросает нож в дерево. Я замечаю блеск серебряного лезвия, когда по нему скользит солнечный луч, и не проходит и секунды, как нож глубоко вонзается в дерево рядом с ее болтом.

— Напомни мне больше никогда тебя не злить, — восхищенно восклицаю я. И прежде чем она успевает ответить, я снова вскидываю арбалет и стреляю. На этот раз мой болт входит в кору в паре миллиметров от ее ножа.

— Неплохо, — пораженно говорит Джуно и подходит к дереву за ножом и болтами. Вернувшись, протягивает мне стрелы, и следующие полчаса мы проводим, соревнуясь друг с другом. Уже много лет я так не веселился.

В конце концов, Джуно забирает у меня арбалет, вкладывает болт и спрашивает:

— И кого подстрелим сегодня на ужин?

— Если нужно выбирать из этих пушистых диких зверюшек, то тот кролик на ужин был совсем недурен, — отвечаю я, все еще чувствуя себя нехорошо от мысли, что надо убивать живых существ, чтобы питаться. Но это не идет ни в какое сравнение с той тошнотой, которую я испытал, когда я увидел Джуно с мертвым кроликом на горе Рейнир.

— Хорошо, тогда иди за мной.

Джуно показывает мне, как передвигаться неслышно, не ступая на тоненькие ветки и все, что создает шум. Мы проходим мимо белок, птиц, даже мимо змеи, ползущей по усыпанной листьями земле, и никто из животных нас не замечает. Наконец мы останавливаемся, и Джуно показывает головой в сторону большого коричневого кролика. Она поднимает арбалет, нажимает на спусковой крючок — и вот, кролик уже лежит на боку, не двигаясь. Джуно бросается вперед и вытаскивает болт. Когда я подхожу ближе, то слышу, что она шепчет над кроликом какие-то слова.

— Что ты ему сказала? — спрашиваю я.

— Я поблагодарила его за то, что он отдал свою жизнь, чтобы накормить нас, — просто отвечает она. — Это часть жизненного цикла. Энергия земли переходит к нам от кролика, которого мы съедим.

— Ты и растениям говоришь спасибо, когда их ешь? — уточняю я.

— Нет, это глупо, — говорит она. — Растения ведь не могут слышать.

— А мертвые кролики могут, — добавляю я. Но Джуно лишь улыбается, как бы говоря, что однажды я это пойму, и я как всегда не могу не улыбнуться в ответ. Джуно добывает еще одного кролика и отдает их нести мне. Я несу мягкие тушки за шкурку, пока мы идем обратно к лагерю, и стараюсь на них не смотреть, чтобы Джуно не догадалась, насколько мне неуютно. Конечно, я настоящий лицемер — с самого детства я ем мясо, не задумываясь, откуда оно. Но, даже зная это, я не могу себя заставить смотреть, как Джуно достает охотничий нож, разделывает их и натывает мясо на шампуры, поэтому я занимаюсь костром.

После ужина мы молча сидим при свете костра. Наступают сумерки, воздух вокруг темнеет, приобретая оттенок индиго. Моя мама всегда называла это время «часы синевы». Вдруг Джуно выпрямляется, а на лице вместо выражения умиротворения появляется тревога.

— Не двигайся, — шепчет она и тянется за арбалетом.

Я же ничего не вижу и не слышу. Но потом среди деревьев где-то впереди раздается треск веточки, и становится виден темный силуэт.

— Я безоружен, — произносит незнакомец.

— Зато у меня оружие есть, и я не побоюсь им воспользоваться, — кричит в ответ Джуно, всматриваясь в темноту поверх заряженного арбалета.

Человек делает пару шагов вперед, и его лицо освещается рыжими всполохами от костра. Он поднимает руки вверх, еще раз показывая, что не вооружен.

— Ты, — сплевывает Джуно. И ее лицо становится каменным.

— Джуно, — произносит Уит. — Наконец-то. Я так рад, что ты здесь.

ГЛАВА 23

ДЖУНО

— Что тебе нужно? — спрашиваю я, не опуская арбалет.

— Просто хочу поговорить, — отвечает Уит. — Никто не знает, что я здесь. И о том, что ты здесь, я тоже никому не говорил.

Я замираю. Уит неуверенно переступает с ноги на ногу.

— Я могу присесть? — интересуется он.

— Делай, что хочешь, — произношу я, не убирая пальцев со спускового крючка, пока он опускает руки и, морщась, присаживается у костра. На нем новая одежда: джинсы и рубашка с воротником и короткими рукавами. Его предплечья забинтованы, а когда он подходит ближе, я замечаю длинный порез на лбу, на который наложено не меньше десятка швов.

— Джуно, я не причиню тебе вреда, — произносит Уит.

— Уже причинил, — отзываюсь я. В моем голосе столько ненависти, что я почти ощущаю, как мои слова превращаются в алое облачко ярости.

Уит кивает, будто соглашаясь со мной, и смотрит на Майлса.

— Оставь нас, нам с Джуно нужно поговорить наедине.

— Майлс никуда не пойдет, — отвечаю я. — Все, что ты хочешь сказать, можешь сказать при нем.

— Почему? Потому что ты уже рассказала ему о нас? Кажется, не я один раскрываю наши секреты людям из внешнего мира, — насмешливо произносит Уит.

— Я поделилась не только нашими секретами, — говорю я. — Твои «друзья» чуть не убили Майлса — и убили бы, если бы я не провела над ним Обряд.

— Ты... что? — Лицо Уита бледнеет, и буквально на секунду он теряет самообладание и изумленно смотрит на Майлса. — Значит, Майлс первый человек из внешнего мира, который... над которым провели Обряд.

— Ты хотел сказать, который принял Амрит, — уточняю я.

— Да, — признается Уит, по-прежнему пораженно пялясь на Майлса. — Но это было всего три дня назад. А он уже поправился и может ходить. Ты заметила еще что-нибудь необычное или какие-нибудь побочные эффекты?

— У тебя был целый клан подопытных кроликов, — отрезаю я. — А теперь давай ближе к делу.

Уит хмурится и скрещивает руки на груди.

— Я поинтересовался ради его же блага.

— Бред собачий, — отвечаю я. — Опустите руки.

Уит расцепляет руки.

— Возьми, — протягиваю я Майлсу арбалет, — и стреляй, если он вздумает шевельнуться.

— А это так необходимо? — Уит явно веселится, словно считает все происходящее каким-то розыгрышем.

— Необходимо, — отвечаю я. Майлс садится лицом к Уиту и кладет на колени заряженный арбалет. — А теперь говори.

Уит поднимает глаза и смотрит на луну, словно ищет поддержки, потом начинает говорить:

— Я знаю, как все это выглядит. Знаю, что ты считаешь меня виновным в нападении на клан. Собственно, так оно и есть.

Я наблюдаю за ним, используя те приемы, которым он же меня и учил, чтобы понять, лжет человек или нет. Уит осторожен, и его лицо невозмутимо, ничего не выражает.

— Я действительно уехал с Аляски, чтобы встретиться с потенциальными покупателями Амрита — уверен, отец этого парня тебе уже поведал об этом. — Уит изучает меня так же внимательно, как и я его. Старается выяснить, как много мне уже известно. Я решительно смотрю ему в глаза.

— Я получил одобрение старейшин, — продолжает он, но замечает, как сузились мои глаза, и идет на попятную. — Но не на распространение препарата. Это было лишь мое решение. Причиной моего отъезда было налаживание связей с внешним миром... если что-то происходит, лучше, если мы будем владеть нужной информацией.

— Я это поняла, когда увидела привезенные тобой современные книги, — говорю я.

— Для нас было важно находиться в курсе событий, — объясняет Уит.

— Почему? — задаю я свой вопрос.

— Мы хотели оставаться «невидимыми», и было необходимо подтвердить, что мы находимся вне поля зрения внешнего мира.

— Ты мог бы узнать об этом, выбравшись в Анкоридж или прочитав газету, — замечают я. — Зачем нужны научные книги?

Уит вздыхает.

— Некоторые из нас никогда не прекращали изысканий в нашей области. Необходимо было оставаться в курсе последних экологических и научных исследований.

— Так необходимо, что ты предал нас и выдал наши секреты тому, кто больше заплатит?

Уит разочарованно вздыхает. Словно до последней минуты был уверен, что сможет убедить меня взглянуть на вещи с его точки зрения. Он снова бросает взгляд на Майлса.

— Я бы предпочел, чтобы этот мальчишка не тыкал в меня опасным оружием, с которым он явно не знает, как обращаться.

— Эй! — прикрикивает Майлс.

— Не обращай внимания, — говорю я ему и вновь поворачиваюсь к Уиту. — Ты за нами наблюдал.

— Конечно, наблюдал. Я хотел, чтобы вы без проблем добрались сюда. В целостности и сохранности, — отвечает Уит. — И кстати, я не хотел, чтобы Джейк стрелял в парня.

— Ну, это же все меняет, — хмуро замечает Майлс и кладет арбалет рядом с собой на землю.

Уит игнорирует его замечание.

— Джуно, все пошло не по плану. Я люблю клан так же, как и ты...

— Я в этом сильно сомневаюсь, — прерываю я его.

— Ты и не должна мне сразу поверить, — отвечает Уит. — Но все, что я сделал, было ради клана и его блага.

На моём лице скорее всего отражается отвращение, но я молчу. Хочу услышать, что он еще скажет.

— Как много тебе рассказал Блэквелл? — спрашивает Уит.

— Рассказывай с самого начала, — приказываю я.

— Формулу Амрита придумали твоя мать, твой отец и я, — начинает свой рассказ

Уит. — Мы были своего рода мозговым центром в Движении Геи, оно состояло из людей, которых вы знаете как старейшин. Мы обсуждали проблему восстановления экосистем, и одним из приоритетов было сохранение различных видов — в первую очередь местных видов Соединенных Штатов. Зоологи нашей группы предложили теорию: если увеличить продолжительность жизни животных, это обеспечит увеличение количества их репродуктивных циклов, а, значит, увеличится количество потомства — огромный шаг на пути к сохранению видов. И тут твоя мама вспомнила историю, которую слышала еще в детстве — насколько я помню, местную легенду ее родины, Монголии.

— Какой Монголии? — восклицаю я. — Моя мать была китайкой!

Уиту явно стало неуютно.

— Вообще-то, ее предки были выходцами из южной Монголии. Несомненно, твой отец рассказал бы об этом...

Уит надавил на больную мозоль. Да, больно — очень больно — впервые услышать об этом не от собственного отца, а от человека, предавшего свой клан. Но расстраиваться нет смысла — делу это не поможет. Сейчас я подавлю эти чувства, лучше дам им волю потом, на тренировке.

— Продолжай, — требую я.

— Это легенда о раненой волчице, которой дали некий волшебный эликсир. После чего она не только излечилась, но и смогла пережить несколько поколений людей и породить множество выводков волчат. Твоя мать заинтересовалась происхождением легенды и начала искать ингредиенты, которые могли быть использованы. А я нашел упоминание о подобной истории в древних индуистских трактатах, и там эликсир называли *Амрита*. Твой отец, будучи фармацевтом, начал работать с теми растениями и минералами, которые упоминались как в легенде твоей матери, так и в найденных мной трудах. И, наконец, мы разработали то, что полагали работающей формулой. В целевую экспериментальную группу входили серые и рыжие волки, а также другие представители семейства псовых. Сначала мы испробовали вещество на лабораторных мышах, затем на маленькой группе собак. И сразу стало ясно, что животные, получившие Амрит, стали невосприимчивы к болезням.

Но прежде чем объявить о результатах всему научному сообществу, мы решили провести один последний, окончательный эксперимент — принять Амрит самим. И когда мы поняли, что у нас нет никаких побочных эффектов, мы захотели расширить эксперимент на весь наш круг. Все прошло без происшествий, кроме, как ты знаешь, смертельного сна.

После этого начались споры о том, является ли нашим моральным долгом сообщить о результатах всему миру. Кое-кто, включая меня, считали, что нельзя не поделиться таким грандиозным открытием с человечеством. Но большинство было против. Они приводили единственный аргумент: существование нашей планеты Геи важнее существования населяющих ее существ. Если Амрит станет общедоступен, это приведет к глобальной перенаселенности и, в конечном счете, к разрушению Геи. По крайней мере, такова была их гипотеза.

И вдруг твой отец заметил, что некоторые из подопытных животных не стареют. А потом у Эмили родилась Пенелопа, и у девочки была эта звездообразная патология сетчатки. Тогда мы решили скрыться от мира — пока не узнаем, какие долгосрочные эффекты могут быть у препарата. Продолжение истории ты знаешь и сама.

— Значит, ты отказался от своей цели, чтобы решить проблему вымирающих видов? — спрашиваю я.

— Мать твоих хаски, Остин... — начал он, приподнимая брови. Я киваю, очень интересно, к чему он клонит. — На самом деле, она их прапрабабушка. Если бы мы не кастрировали большинство собак, сейчас у нас их были бы сотни. Или даже тысячи.

От огромного количества мыслей кружится голова. Старейшины никогда не прекращали исследований. И мы были не единственными подопытными — препарат испытывали и на наших собаках, наблюдая за ними уже три десятилетия.

Уит замолкает, давая мне время обдумать его слова, а затем продолжает вновь:

— И все это время я был уверен в том, что Амрит должен быть доступен внешнему миру. Я верю, что его распределение можно сделать ограниченным, и рост населения можно контролировать. А деньги, которые мы могли бы за это получить, гарантировали бы финансовую стабильность клана. Если секрет вышел бы наружу, нам больше не пришлось бы прятаться. А если старейшины предпочитают изоляцию от общества, то можно было бы купить собственный остров и обустроить его по последнему слову техники. Древний эликсир жизни был бы доступен тем, кто сможет его купить, а наш любимый клан мог бы жить комфортно и безопасно.

— Клан и так *жил* комфортно и безопасно, — возражаю я. — А теперь из-за тебя они лишены свободы.

Уит поднимает руку.

— Позволь мне закончить, Джуно. Я предложил эликсир двум крупнейшим организациям, с которыми у меня были старые связи и которым я мог доверять: Блэквелл Фармасьютикл, деятельность которой десятки лет назад была нацелена на поиски препаратов, продляющих жизнь, и организации Охотника Эйвери, который еще в шестидесятых, когда я впервые встретил его, тратил кучу денег на криогенику^[8] и борьбу с болезнями. И оба, как я знал, могли дать финансовое вознаграждение, которое я собирался передать клану. Но до этого я хотел выяснить, согласны ли они выполнить мой план по этическому распространению эликсира: препарат должен был быть доступен не только богатым клиентам. Я хотел, чтобы определенное количество Амрита передали странам, где свирепствуют эпидемии, пусть они и не имеют денег.

Что-то в его лице не так, когда он произносит последнюю фразу, но точно могу сказать, что открыто он мне не врет. И тогда я понимаю: он врет сам себе, используя эту гуманистическую идею, как оправдание.

— Видишь, Джуно, — продолжает Уит. — Я не зло. Я забочусь о клане. И я бы никогда их не продал.

— Тогда почему они сейчас в плену, да еще и за электрическим забором? — спрашиваю я.

Уит прокашливается.

— Ну, похоже, когда Охотник Эйвери понял, что он не единственное заинтересованное лицо, то пошел на крайние меры. Он был уверен, что так заставит меня передать эликсир лишь ему.

— И похитил ваш клан, — добавляет Майлс.

— Он называет это «*оказанием почестей*» клану, — уточняет Уит. — Пытается склонить их в свою сторону.

Я качаю головой.

— Он держит их в заложниках, Уит. Но зачем? У него есть ты. У него есть клан. Думаю, ты вполне можешь отдать ему формулу. Так зачем охотиться на меня?

— Я сказал, что буду сотрудничать, только если поймают тебя, — отвечает Уит. — Не мог же я тебя оставить одну на Аляске. Эйвери послал меня и своих охранников, чтобы найти тебя и вернуть к отцу. К твоему клану.

Я наблюдаю за ним пару секунд. Но он ничем себя не выдает.

— Почему ты мне раньше этого не говорил? — наконец решаюсь спросить я. — В первом сообщении с птицей?

— Потому что подозревал, что ты мне не поверишь. Я знал, что ты меня Прочтешь и задашься вопросом: а почему я езжу с двумя охранниками в то время как твой клан сидит за решеткой?

— И ты был чертовски прав.

— Поэтому я и дал тебе карту. Я знал, что ты добровольно с нами не пойдешь. Но еще я знал, что ты ищешь свой клан, и захотел помочь тебе в поисках. Мне нужно, чтобы все были вместе, чтобы быть уверенным в безопасности всего клана, когда мы завершим сделку с Эйвери.

— То есть он похитил наш клан, но ты все равно продолжаешь вести с ним дела? — удивленно интересуюсь я.

В ответ Уит лишь просто смотрит на меня.

— Да ты еще хуже, чем я думала, — шепчу я.

— Идем со мной, — произносит он. — Я отведу тебя к нашим людям. Я договорюсь о нашем освобождении и удостоверюсь, что после всего этого нас благополучно доставят туда, куда мы решим. Ты можешь мне доверять, Джуно. Ты мне как дочь. Я хочу лишь добра тебе и всему клану.

Я кладу голову на руки, нужно подумать. Он не рассказал всей правды. Это ясно. Но многое из того, что он говорил, имеет смысл. Хоть он и действовал за спиной старейшин, он считал, что так будет лучше для нашего клана.

Я поднимаю глаза на Уита, и он отвечает мне той самой улыбкой. Улыбкой для Джуно. Той, что улыбался мне с пяти лет. Той, что говорила, как я для него важна. И я понимаю, что не могу принять решение в одиночку. Я не могу доверять себе и быть рассудительной, когда речь идет о Уите.

— Майлс, — зову я. — Как ты думаешь, мне стоит пойти с Уитом?

Майлс смотрит мне в глаза.

— Конечно, — отвечает он, а затем поворачивается к Уиту, — нет.

ГЛАВА 24

МАЙЛС

Уит недовольно хмыкает, я внимательно наблюдаю за Джуно.

— Тебе ни в коем случае нельзя идти с ним, — продолжаю настаивать я. — Он лжет.

— И когда это ты начала слушать советы подростков?.. — начинает Уит, но тут я его перебиваю.

— Я слышал, как мой отец говорил, что ты, Джуно, — ключ к препарату. Без тебя не будет сделки. Не знаю, почему, но мне кажется, Уит не просто так переживал, что ты осталась одна на Аляске. Думаю, ты ему нужна.

Джуно пристально смотрит на Уита, и я замечаю, что на лбу у него выступили капельки пота.

— Джуно, — зовет он, — все может закончиться сегодня ночью. Я заключу сделку с Эйвери, и твой клан уже к утру будет свободен. Просто пойдем со мной.

Твой клан? Надо же!

Я бросаю взгляд на Джуно, пытаюсь понять, услышала ли она это.

А Джуно сидит и просто смотрит на Уита, тот нервничает все больше.

— Ты получил то, что хотел, Уит. Я здесь. И ты знаешь, что я в безопасности. Я побуду тут, пока ты заключишь сделку с Эйвери. Когда клан будет свободен, можешь вернуться сюда за мной. Я обещаю, что не сдвинусь с места.

— Я не могу оставить тебя здесь. — Уиту определенно сейчас неуютно.

— Можешь, — отвечает Джуно. Она поднимается и тянется за арбалетом, затем жестом показывает Уиту, что он должен встать. И я понимаю: это необыкновенный момент. Момент, когда все кардинально поменялось. Джуно больше не ученица Уита. Она сделала последний шаг, избавилась от его контроля, и теперь была полностью, абсолютно независима. Она выслушала Уита, но решила не идти с ним. Это здорово.

— А теперь просто уходи, — приказывает она, когда понимает, что сам он без нее не уйдет.

— Я понимаю твое решение, — наконец отвечает Уит, его плечи опускаются, он признал поражение. — Но если ты передумаешь, просто приезжай на ранчо. Я позабочусь о том, чтобы охрана благополучно привела тебя ко мне.

— Я думала, они не знают, что я здесь, — произносит Джуно.

— Они и не знают, — быстро отвечает Уит. — Но я скажу им, что если ты появишься, то они должны доставить тебя ко мне целой и невредимой.

— Что ж, это так благородно с твоей стороны. — Лицо Джуно непроницаемо — не выражает ни сарказма, ни чего-либо ещё — она поднимает арбалет на уровень глаз и прицеливается в Уита.

— Уходи, — приказывает она. Выражение потрясения на лице Уита говорит само за себя: он понял, что потерял ее. И разворачивается, чтобы уйти. Джуно ждет, не меняя положения тела, пока тот не исчезает за деревьями. Она опускает арбалет и протягивает мне руку, видно, что она опустошена.

— Не думаешь, что он вернется с охранниками? — спрашиваю я. — Если, конечно, они уже не окружили нас и просто ждут его сигнала. — Я беру ее за руку и притягиваю ближе.

Джуно отрицательно качает головой.

— Нет, если бы он хотел привести нас силой, он бы сразу послал сюда охрану, а не приходил сам. Не знаю почему, но он хотел, чтобы я пришла добровольно. Чтобы я сотрудничала.

— Так ты веришь, что он просто хочет тебя защитить? — недоверчиво уточняю я.

— Если честно, Майлс, то я уже не знаю, чему верить. Часть из того, что сказал Уит, было правдой. В другую часть он верил сам, пусть она правдой и не была.

— А еще была откровенная ложь, — добавляю я.

Джуно кивает и забрасывает арбалет за плечо.

— Идем.

— Куда? — спрашиваю я.

— Оставим костер и разобьем лагерь подальше, — отвечает она.

— Но ты же сказала, что Уит не пошлет за нами охранников.

— Не пошлет, но за ним могли проследить, или кто-то мог заподозрить, что он ходил встретиться со мной, по его следам они легко дойдут сюда. Глупо оставаться здесь.

Не проходит и пяти минут, как мы уже собрали палатку и упаковали большинство вещей в рюкзак Джуно. Я иду следом за Джуно, тихо крадущейся по темному лесу, и стараюсь ставить ногу туда же, куда и она. Где-то через час мы наконец останавливаемся, и Джуно оглядывается вокруг.

Мы на небольшой полянке. Ветвей над головой нет, поэтому свет луны освещает землю вокруг.

— Здесь неплохо, — произносит Джуно. — Можно разбить лагерь.

В полной тишине ставим палатку; уверен, Джуно молчит не только из-за того, чтобы нас не выследили. Она обдумывает каждое слово, сказанное Уитом. Снова и снова прокручивает разговор в голове, пытаюсь отсеять ложь от правды.

Я погружен в свою работу: заколачиваю в землю кольшки для палатки, — за спиной слышу хлопанье крыльев и пронзительный крик. Я оборачиваюсь и замечаю огромную черную птицу, размером с кошку, она спикировала из темноты и уселась на землю рядом с нами.

— По! — вскрикивает Джуно. Видно, что она сдерживается изо всех сил, чтобы не броситься к ворону. Вместо этого она присаживается и протягивает к нему руку. Ворон вразвалочку подходит ближе и позволяет Джуно себя погладить. Не могу удержаться и закатываю глаза. Но когда Джуно смотрит на меня, и я вижу, как сияют ее глаза, я не могу не признать, что тоже рад видеть птицу.

— Значит, после того как ты сдал нас Уиту в Юте, решил вернуться и осчастливить нас своим птичьим присутствием? — обращаюсь я к ворону.

По поворачивает ко мне голову и склоняет ее на бок, будто и в самом деле слушает меня.

— Эй, только посмотри! — восклицаю я. — Птица, наконец, признала мое существование!

— Может, он тоже по тебе скучал? — шутит Джуно, усаживая По к себе на колени. — Ты только посмотри, какие классные шлейки сделала тебе Талли! — произносит Джуно, открывает маленький кожаный мешочек, висящий у По на груди, и достает оттуда бумажку.

— Можешь подать мне фонарик? — просит Джуно. Я достаю один из сумки и присаживаюсь у нее за спиной, чтобы проще было светить на записку. Она начинает читать вслух большое и странное письмо, а я слежу за строками из-за ее плеча.

«Получила твое сообщение, взяла грузовик Майки и сразу же двинулась в путь. Я только заселилась в отель в Розуэлле, как По словно взбесился, будто ему нужно было куда-то лететь. Я решила, что это ты его позвала, и выпустила. Я в отеле «Days Inn», рядом с Музеем НЛО. Если ты рядом, найди меня. Если нет — пришли весточку с вороном. Тебе и твоему Мистеру Заведу-тебя-далеко, следует быть осторожнее. Кости Борегара сулят неприятности. Талли.

Джуно спускает По на землю и поворачивается ко мне, широко улыбаясь.

— Она здесь. Добавляй Талли и птицу в список наших резервов.

— А еще ее чтение по костям, — отвечаю я. — Опоссум видит в будущем неприятности.

Думаю, это значит, что Эйвери не собирается так просто отпустить твой клан и позволить нам уйти.

Она кивает.

— Да, было бы неплохо, если б Талли конкретизировала. То, что нас ждут неприятности, мы и так уже знаем.

— Что будем делать? Пошлем ей сообщение, чтобы ждала нас на другой стороне заповедника? — спрашиваю я.

Джуно отрицательно качает головой.

— Нет, сначала нам с тобой нужно все хорошенько изучить. Как только разберемся, с чем имеем дело, поймем, чем она может помочь.

Она встает и достает из рюкзака карандаш и блокнот.

— К тому же, у По сейчас есть миссия поважнее. Мне нужно сообщить отцу, что мы здесь.

Джуно пишет записку, в которой говорится, что она и «её друг» находятся недалеко от границы заповедника Эйвери. Что мы их спасем. Чтобы он был готов. И после этого она просит отца дать знать, где они находятся, охраняют ли их, и каково их положение. Она складывает записку в мешочек на шлейках По и отправляет его в ночной полет.

Типичная для Джуно записка. Все по существу. Одни факты. Никаких эмоций. И вместо того, чтобы написать в конце «С любовью» или еще какую-нибудь ласковую фразу, она просто пометила: «У меня столько вопросов!» Что ж, справедливо. Он лгал ей, предал ее, скрыл от нее информацию о происхождении ее матери.

Столько вопросов. Ради Джуно, надеюсь, ее отец на них ответит. И надеюсь, ответы принесут ей облегчение. В последние недели ей и так хватило дурных новостей на всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 25

ДЖУНО

После того, как По улетел, не могу думать ни о чем другом, только о записке, которую он принесет обратно. Что скажет отец? Не сомневаюсь, что он и клан уже Прочли, что я направляюсь к ним. Надеюсь, он сможет как-то указать, где они находятся. Если им, конечно, разрешают передвигаться за пределами их лагеря. Ведь во время Чтения я видела их только возле хижин.

Интересно, видели ли они Уита, знают ли о его предательстве? Вполне возможно, что они Прочли и его, а значит видели его с охранниками. Думаю, после уведенного старейшины смогли понять, какова его роль в этой истории.

Майлс молча разводит огонь, пока я достаю кроликов и подготавливаю их к запеканию. Я очень благодарна ему за то, что он оставил меня наедине со своими мыслями, не лезет с постоянными вопросами «как ты?» (как сделал бы Кенай) и не пилит меня за каждое воспоминание о встрече с Уитом (как сделала бы Нома).

Майлс меня понимает. Не сразу, конечно, у него это получилось. Но он знает, через что мне пришлось пройти за последнюю пару недель. Он был рядом. И, наконец, он понял — как мог — из чего я сделана.

Он знает, что сейчас мне нужно побыть одной. За это я его и люблю.

Я замечаю рядом с поляной растение, похожее на шпинат, и срываю немного листьев: добавлю к кролику. Когда в кастрюлю натекло уже достаточно жира, я добавляю туда зелень, пока она не успела завясть. И все это время я размышляю. Вспоминаю все, что рассказал Уит. Разделяю рассказ на части. Пытаюсь отделить то, что точно было правдой, от того, что мне казалось ложью. Взвешиваю побуждения каждого: моей матери, моего отца, Уита, старейшин.

Кролики готовы, и я наконец выхожу из оцепенения и замечаю сидящего по другую сторону костра Майлса. Он сочувственно мне улыбается.

— Я нашел замечательное место для ужина, — говорит он. — Если возьмешь кроликов, я возьму то, что здесь, — он кивает на кастрюлю, — и пойдём.

Я заворачиваю одного из кроликов — он останется на завтра — беру все остальное и иду за Майлсом на вершину холма и дальше на скалистый выступ. На земле разложено одно из наших покрывал, на нем расставлены тарелки, вилки, ножи и бумажные салфетки. А в центре импровизированным букетом лежат дикие цветы.

— Когда ты все это успел? — мне не удастся скрыть удивление: не ожидала от Майлса такого поступка.

— Ты полчаса витала в облаках. Я просто хотел сделать что-то полезное.

Майлс пытается сделать вид, что ничего особенно не произошло, но я тянусь к нему и беру за руку, несколько минут мы сидим, просто глядя на открывшийся перед нами, ничем не загороженный, вид охотничьего заповедника. На изгороди, на равном расстоянии друг от друга, мигают красные огоньки. Медленно. Зловеще. Словно пытаются утвердить победу человека над природой.

Но когда я поднимаю взгляд вверх, на небо, усеянное звездами, на светящийся Млечный Путь, все эти слабые попытки человечества установить свое господство кажутся просто смехотворными. *«Все это когда-нибудь закончится, — думаю я, глядя на*

электрифицированный забор Эйвери, — *а природа останется вечной*».

Мы едим в полной тишине, а потом ложимся на покрывало и разглядываем ночное небо, будто эта красота предназначена лишь для нас двоих. Я протягиваю руку Майлсу, и он сжимает ее в своей.

— Расскажи о своем сне, — прошу я. Хотя мы и провели много времени молча, мне кажется, что все это время мы не переставали общаться. Словно мой внезапный вопрос лишь продолжение уже начатого разговора.

— О каком? — уточняет Майлс и поворачивает ко мне голову.

— О том, что ты видел во время смертельного сна, — отвечаю я. — Я хотела спросить тебя раньше, но подумала, что тебе нужно время.

— Мне снилось тогда несколько снов, — рассказывает он, и я замечаю, как по его лицу проскальзывает тень тревоги.

Я начинаю сомневаться, стоило ли спрашивать.

— Тебе не обязательно...

— Нет, — продолжает Майлс и снова смотрит на звезды. — Я хочу тебе рассказать.

— Ты скорее всего видел сны, пока шел по тропе туда, и потом, когда возвращался. Но самый важный, определяющий сон — тот, что ты видел, когда достиг смерти, коснулся ее и повернул назад.

Майлс, кажется, понял, о чем я говорю. Он кивает и закрывает глаза.

— Мне и раньше снился этот сон. События, которые произошли в действительности, но во сне они всегда развиваются по другому сценарию.

Майлс вздыхает и сильнее сжимает мою руку, будто ищет поддержки.

— Я уже рассказывал тебе, что у моей матери депрессия. Что она ушла от нас в прошлом году и живет со своей сестрой в Нью-Джерси. Но я не говорил, что она нас бросила после попытки самоубийства — передозировка снотворными. Наша домработница, миссис Кирби, нашла ее и вызвала скорую. Я был в школе. Я не видел, как это случилось. Но в моих снах именно я первым нахожу маму. Во сне все такое четкое, каждая деталь: как она лежит, свернувшись калачиком на полу возле кровати, в луже собственной рвоты, а единственное свидетельство того, что она еще жива, — клацанье зубов... И когда я просыпаюсь, то не могу поверить, что на самом деле все было не так. Что меня там никогда не было.

— Майлс, — шепчу я. Его голос дрожит, и я словно ощущаю весь ужас этой сцены, а мое сердце болит вместе с его.

Он сжимает мою руку и продолжает:

— Каждый раз во сне между нами стоит невидимая стена, она не дает мне подойти к ней. Но тогда — в смертельном сне — стена была непрочной. Я прошел через нее, словно отодвинул тонкую занавеску. Я смог подойти к матери, взял ее на руки, сел на кровать и укачивал, как ребенка.

Я сидел там долго, и чем дольше я сидел, тем меньше мне хотелось уходить. Я чувствовал непреодолимое желание лечь на кровать рядом с мамой, закрыть глаза и заснуть. *Я так устал. Устал пытаться. Устал жить. Сон был таким соблазнительным. Таким притягательным.*

Но я собрал всю волю в кулак, поднялся, взял мать на руки и прошел через невидимый барьер к выходу из комнаты. Я вышел на улицу, на солнечный свет, и положил ее на траву. Она открыла глаза, увидела меня и улыбнулась. Солнце стало ярким, ослепительно ярким. И тогда все закончилось.

Я выдыхаю.

— Ты выбрал жизнь, а не смерть. Ты защитил мать, хотя она и не смогла защитить тебя. Теперь ты стал родителем, решил быть достаточно сильным, чтобы оберегать ее, как себя.

Майлс вздыхает, открывает глаза и снова смотрит на звезды.

— Так не должно быть, — продолжаю я, — мы не должны быть сильнее своих родителей — это нарушает естественный порядок. Но почему-то в какой-то момент все перемешалось, и мы остались с этим один на один. Мы остались, чтобы разобраться в этом беспорядке.

Майлс молчит.

— Мне часто снится мама, — рассказываю я. — Как бы мне хотелось, побыть с ней *подольше*. Хотелось бы, чтоб она видела меня *сейчас*. Мне кажется, все, что я делаю, я делаю ради нее. Чтобы она мной гордилась. Что бы я смогла стать тем, кем она хотела меня видеть: лидером с сильными способностями. Я даже никогда не задавалась вопросом: а хочу ли я этого? Действительно ли благополучие моего клана — моя единственная цель, то, чего хочу я?

— Ты не должна жить только ради этого, — говорит Майлс, — для того, чтобы оправдать ожидания своей матери. — На секунду он замолкает. — Хотя, кто я такой, чтобы рассуждать об этом. С тех пор, как мама ушла, я думал лишь об одном: наверное, я плохой человек, раз мама не смогла полюбить меня настолько сильно, чтобы остаться. Вот такую роль я себе выбрал.

— Нет, Майлс... — начинаю я, но он поднимает руку, прерывает меня.

— Я позволил себе быть тем, кем не являюсь. Но с этим покончено. Я прошел через эту невидимую стену не один раз.

Он смотрит на меня.

— Ты заставила меня захотеть стать хорошим человеком, Джуно. Я смотрю на тебя и хочу стать сильнее. — Он замечает мое выражение лица и замолкает. — Что такое?

Я смахиваю слезу. А затем переворачиваюсь на живот и подтягиваюсь к нему, пока мое лицо не оказывается в паре миллиметров от его. Я целую.

Звезды спускаются с неба и оказываются так низко, что окружают нас со всех сторон. Они опускаются на нашу кожу, как горящие искорки, и пылают на ней, а мы... мы теряемся друг в друге.

ГЛАВА 26

МАЙЛС

Джуно лежит рядом со мной с закрытыми глазами, и на ее губах появляется легкая улыбка, когда я начинаю водить кончиком пальца по мягкой коже ее поясницы. Хлопанье крыльев вторгается в наш маленький островок умиротворения. Джуно открывает глаза и не спеша садится.

Она даже не пытается прикрыться, когда поднимается навстречу По. Джуно... королева природы... Мне с трудом удается справиться с вновь нахлынувшими от этого вида эмоциями.

По плавно опускается на предплечье Джуно, словно после нескольких месяцев тренировки. Она пересаживает его на покрывало между нами и развязывает мешочек на груди птицы. Она достает оттуда тот же кусочек бумаги, что посылала отцу, разворачивает и читает при свете луны то, что написано на обратной стороне. Потом передает мне.

«Джуно. Не приходи. Ты — разменная монета. Без тебя он не сможет получить то, что ему нужно, и, в конце концов, ему придется нас отпустить. К тому же, мы не можем сбежать. Мы уже пытались, один раз. После этого Эйвери схватил Барсука и теперь держит его в качестве страховки, чтобы никто не посмел уйти. Повторяю: не приходи! Они не смогут держать нас взаперти вечно. Уходи как можно дальше, прячься от Уита и жди, пока мы не окажемся на свободе».

Я жду, что скажет Джуно, но она молчит.

— Барсук — это животное? — наконец задаю я вопрос.

— Это один из детей нашего клана. Ему три года.

— Мне казалось, что вы называете детей в честь городов Аляски, — произношу я, понимая, что отклоняюсь от темы, но мне было очень любопытно, и я не смог промолчать.

— Так и есть. Есть такой город на Аляске — Баджер — в переводе «барсук». Разве, чтобы поступить в Йель, не нужно знать географию? — она шутливо толкает меня локтем, а затем поднимается и потягивается. Она невероятна.

Я выдыхаю, изо всех сил стараюсь не обращать внимания на свои инстинкты, которые шепчут, что нужно затянуть ее обратно на одеяло. Я сосредотачиваюсь на нашей легкой словесной перепалке и пытаюсь выкинуть из головы все эти заманчивые идеи.

— География Аляски не считается, — заявляю я, поднимаясь на ноги. — Там никогда ничего не случается. Да это же очевидно, если сорок человек могли прятаться там тридцать лет, и никто этого не заметил.

Джуно улыбается, мне кажется, она благодарна, что сейчас, собирая тарелки, покрывало и разбросанную одежду, мы ведем этот легкий и несерьезный разговор. Перед тем, как спуститься по тропе, я натягиваю трусы и джинсы, а вот Джуно величественно вышагивает впереди нагишом. По нашел кость кролика и, схватив ее, летит за нами на поляну.

Мы успеваем помыть тарелки водой из бутылки и все убрать, пока костер не прогорел.

— Ты собираешься сделать так, как просит отец? — спрашиваю я.

— Конечно же, нет, — отвечает Джуно. Она уже надела белье и майку, и теперь сидит перед потухающим костром и что-то пишет в блокноте. Затем вырывает страницу и издает щелкающие звуки, подзывая По. Он бросает кость, которую только что с увлечением клевал, и подходит к ней, позволяя положить в мешочек записку. Джуно что-то шепчет ему, и ворон

срывается с места и растворяется в ночи.

— Записка для Талли, — поясняет она. — Попросила ее добраться до компьютера и разузнать кое-что для нас.

— Что, например? — уточняю я.

— Все, что сможет найти об охотничьем заповеднике, особенно карту, если таковая имеется. Подробности об Охотнике Эйвери. И древние индуистские истории об Амрите — хочу проверить рассказ Уита.

Я киваю.

— Когда выдвигаемся?

Джуно смотрит на огонь, она сосредоточена, такой взгляд появляется у нее, когда она читает. Спустя пару секунд она отвечает:

— Уит в своей спальне, читает книгу. Сегодня ночью он точно за нами не придет. — Она смотрит на меня. — Может, ранним утром?

— Тогда давай спать, — предлагаю я. Вытряхиваю покрывало, которое недавно использовали для пикника, и кладу его поверх второго в палатке. Теперь у нас получается одна кровать на двоих, а не так, как обычно: каждому по одеялу.

Джуно залезает в палатку вместе с арбалетом и ложится на свою половину. Я застегиваю молнию на палатке и устраиваюсь рядом. Повернувшись на бок, обнимаю Джуно одной рукой за плечи и беру ее ладонь, наши пальцы переплетаются.

— Выдвигаемся до рассвета, — напоминает она.

— Есть, сэр, — отвечаю я, утыкаюсь носом в ее волосы и вдыхаю запах земли и трав. Двигаться совсем не хочется, я снова вдыхаю ее запах и закрываю глаза.

Я открываю глаза; казалось, я спал всего лишь мгновение. Сквозь ткань палатки пробивается солнце. *Значит, уже утро.*

— Джуно, просыпайся, — бормочу я и хлопаю по второй половине одеяла. Но в палатке кроме меня никого нет.

Я расстегиваю молнию и выглядываю наружу.

— Джуно! — кричу я, осматривая лес вокруг, но ни одного признака, что она где-то рядом. А затем я замечаю лист бумаги, нанизанный на ветку прямо перед палаткой. Это записка от Джуно. И я знаю, что там написано, мне и читать не нужно. Я знаю, что она сделала. Ушла дальше, бросив меня одного.

«Майлс,

я решила последовать велению сердца, а не головы. «Вломимся, как звездный десант», это твои слова? В них нет особого смысла или стратегии, но, скорее всего, я не такой уж и прекрасный лидер, каким должна быть. Я просто девочка, которая сучает по своей семье.

Я не могу взять тебя с собой. Я выбрала опасный путь. В нем мне потребуются все мои способности, чтобы оставаться незамеченной, найти свой клан и выжить. Я решила рискнуть, но я не могу заставить тебя идти по тому же пути, пока у тебя нет таких же навыков, что и у меня. Однажды я тебя уже почти потеряла. Не хочу пройти через это снова.

Если ты подождешь здесь, то будешь в безопасности. Уиту нужна я, не ты. Если у меня все получится, я вернусь, обещаю. Но если по какой-нибудь причине тебе придется покинуть гору, я вернусь и найду тебя.

Конечно, велика вероятность того, что я не справлюсь. Что меня схватят, как и мой клан. Или даже хуже. Тебя ждут собственные сражения и битвы, Майлс. У тебя есть родители, которых нужно оберегать. У тебя все еще есть мать, и, когда она поправится, ты будешь ей нужен.

А это моя битва. Битва моего клана. Ты не являешься частью клана, и я не стану тянуть тебя за собой, пока ты не будешь готов. Я не хочу рисковать твоей жизнью.

Не забывай об этом, мой друг с необитаемого острова.

Твоя Джунно.»

ГЛАВА 27

ДЖУНО

От пота щиплет глаза. Я вытираю его и поднимаю глаза, гляжу на небо, прикидываю угол расположения солнца. Если уже в десять утра так жарко, то днем будет просто духота.

Я выглядываю из-за валуна, за которым прячусь, и замечаю по ту сторону изгороди джип с сидящими внутри охранниками в форме. Один из них осматривает в бинокль окрестности, выискивая все, что выделяется на фоне буро-коричневого ландшафта.

Это первые живые существа, которых я встречаю сегодня, не считая только стаи диких собак, виденных мною утром по ту сторону забора. Они будто тоже следят за периметром, и были похожи на гиен, фотографию которых я видела в «Энциклопедии», а учитывая коллекцию зебр и антилоп у Эйвери, гиены отлично вписывались в Африканскую тематику.

Я снова смотрю на автомобиль и замечаю, что охранники остановились как раз напротив моего убежища и выскакивают из машины. Мое сердце сжимается, когда один из них подносит бинокль к глазам и смотрит в мою сторону, потом тычет пальцем и что-то кричит. Хотя я и замаскировала себя так, что меня не найти среди окружавшей нас пустыне, все равно ныряю обратно за камень и отползаю в сторону, чтобы он полностью меня скрыл. Целых десять секунд стоит абсолютная тишина, и я уже собираюсь снова высунуть голову и посмотреть, что там происходит, как раздаются выстрелы из винтовки, и справа от меня что-то подпрыгивает вверх.

Я слышу торжествующие крики и вижу, как на земле в агонии извивается гремучая змея. Чуть расслабившись, я выглядываю из-за камня и вижу, как один из людей в форме хлопает стрелка по спине, а другой пожимает руку.

— Эй, мужик, хочу ту погремущку с ее хвоста, — орет один из них, глядя через изгородь на мертвую, но все еще извивающуюся змею.

— Ага, конечно. Мы не будем отключать ток только для того, чтобы ты смог добраться до трофея, — отвечает другой.

— А почему нет? — задает вопрос «истребитель змей». — Скажем боссу, что очередной олень застрял рогами в сетке, и пришлось перезагрузить периметр.

Двум другим охранникам надоедает этот разговор, и они возвращаются к машине, оставив стрелка и его приятеля спорить.

— А если кто-нибудь решит проверить видео с камер, то поймет, что мы обманули их с изгородью. И кто за это огребет? Конечно, я.

Мужчины смотрят друг на друга: один колеблется, другой упрощивает:

— Да ладно тебе, сержант! За это я тебе отдам бутылочку своей контрабандной Оахаки^[9]!

— Это такую текилу пил Салли, когда принял кактус за медведя, и разрядил в него всю обойму?

— Ага, та же отравка, — отвечает стрелок.

Сержант трет подбородок и говорит:

— Черт, Сандерс, умеешь ты уговаривать!

Он достает из кармана прибор, похожий на мобильник Майлса, и направляет его на металлическую коробку наверху забора. Огонек на ней перестает мигать красным,

загорается зеленый свет. Издав победный крик, Сандерс карабкается на забор, который в три раза выше его, и оттуда приземляется на корточки с противоположной стороны. Я прижимаюсь к валуну, благо моя маскировка работает: коричневая, потрескавшаяся кожа прекрасно гармонирует с обломком скалы. А мужчина тем временем дотягивается до змеи, достает из ножен охотничий нож и отрезает конец хвоста с «погремушкой». Из того, что осталось от змеи на сухой песок течет багровая кровь.

Я практически чувствую вкус гнева — у него такой же медный привкус, как и у страха. Глядя на останки змеи, я морщусь нос от отвращения. Убийство из-за спортивного интереса мне никогда не понять. Убийство ради защиты, ради пропитания — это да... это нормально. Но убийство ради развлечения — самое гнусное из преступлений.

Сандерс засовывает свой трофей в карман, попутно оглядывая местность, смотрит прямо сквозь меня, потом бежит обратно к изгороди. Уже через минуту он залезает на забор. Я вижу, как остальные охранники перешучиваются, а сержант направляет черный приборчик на зеленый огонек.

— Посмотрим, как ты приземлишься, Сандерс! — кричит он, и зеленый огонек превращается в красный. Буквально за секунду до этого Сандерс разжимает руки и пролетает оставшиеся три метра до земли.

С багровым лицом он поворачивается к сержанту и двум напарникам, которые, заходясь от смеха, залезают в джип.

— Твою мать, сержант, ты же меня чуть не убил! — орет он. Его трясет, и не могу сказать точно: от страха или от ярости. Скорей, и от того, и от другого.

— Шевели своей жирной задницей и садись в джип, — зовет водитель и медленно трогается, не дожидаясь Сандерса. Тот бросается вперед, хватается за край машины и заскакивает внутрь.

Я приваливаюсь спиной к валуну. Открутив крышку фляги, я делаю глоток, стараясь не пить слишком много. Я вышла еще до рассвета, и до наступления темноты у меня есть часов восемь. Если мои подсчеты верны, я на полпути к месту, где заканчиваются две реки. А если верны мои догадки, то там я найду свой клан.

Я вспоминаю о Майлсе. Интересно, что он подумал, прочитав письмо. Я знаю, что оно причинило ему боль, но я не хотела, чтобы он шел со мной. Пусть я и не написала это прямо, но он сможет прочесть это между строк. У меня не было другого выбора. Майлс бы меня только тормозил. Из-за него нас могли бы поймать. Или еще что похуже. К тому же, пока я знаю, что Майлс невредим и ждет меня, у меня есть дополнительная мотивация побыстрее отыскать свой клан и выбраться оттуда.

А что потом?

Я пойду туда, куда решит мой клан. Мы с Майлсом попросимся, он вернется домой, помирится с отцом, пойдет в колледж. Преуспеет в жизни. Вот, что должно случиться. Я знала это так же ясно, как и свое имя. Тогда почему сердце так больно сжимается в груди?

Нет, не нужно сейчас об этом думать. Нужно оставаться сосредоточенной. Осмотрев местность, я присматриваю себе следующее укрытие — небольшие заросли юкки вдали. Я поправляю рюкзак, больше не могу сосредоточиться и поддерживать иллюзию маскировки, поэтому позволяю ей исчезнуть и готовлюсь бежать.

ГЛАВА 28

МАЙЛС

Я сминаю бумажку и бросаю ее через поляну.

— Твою ж мать! — ору я, но мои слова повисают в воздухе, таком же пустом, как и дыра в моем сердце.

Ей не нужно было ничего говорить. Я и так знал, о чем она думала. Джуно не хотела, чтобы я шел с ней, потому что знала — мы оба знали — если дойдет до сражения в пустыне, я буду обузой. И никакие преимущества грузовика — наблюдение или использование при побеге — этого не стоят.

Даже несмотря на то, что я всегда знал, что не ровня Джуно, факт того, что моя некомпетентность настолько непреодолима, что Джуно не взяла меня с собой, только подтвердила мою полнейшую ущербность. Но я запрещаю себе думать об этом.

Я не полностью ущербен.

По крайней мере, уже менее ущербен, чем пару недель назад — Джуно сама так сказала. И я могу ей помочь. Знаю, что могу. Я ей нужен. Я не позволю ей оттолкнуть меня ради того, чтобы она могла меня защитить.

Я прохожусь по поляне, обдумывая, что делать. Солнце светит над деревьями под довольно большим углом к горизонту. Когда, Джуно говорила, встает солнце? В шесть? А раз в полдень солнце над головой, значит, сейчас где-то около десяти. Скорей всего, Джуно вышла на рассвете, а может и раньше. Даже если я проигнорирую ее просьбу и пойду следом, я точно не успею ее догнать.

Я крепко сжимаю голову руками и вою от отчаяния. Что же мне делать? Джуно действительно сможет сама освободить свой клан, или она просто направляется в ловушку? И чем же я могу ей помочь? Я не могу просто сидеть и ждать. Но если я доберусь до нее, то это ей только навредит: либо замедлит, либо ее поймают.

Я двигаюсь к вершине горы, не обращая внимания ни на ветви, больно хлещущие меня по рукам, ни на заросли ежевики, царапающие ноги даже через ткань джинсов. И когда я наконец добираюсь до верха, нахожу там скалистый выступ и сажусь, рассматривая открывшийся передо мной вид, словно смотрю захватывающий вестерн. На склонах гор растут деревья, постепенно редая на спусках к земле, а потом совсем пропадают, и остается лишь буро-зелёное пастбище, переходящее в выжженную пустыню с редкими кустарниками. Вдалеке мирно пасутся похожие на оленей животные. Кажется, что они пасутся в каком-то нетронутым цивилизацией, сказочном диснеевском мире, если бы не шестиметровая изгородь вокруг ранчо.

Я сижу, гнев и стыд проходят, и я начинаю мыслить чётко. Какие у меня варианты? Уйти или остаться. И если я уйду, то надо разработать свой собственный план, пока я не встречу с Джуно.

«Думай о преимуществах, которые даёт нам природа», — будто наяву слышу я её голос. Какие у меня преимущества? Хоть я и стрелял по деревьям, в живую мишень мне никогда целиться не приходилось. И хоть я и умею разводить огонь, я не выживу в дикой местности. Но у меня есть одно преимущество, о котором Джуно не знает: я умею Читать. По крайней мере, один раз у меня точно получилось. И я собираюсь выяснить, как это работает. Я добавляю Чтение в краткий список своих навыков.

Я поднимаюсь в полный рост, ветер треплет мне волосы, закрываю глаза и вдыхаю чистый горный воздух. «Я могу стать единым целым с природой», — думаю я. А затем открываю глаза и смеюсь. Чёрта с два я могу. Пусть Джуно будет единым целым с природой. А я останусь самим собой.

Возвратившись в лагерь, решаю проверить, что из вещей и провианта у меня есть. Джуно оставила палатку, спальные принадлежности, кухонную утварь, посуду, фонарики и большую часть еды. Похоже, она взяла лишь рюкзак, большую часть воды и немного еды. А ещё пропали нож и арбалет Джуно.

Впрочем, мой арбалет лежит там же, где я его вчера оставил, у костра. Я решаю устроить последнюю тренировку на деревьях, раз уж мне, вероятнее всего, придётся целиться в живые мишени. Отхожу на край поляны и натягиваю тетиву, вкладываю болт, как вчера мне показывала Джуно. Вскинув арбалет на уровень глаз, я смотрю на дерево в нескольких метрах от меня. На нём большой круглый сучок чуть выше моего роста. Прицелившись в сучок, я нажимаю на спусковой крючок и отправляю болт в том направлении. Затем, немедля, вкладываю и выпускаю следующий болт, потом еще один, пока все шесть болтов не втыкаются в дерево, и, к сожалению, совсем не рядом с намеченным сучком.

«Ну, по крайней мере, я стал быстрее перезаряжать арбалет», — успокаиваю я себя, собирая болты и возвращаясь на исходную позицию. Но я всё ещё не такой меткий стрелок, как Джуно. Иногда у меня хорошо получается, а иногда из рук вон плохо. Нет постоянства, и я не могу никак понять, что заставляет меня делать ошибки.

«Жаль, что это не видеоигра», — думаю я, и тут мне в голову приходит идея. Я хорош в видеоиграх. Действительно хорош. Стрельба в реальности — всего лишь вопрос согласованности глаз и рук, после того как они привыкли к весу и ощущению оружия. Что, если просто представить, что я видеоигре? Забыть, что я в лесу, в непривычной для меня среде, а вообразить, что я на удобном диване в гостиной и держу все под контролем.

Я позволяю окружающему миру исчезнуть: звукам леса, запахам земли и сосновой смолы. Есть только я, дерево и арбалет. Я медленно выдыхаю и нажимаю на спусковой крючок. Болт пролетает над поляной и ложится прямо в центр сучка.

Я издаю ликующий возглас и принимаюсь танцевать, но вскоре успокаиваюсь и решаю попробовать снова. Я концентрируюсь, прицеливаюсь и стреляю. И снова в яблочко.

Это именно то, что мне нужно. Раз я сам создаю своё окружение, значит, я могу его и изменить. В этом есть смысл.

После получасовой тренировки у меня появляется прекрасное ощущение цели. Я больше не чувствую себя потерянным или не в своей тарелке. Я всё контролирую. Теперь я смотрю на наш лагерь свежим взглядом.

Итак. Если бы это была игра, я бы сказал, что мне предстоит двухдневная миссия с целью проникновения в стан врага. Что я имею в своём распоряжении? Я исследую содержимое мешка и делю еду на маленькие порции. Раз я пойду пешком, у меня не будет времени останавливаться и есть. К тому же, если я буду постоянно что-то жевать, это укрепит мои силы, а значит так гораздо логичней, чем замедлять метаболизм, разделяя всю

еду на три приёма пищи. Хлеб, суп, консервированные бобы... Буду есть их холодными. Если не возьму с собой кухонную утварь, сумка будет легче.

Джуно оставила мне одну бутылку воды, а ещё одну пустую я могу наполнить из ручья. Надо быть с ней поаккуратнее — потом нелегко будет найти в пустыне другой источник воды.

Полиэтиленовый пакет из магазина не подойдёт для пешего похода. Мне нужно что-то, с чем мои руки останутся свободными. Я оглядываю разбросанные пожитки. Нейлоновый чехол для палатки достаточно вместителен, туда войдут бутылки воды, еда, и ещё останется немного места. Я засовываю в чехол зажигалку и фонарик, который оставила мне Джуно, и, вспомнив спасительный совет ^[10] из книги «Автостопом по Галактике», кладу туда ещё и одно из фиолетовых полотенец, которые Джуно таскала с собой от самого Сиэтла.

Я в последний раз окидываю взглядом поляну и замечаю на траве смятый кусок бумаги. Я поднимаю его и засовываю в чехол для палатки к другим вещам. Я точно мазохист, если решил его сохранить, но он будет лишним стимулом доказать Джуно, что она не права.

ГЛАВА 29

ДЖУНО

Солнце стоит прямо над головой, когда я решаю устроить привал. Я не устала, но замечаю группу деревьев на горизонте, и направляюсь к ним. Я понимаю, что мне нужно поесть и дать телу немного отдохнуть. Кроме того, потом я могу больше и не найти подходящего убежища.

Я пробегаю трусцой ещё минут двадцать до островка ссохшихся деревьев. Бросив рюкзак на песок, я ныряю в тень, отбрасываемую безжизненными деревьями. Я закрываю глаза и уже через полминуты засыпаю.

Просыпаюсь я с чувством тревоги — что-то скребет меня по груди. Я резко сажусь, и По кувыркотом слетает на землю.

— По, ты меня до чёртиков напугал! — ворчу я на птицу.

Он наклоняет голову вбок и трижды громко каркает.

«Да уж, — думаю я, — я его тоже, видимо, напугала».

Я бросаю взгляд на солнце. Я спала не больше часа. Стирая засохшую грязь со щеки, я роюсь в сумке и достаю флягу с водой, делаю большой глоток.

Потом, раскрыв мешочек на груди По, я вытягиваю оттуда несколько свёрнутых бумажек и просматриваю их. Три листа печатного текста. Талли выполнила мою просьбу.

Я отрываю от запечённого кролика ножку и бросаю По кусочек мяса, потом ем сама, попутно читая полученные бумаги. На первом листе карта, очень похожая на ту, что я оставила Майлсу. Внизу красными чернилами написано: «Это всё, что я смогла найти. В интернете не было информации об охотничьих угодьях. Я нашла лишь пару строк в статьях о дикой охоте. И в каждой статье они описывались как «строжайший секрет».

Второй была страница из журнала «Forbes». На ней изображён мужчина в костюме, но в ковбойских сапогах и шляпе. Под фотографией надпись «Рэндэлл Брэдфорд «Охотник» Эйвери III» и статья, где говорится о том, как он расширил дело отца и превратил его маленький нефтяной бизнес в Техасе в огромную оффшорную корпорацию, в три раза приумножил состояние отца. Упоминается также пара бывших жён с детьми, а по отношению к Эйвери применен эпитет «плейбой».

На последнем листе Талли от руки сделала надпись «Из Википедии». Под надписью идет пара абзацев:

«Амрита (на санскрите:

■■■■, amṛta)

— на санскрите буквально означает «бессмертие» и часто упоминается в текстах как нектар. Впервые упоминается в Ригведе^[11] как напиток, дарующий бессмертие богов».

Что ж, эта статья подтверждает, почему Уит и мои родители назвали так разработанный ими эликсир. Я просматриваю страницу дальше, и моё внимание привлекает следующее:

«Тексты Ваджраяны^[12] рассказывают о происхождении амриты... По данной версии демон Раху украл амриту и его поразила молнией Ваджрапани^[13]. Но поскольку Раху уже выпил амриту, он не мог умереть, но капли его крови пали на землю, и там, где они коснулись земли, выросли лекарственные травы. По велению всех Будд, Ваджрапани

воскресил Раху и с тех пор тот стал защитником буддизма».

Что-то в этом абзаце меня беспокоит, но я не могу понять что именно. Я переворачиваю страницу и замечаю каракули Талли. Отдав По ещё одну косточку, я делаю глоток воды и продолжаю чтение.

«Я полночи раскидывала для тебя кости. Уже не раз я задумывалась над тем, как похоже чтение моих предков на ваше, и я пришла к выводу, что мы получаем ответ из одного источника: коллективного разума всего сущего, прошлого и будущего. Так что можешь считать меня оракулом вашей Йары. В любом случае, ответ для тебя выпадал один и тот же, сколько бы раз я ни бросала кости.

Тебя поймают. Будет битва. Уж не знаю, будет ли это битва веры или реальная физическая борьба. Но вижу тебя в центре неё. И когда всё подойдёт к концу, твоё обычное оружие тебе не поможет — ни физическое, ни ментальное, а значит, ты не сможешь воспользоваться Читением и Заклинаниями. И тогда тебе придётся Призвать.

Призвать?! Это как «позвать», только гораздо мощнее. И Призвать кого... или что? Чёрт бы меня побрал, если я понимаю, о чём речь, так что будет глупо пытаться расшифровать послание, предназначенное тебе. Но тебе это выяснить придётся, Борегар никогда ничего не говорит прямо. В противном случае, будем надеяться, что ты всё поймешь, когда придёт время».

Я опускаю записку и оглядываю пустыню, размышляя. Так много всего нового. И каким-то образом все сливается в одно. Но это — лишь пара нот, и по ним мне пока сложно узнать всю песню.

По пронзительно каркает, напоминая мне, что я тут не одна. Я складываю бумаги и засовываю их в задний карман джинсов — в пути у меня будет куча времени всё обдумать. Но держать По на этом пекле нет никакого смысла. Поэтому я пишу Талли ответную записку, благодарю ее и предупреждаю, что позову По обратно, как только мне понадобится её помощь.

И отсылаю ворона. А потом, забросив за плечи рюкзак, выхожу из своего тенистого оазиса и отдаю себя на милость беспощадного солнца пустыни.

ГЛАВА 30

МАЙЛС

Я перебираюсь через горный хребет в поисках виденного вчера ручья. Я слышу его и иду на звук льющейся воды, пока не оказываюсь на берегу кристально-чистого горного ручья. Достав из своего импровизированного рюкзака пустую бутылку воды, я наполняю её, делаю пару больших глотков и наполняю вновь.

Осматриваю периметр изгороди в нескольких метрах от меня. Что же лучше сделать: попробовать пробраться на ранчо или продолжить идти вдоль забора, как предлагала Джуно? Я прихожу к мысли, что моя роль заключается в отвлечении Эйвери и его людей от места, где находится клан Джуно. Но что я могу сделать, если даже не знаю, где он сейчас.

Я достаю карту местности и провожу пальцем до двух рек, про которые вчера говорила Джуно. Она считает, что и поместье Эйвери, и хижины, где держат ее клан, должны находиться в этой области, и именно туда она направляется вдоль южной стороны ограды. По крайней мере, я так думаю. Меня терзают смутные сомнения. Как мне решить, что делать, если я даже точно не знаю, какой у Джуно план?

На моем месте, Джуно прибегла бы к Чтению. Она бы попробовала узнать с помощью земли, куда ей направиться. Так, может, пришло время и мне проверить, каковы мои способности к Чтению? От одной только мысли об этом мне становится не по себе. Все это совсем не входит в мою зону комфорта.

«Всё, что ты дальше планируешь делать, будет вне зоны твоего комфорта, — напоминаю я себе. — Так что поторопись!»

Я закрываю глаза, прижимаю руку к земле и стараюсь замедлить дыхание. Сконцентрироваться. И почти сразу покалывание от кончиков пальцев начинает распространяться вверх по руке. Я думаю о Джуно. Представляю её.

И вдруг меня охватывает буря эмоций, чувств, ее чувств: накатывает волна яростной решимости. И еще любопытство... и настороженность. Она наблюдает... Ждёт знака. Думаю, *она всё ещё в пути.* Если бы её схватили, она бы чувствовала страх. А если бы отыскала свой клан, то испытала бы облегчение. А пока она в безопасности и всё ещё их ищет.

Я открываю глаза, и покалывание прекращается. Я не могу сдержать широченной улыбки. У меня получилось. Я Прочёл.

Джуно не права. Амрит *что-то изменил* в моей голове, подействовал на мозг. Это не выбор, не смена взгляда на жизнь, как она меня учила. Это действительно приходит автоматически с приёмом препарата. Некий побочный эффект. Амрит не только делает человека невосприимчивым к болезням и замедляет старение, он каким-то образом на молекулярном уровне влияет на процессы в мозге, и с его помощью человек начинает воспринимать то, что прежде не мог. Или, говоря языком Йары — подключается к Разуму Вселенной.

«А почему бы нет?» — возникает у меня вопрос. Мама как-то рассказывала мне, что когда была беременна, у неё был нюх, как у собаки. Беременность каким-то образом обострила её обоняние. Так почему препарат, настолько сильный, что смог вернуть меня к жизни, не может воздействовать на процесс обработки информации мозгом?

Очередная безумная попытка принять то, кем я стал. И на сегодняшний момент, если я

выясню, как все это работает, и смогу использовать новые умения, это будет мое самое большое достижение.

Я решаю углубиться в лес и иду до тех пор, пока не нахожу местечко, где деревья растут гуще и не пропускают солнечный свет. Среди старых сосен я с легкостью нахожу ветки для костра. Когда он разгорается, я сажусь перед ним, скрестив ноги, и гляжу на пламя, как обычно это делает Джуно.

Я жду. Вспоминаю, как Джуно рассказывала, что видела в огне карту, и пробую представить что-то подобное. Но ничего не происходит. Никакого покалывания, никаких картинок перед глазами. Ничего.

Моя мама иногда медитировала — это было частью ее терапии. Она фокусировала взгляд на свече или мандале ^[14], чтобы очистить разум. Я вглядываюсь в лепестки пламени, наблюдаю за пляской рыжих искр и стараюсь ни о чём не думать. Но чем больше я стараюсь, тем больше мыслей лезет мне в голову.

И вдруг пальцы начинает щипать, а в дрожащем нагретом от пламени воздухе начинает вырисовываться картинка. Я вижу парня в ковбойской шляпе, стоящего на крыльце белого особняка. Он стоит, засунув большие пальцы за шлёвки синих джинсов, и разговаривает с одним из своих громил в форме. К столбу возле двери прикреплен американский флаг, он колышется под порывами ветра. А чуть дальше, справа от дома, течет река с поросшими деревьями берегами.

Джуно была права. Эйвери действительно построил свой дом рядом с рекой. Она Прочла в прошлый раз, что недалеко от его особняка должны быть хижины, где держат её людей. Я начинаю думать об этих хижинах и продолжаю вглядываться в огонь, но ничего не происходит, а спустя пару секунд исчезает и вся остальная картинка, теперь я вижу лишь пламя костра.

Джуно говорила, что человек всегда видит то, что Йара хочет ему показать. А раз она показала мне дом Эйвери, значит именно туда мне и надо отправляться. Теперь любые сомнения, покидать мне гору или нет, исчезли. Итак, у меня есть миссия. И Вселенная или Гея, или кто бы там ни был, указали мне, что делать.

Это ощущение, что у меня есть цель, задача, такое новое для меня. Я чувствую прилив адреналина, пока прослеживаю на карте путь от того места в горах, где я сейчас, вдоль двух рек на мили и мили вперёд.

Теперь, когда я знаю, что делать, исследование изгороди с последующим бегом по пересечённой местности кажутся дурацкой идеей. Лучше всего сейчас сделать то, что я предлагал Джуно с самого начала: доехать на грузовике до противоположного края ранчо и зайти с востока. Потребуется всего лишь часа два-три езды. Я доберусь туда раньше, чем Джуно найдёт свой клан.

Это даст мне время осмотреться и составить план идеальной диверсии, прежде чем кто-либо догадается, что Джуно там. Решение принято, я забрасываю чехол от палатки за спину и начинаю карабкаться по склону обратно, к тому месту, где мы с Джуно оставили грузовик.

ГЛАВА 31

ДЖУНО

Когда я добираюсь до вершины горы, солнце уже садится. Я бросаю взгляд вниз на долину, и замечаю группу из десятка горящих костров. Недалеко от них поперек всей долины змеится река, а закатное солнце отражается в её водах.

Я вытягиваю руки и пытаюсь Прочесть ветер. Я думаю об отце, и нос мне начинает щекотать запах костра. Значит он там, внизу. Я нашла своих людей. Я оглядываю местность в поисках света фар или других признаков охранников, но никого из чужаков поблизости не вижу. А что, если они разместились среди хижин моего клана и живут вместе с моими людьми. Что тогда делать?

Хоть я и очень устала, бежала целый день, останавливаться и отдыхать я не хочу. Я уже близко. Я начинаю спускаться по склону, в спешке царапаю пальцы об острые камни, но даже не чувствую боли.

Все время пока я спускаюсь, долины мне не видно — ее закрывают деревья, наконец я добираюсь до открытой площадки, откуда открывается прекрасный вид. Я вижу гуляющих людей, вижу подсвеченные пламенем костра стены хижин. За поселением виден юго-восточный край ограждения, а на вершине забора недалеко от меня медленно включается и выключается красный огонёк. На западе за горами садится солнце.

«Там, где меня ждет Майлс», — думаю я и чувствую укол вины.

Луна, при которой прошлой ночью можно было читать, сейчас прячется за тучами. Что ж, ночь достаточно темна, чтобы решиться на последний этап моего долгого путешествия, и я в открытую бегу полмили через долину к ограде. Я двигаюсь прямо к мигающему красному огоньку и наконец добираюсь до него. Он в шести метрах надо мной, почти незаметный во мраке ночи.

Я задумываюсь, как мне перелезть через забор. Первая мысль — попытаться деактивировать коробку. Но я тут же вспоминаю разговор охранников: существует система, которая следит за состоянием забора, и она сразу подаст сигнал, если забор деактивируется. Меньше всего мне сейчас надо, чтобы сработала сигнализация, и все узнали о моём присутствии. На джипе они быстро доберутся до ограждения из любой точки ранчо, а если кто-то из них живёт среди моего клана, то и ещё быстрее.

Я должна найти способ перебраться, не включив сигнал тревоги. Моё незнание принципов работы подобных устройств ставит меня в невыгодное положение. Я с раскаянием ловлю себя на мысли, что тут бы мне очень пригодился Майлс.

«Даже не думай об этом, — приказываю я себе. — Ты сделала выбор, ты хотела, чтобы он был в безопасности. Чтобы все были в безопасности. Слишком поздно сожалеть».

Интересно, а вдруг забор ударяет током только голую кожу? Может, я смогу перебраться, обернув руки и ноги тканью? Я решаю проверить теорию, бросив на забор кусочек кроличьего мяса. Стоит мясу дотронуться до проволочной сетки, как раздается потрескивание, и оно падает на землю, на месте контакта остается опаленная чёрная полоса. Я оборачиваю кусок в хлопчатобумажную ткань и снова бросаю. Всё повторяется, только теперь в месте касания проволоки прожжённая ткань. Что ж, значит, идея перелезть через забор, пока он находится под напряжением, никуда не годится.

Я обдумываю проблему со всех сторон, но никак не могу придумать способ перебраться

через изгородь без отключения металлической коробки. А значит, охрана может получить сигнал тревоги, что в свою очередь означает, что у меня ещё меньше времени, чтобы сбежать со своими людьми и покончить уже, наконец, со всем этим. Что ж, да будет так. Другого выхода у меня всё равно нет.

Я сажусь рядом с забором и закрываю глаза, устанавливая связь с Йарой и представляя в голове коробку. Как только связь устанавливается, я вижу множество тоненьких разноцветных проводов, собранных в пучки и вставленных в разные пазы. Я выбираю пучок, который переходит в самый толстый чёрный провод, и представляю мысленно под ним маленький костерок.

Я вижу, как цветная пластиковая обмотка начинает плавиться и слазить, а оголённые провода краснеют от жара. Серебристая коробка освещается изнутри, пока несколько маленьких искорок не разгораются, и все внутренности коробки не начинают пылать синим пламенем. Я открываю глаза и вижу, что мигающий красный огонёк потускнел и исчез.

Вокруг меня стоит тишина. На фоне глубокого чёрного неба я еле-еле могу различить изгородь. Я поднимаюсь с земли и приближаюсь к ней, продолжая наблюдать за коробкой над головой, которая больше не светится. Чтобы убедиться, что электричество действительно отключено, и я не сожгла своим мини-костром просто какую-нибудь сигнальную лампочку, я снова проделываю тест с кроличьим мясом. Завёрнутый в ткань кусок снова летит в ограду и падает на землю ничем не поврежденный. Никакого шипения. Никаких искр. Но разве я могу быть уверена, что соседние коробки не запрограммированы на то, чтобы взять на себя участок выведенной из строя коробки?

Я вспоминаю затравленный взгляд охранника, когда его коллега включил забор, прежде чем тот успел приземлиться. «Ты ведь меня чуть не убил!» — кричал он тогда.

Напряжение изгороди явно смертельно для человека. Но у меня нет выбора. Придётся рискнуть.

От страха у меня щемит в груди, я подношу руку на три сантиметра к изгороди. Затем убрав руку, отхожу на пару шагов. Потом разбегаюсь, подпрыгиваю и хватаюсь за изгородь как можно выше, цепляясь за решётку пальцами, подтягиваюсь, не останавливаясь, стараясь забраться на вершину забора и перепрыгнуть на другую сторону прежде, чем электричество сможет меня обездвижить и убить. Я добираюсь до середины сетки, когда понимаю, что меня так и не ударило током — ограда всё ещё деактивирована. Я в безопасности.

Я цепляюсь крепче за проволоку и позволяю себе на секунду остановиться, чтобы выровнять дыхание, а потом лезу дальше. Я добираюсь до верхнего края, перебрасываю ноги через забор и ползу вниз по другой стороне, уже в самом низу спрыгиваю и приземляюсь; надеюсь, что никто не заметил моих акробатических номеров. Я поправляю рюкзак и потом, пригнувшись как можно ниже, добегаю до группы растущих кактусов и присаживаюсь за ними.

Теперь я всего лишь на расстоянии полёта стрелы от ближайшего костра, где сидит Галена, укачивающая на руках своего ребёнка — Аниак. Я оглядываю лагерь, но нигде не замечаю охранников, тут только мои люди. И я, наконец, позволяю себе испытать облегчение, постоянно растущее внутри меня до этого момента, и от него сердце колотится у меня в груди.

Я хочу подать знак своим людям, который точно каждый узнает — тот самый свист, который я издавала, возвращаясь с охоты, и все дети сразу же бежали мне навстречу. Но я до сих пор не уверена, что за моим кланом не следят, и не хочу, чтобы меня поймали так рано.

Уит и так знает, что я здесь, и что я приду за своими людьми. Вопрос в том, предупредил ли он людей Эйвери?

Пока он не Прочтёт, что я здесь, я буду в безопасности от него. Или пока охрана Эйвери не заметит, что я деактивировала часть изгороди. От того, когда они это обнаружат, зависит количество времени, отпущенное мне на разработку вместе с кланом стратегии по освобождению Барсука и побег. Каждая секунда на счету.

Из одной из хижин выходит высокий парень, он несет к костру охапку поленьев. Я его еле узнаю в джинсах и футболке, ведь всегда видела его только в шкурах и мехах. Это Кенай, а рядом с ним Нома, одетая в майку и шорты. Моё сердце готово разорваться. Я так сильно по ним скучала, что сейчас меня просто переполняют эмоции, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не позвать их по имени.

Когда Нома наклоняется, чтобы подобрать пару веток, я бросаю свой рюкзак на землю и достаю из него арбалет. Поднимаю его на уровень глаз, прицеливаю чуть левее Номы, и спустя секунду болт уже врежется в дверь хижины в десяти сантиметрах от моей подруги. Она оборачивается, чтобы посмотреть, что же только что мимо неё пролетело, замечает болт, вытягивает его из двери и принимается осматривать. Потом вскидывает голову и начинает удивленно осматриваться вокруг, я осторожно выпрямляюсь и машу ей рукой. Она меня замечает, бросает ветки и кидается ко мне.

— Господи, Джуно! Это ты! — одно мгновение, и она уже сжимает меня в крепких объятиях, а мое лицо тонет в её распущенных светлых волосах.

— Мы все знали, что ты придёшь. Только не знали когда, — бормочет она, ощупывая моё лицо, будто всё ещё не верит, что это я.

— О боже, Джуно, твои волосы, — шепчет она, осторожно прикасаясь к моей короткой стрижке, будто у меня на голове змеи, а не волосы.

Остальные тоже бегут в нашем направлении. Кенай подбегает первым и крепко меня обнимает.

— Ты мой Майский Жучок. Ты здесь, — произносит он.

— Ребята, я так по всем вам скучала, — говорю я и поглядываю на хижины поверх их плеч. — У вас тут никакой охраны? — уточняю я, в ответ Нома отстраняется и качает головой.

— Они все вернулись в особняк, — наконец отвечает она. — Они сказали, что нет смысла нас охранять, если они отобрали все наши амулеты и забрали Барсука после нашей последней попытки к бегству.

— Но почему Барсука? — восклицаю я. — Он же такой маленький!

— Именно поэтому, — мрачно отвечает Нома. — Он слишком мал, чтобы попытаться сбежать.

— Сегодня нас навестил Уит, — скривив от отвращения нос, рассказывает Кенай. — Он просил передать тебе, что как только ты встретишься с Эйвери, Барсука отпустят, и он сможет увидеться с мамой.

Из одной из хижин выходит мой отец и смотрит прямо на меня. Я хочу подойти к нему, но не могу сдвинуться с места. И, наконец, он сам подбегает ко мне, Нома и Кенай отходят в сторону, чтобы не мешать ему. Его лицо осунулось. Он ласково обнимает меня и хлопает по спине, как делал это всегда, когда я была маленькой девочкой, и меня надо было успокоить.

— Ох, Джуно, — говорит он, отстранившись и пристально глядя мне в глаза. — Я ведь просил тебя не приходить.

— Но я знала, что должна прийти, — отвечаю я, и хотя чувствую, что слёзы вот-вот потекут из глаз, я стараюсь держаться и с вызовом вскидываю подбородок. Мой отец знает, что это значит: я здесь, чтобы сражаться.

— Да, — печально отзывается он, — я знал, что так и будет.

ГЛАВА 32

МАЙЛС

Мои расчёты оказались неверны. Во-первых, истинные границы ранчо оказались не совсем там, где нарисовал мужчина с заправки: мне дважды приходилось возвращаться, и в итоге я проехал на восток гораздо дальше, чем предполагал. А во-вторых, ни одна, пусть и грунтовая, дорога не вела прямо к ранчо.

В какой-то момент с главной дороги стала видна изгородь, а за ней — нечто похожее на взлётно-посадочную полосу посреди поля. Наверно, богатые клиенты Эйвери прилетают на частных самолётах. С дороги ранчо кажется абсолютно неприступным, хотя я знаю, что это невозможно: охранники ведь входят и выходят оттуда, и они точно знают, где главные ворота, потому что снаружи нет никаких указателей или хоть каких-то намёков на вход.

Я паркую грузовик на заброшенной стоянке, возвращаюсь на милою назад к забору и иду вдоль него на юг. Наконец, полтора часа спустя, я добираюсь до чего-то, похожего на главный вход. Эти ворота охраняются: в будке сидит парень, а рядом шлагбаум, выпускающий и выпускающий машины.

На одной стороне висит большой знак со сделанной курсивом надписью «РАНЧО ЭЙВЕРИ». Вдоль дороги растут деревья, и я использую их как прикрытие, подбираясь к воротам. Наконец я останавливаюсь в трёх метрах от будки охранника и вижу внутри парня, играющего в компьютерную игру. Он прекращает свое занятие и делает глоток кока-колы, а затем выставляет пустую стеклянную бутылку на выступающий подоконник. Прямо рядом с его стулом я замечаю автомат.

Я оглядываю шестиметровый забор. Вскарabкаться на него я не могу — он под напряжением. Эти охраняемые ворота — единственное встреченное мной открытое место. Если бы там не было этого парня, то я смог бы легко проскользнуть под шлагбаумом и пробраться на территорию. Похоже, помимо контроля въезжающих и выезжающих автомобилей, Эйвери, не особо волнуется, что кто-то может проникнуть на его территорию. Думаю, *никто бы не захотел так рисковать своей жизнью*. Сумасшедший техасец и его личная армия. Кто ж на такое покусится?

Впервые за все это время я осознаю — то, что я делаю, очень опасно. По лбу текут струйки пота, ладони вспотели. Отлично. Я ещё даже не проник за ворота, а уже напуган до чёртиков. Хотя может это и хороший знак: по крайней мере, это значит, что я нормален и реагирую правильно.

И вот я, восемнадцатилетний подросток, никогда даже не посещавший КПОЗ^[15], пытаюсь пробраться на охраняемый объект. Когда мы убежали вместе с Джуно, именно один из этих людей чуть не убил меня. И я думаю, парнишка на воротах тоже не постесняется меня застрелить, если заметит. Волна паники почти заставляет меня повернуть и бежать к спасительной кабине оставленного грузовика.

Огромным усилием воли я подавляю свой внутренний страх, отбрасываю эмоции и стараюсь сосредоточиться на своей дальнейшей цели. Чёрт, кого-то я себе сейчас напоминаю.

Я подползаю ближе к будке охраны, стараясь, чтобы парень внутри меня не заметил. Я внимательно слежу, когда же он, наконец, наклонится или отвернётся в другую сторону. Всё, что мне требуется, это чтобы он на пару секунд отвлёкся, а я тем временем смог бы

проскочить мимо будки и оказаться вне зоны его видимости.

Я вытаскиваю арбалет из сумки, натягиваю тетиву и вкладываю в паз болт, а затем прицеливаюсь во всё ещё стоящую на подоконнике бутылку из-под кока-колы.

Такая маленькая. Как же мне не промахнуться?

«Сконцентрируйся», — приказываю я себе. Нажимаю на спусковой крючок, и болт летит напрямик к бутылке. Но пролетает в каких-то двух сантиметрах от нее и приземляется среди деревьев по другую сторону будки охраны. Я выдыхаю, подавляю разочарование и снова прицеливаюсь. Нажимаю на спусковой крючок. К моему изумлению, бутылка из-под кока-колы подлетает вверх, с громким стуком приземляется на асфальт и начинает катиться.

Охранник чертыхается, выбегает из будки и гонится за катящейся по дороге бутылкой. Я выскакиваю из-за дерева, пригнувшись, проскакиваю под шлагбаумом и бросаюсь в заросли бамбука с другой стороны забора. Из своего укрытия я вижу, как охранник поднимает бутылку и возвращается к будке. Когда он наклоняется, чтобы бросить её в мусорный бак под окном, я разворачиваюсь и со всех ног мчусь подальше от главных ворот. Все это время я бегу как заправский спортсмен, пробегаю полосу сосен, но вскоре деревья начинают расти реже, и я бросаюсь (возможно, слишком сильно) на землю. От удара у меня вышибает дыхание, и я ползу к месту, где рядом с деревьями проходит дорога.

Передо мной раскинулось ранчо. С того места, где я лежу, мне видно, как дорога петляет между сосен, затем превращается в простой металлический мост над рекой и заканчивается у огромного белого особняка с развевающимся на крыльце американским флагом.

Позади особняка одноэтажное здание в форме буквы «Г» с множеством дверей и окон, похожее на придорожный мотель. Рядом с ним припаркованы Ленд Роверы и джипы.

«Наверно, здесь живёт охрана», — размышляю я. Судя по количеству дверей в здании и машин снаружи, я предполагаю, что здесь можно разместить не меньше сорока человек.

Солнце только клонится к закату. Я решаю пробраться к склону под прикрытием деревьев, там дожидаться темноты, а уж потом пересечь мост и подобраться ближе к главному дому.

Но что мне делать, когда я туда доберусь... Понятия не имею.

ГЛАВА 33

ДЖУНО

Меня окружил весь клан, каждый хочет меня обнять: дети — с радостью, старейшины — с печалью в глазах. Некоторые даже бормочут «Прости», обнимая меня. Все-таки, правда вышла наружу. Меня раздирает столько эмоций, что говорить не получается. Ничего, слова придут позже, а пока за них будут говорить объятия.

Наконец, мы с отцом идем в его хижину. Я показываю рукой на скудную мебель внутри. — Только самое необходимое, — комментирую я, не зная, что ещё сказать. Ещё никогда я не чувствовала себя так неуютно наедине с папой.

Он чувствует моё напряжение и решает поддержать пустой разговор.

— Один из охранников рассказал мне, что Охотник Эйвери нашёл эти заброшенные хижины, подлатал их и размещал в них тех гостей, кто хотел пожить «в единении с природой».

Я молча киваю и кладу свой арбалет рядом с дверью.

Мой отец садится на ровный глиняный пол и жестом приглашает меня последовать его примеру. Его лицо мрачное, и выглядит он так, словно не спал несколько дней. Мы сидим в полной тишине, пока он наконец не произносит:

— Вперёд.

— Что значит «вперёд»? — не понимаю я.

— А то и значит, вперёд. Плачь. Кричи. Назови меня лжецом. Скажи, что ты меня ненавидишь. Скажи всё, что хотела высказать мне в лицо все эти недели.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. А когда открываю их, они полны слёз.

— Если честно, пап, я разрываюсь между желанием тебя ударить и обнять. Внутри меня борются любовь и ненависть, чувство облегчения и предательства. И если я позволю всем этим эмоциям сейчас прорваться наружу, боюсь, я просто взорвусь.

— Я не виню тебя за то, что ты меня ненавидишь, — отвечает отец, и печаль на его лице говорит больше, чем любое извинение.

— Ты лгал мне, — произношу я. — И не только ты. Все старейшины мне лгали. Но ты... ты же мой отец. Как ты мог растить меня, заботиться обо мне, учить меня отличать добро от зла, и при этом врать мне в лицо?

— Джуно, — начинает говорить отец, — ты можешь не слушать мои оправдания. Но в данной конкретной ситуации я решил, что благополучие мира — человечества и всего живого, будущего нашей планеты — гораздо важнее, чем мой долг перед дочерью. Если эта ложь означала твоё выживание и выживание твоих потомков, тогда я готов был пожертвовать душой и продолжать лгать тебе и другим детям.

— Я тебя слышу, — шепчу я, вытирая очередную слезу. — Но не могу этого принять. Ты мог рассказать нам истину. Доверить нам правду о происходящем.

Отец лишь качает головой.

— Помнишь Кеная, когда ему было тринадцать? Он восставал против каждого правила, подвергал сомнению всё, что ему говорили родители. Как ты думаешь, он бы справился с правдой? Думаешь, он остался бы на нашей скрытой от внешнего мира территории?

Я отрицательно качаю головой.

— И это только один пример, Джуно. Нам пришлось выдумать историю, которая

держала бы нас всех вместе. Отдельно от остального окружающего мира. Историю, которая бы сохранила наш секрет.

— И это все равно неправильно, — не уступаю я.

— Знаю, — отвечает папа. — Но это лучшее, что мы смогли придумать. Старейшинам пришлось объяснять всё собственным детям, а кому-то и самому себе. Нам всем пришлось иметь дело с последствиями как всеобщего, так и личного обмана. Кого-то прощали.

Он опускает глаза.

— Кого-то нет.

Глаза щиплет, я стискиваю зубы и сжимаю кулаки.

— Поплачь, Джуно, — произносит отец.

Вытерев уголки я глаз, я судорожно вдыхаю. Я вижу, что папа хочет меня обнять, но боюсь, если он это сделает, я разревусь и остановлюсь нескоро. Я обхватываю плечи руками, давая понять, чтобы он не подходил.

— Зачем ты пришла сюда, ведь я просил тебя этого не делать? — мягко спрашивает он.

— Я отвечаю за свой клан, — отвечаю я.

Папа поднимается, доходит до угла и берет бутылку воды. Вернувшись, снова садится и протягивает её мне.

— Джуно, с того момента, как клан похитили, я постоянно думал о тебе. Спрашивал себя, правильно ли я тебя воспитал. Ты росла, сознавая, что будешь следующей главой клана. Я знаю, какую ношу взвалил на тебя Уит. И я знаю, что члены клана не только смотрят на тебя, будто ты им принадлежишь, но и ведут себя точно так же. Считают тебя своей собственной Видящей клана.

Отец садится ближе ко мне, взлохмачивает мои короткие волосы.

— Из-за этого у тебя практически не было детства. Ты никогда не знала, что значит быть беззаботной. Не чувствовать ответственность за выживание клана. Я был не прав, воспитывая тебя так. Но когда твоя мама умерла, мне было тяжело отказать Уиту и старейшинам. Ты была единственной, кто мог занять её место.

— Потому что могу творить Заклинания? — спрашиваю я.

— Отчасти да, — отвечает отец. — Но есть кое-что другое, более важное, о чём я с тобой никогда не говорил. Я все ждал, пока ты пройдёшь Обряд. Но теперь этого может никогда и не произойти. Поэтому пришло время тебе всё рассказать.

Я вскидываю руку, прерывая его.

— И я должна тебе поверить, потому что...

— Мы больше не будем друг другу лгать. Больше никаких секретов, — произносит мой отец. — Клянусь памятью твоей матери. Тебе решать, верить мне или нет. Но уверяю: всё, что я тебе расскажу, — правда.

Я, молча, за ним наблюдаю.

— Что тебе уже известно об Амрите? — задает он свой вопрос.

— Кое-что я уже поняла сама, а прошлой ночью Уит практически всё подтвердил, — отвечаю я.

Он с грустью кивает.

— Я видел в огне, как ты с ним разговаривала. Он рассказал тебе о нашей роли в изобретении Амрита? Про легенду твоей матери?

Я согласно киваю.

— Что-то об исцелении волчицы, которая прожила потом еще очень долго.

Отец делает глоток из стакана и начинает разглядывать потолок, словно пытается увидеть там прошлое.

— И легенда твоей матери, и другие сказания о вечной или продлённой жизни, которые мы впоследствии отыскали, упоминали использование «жизненной силы прорицательницы». Женщины, которая являлась единым целым с землёй — дочерью Геи.

Твоя мать не просто рассказала нам свою легенду, она ещё и была нужным человеком для её воссоздания. Только поэтому мы смогли добиться успеха там, где другие ученые веками терпели неудачу. Только поэтому мы, люди, смогли взломать скрытый веками код... и получить доступ к тайнам земли.

— Что значит, мама была «нужным человеком»?

По телу поползли мурашки.

— Что ты знаешь о родственниках своей матери? — спрашивает отец, и на его лице явно проступает чувство вины.

— Ну, до того, как Уит рассказал мне, что она родом из Монголии, я всегда думала, что её родственники из Китая.

— Из той части Китая, которая когда-то была под властью Монгольской империи, — уточняет отец. — Твоя бабушка была из племени кочевников, поклонявшихся земле, на которой живут и которую обрабатывают. Их женщины были прославленными шаманами и лекарями.

Твоя бабушка часто рассказывала своей дочери легенды их племени. Она говорила, что твоя мать особенная, потому что в ней течёт кровь жрицы. Одной из интересующих твою мать тем в философии Геи и движении, созданном нами, было поклонение природе её предками. Он была связана с Геей своим происхождением.

В легенде о волчице, рассказанной твоей бабушкой, говорилось, что жизненная сила, которую использовала пророчица, была её собственной кровью. Вот это и сделала твоя мама, когда мы готовили первую порцию Амрита. И каждую партию после этого. Больше ничья кровь не работала.

В моей голове, словно плотина прорвалась: мысли завертелись, и всё затопило осознание. Её кровь. Моя кровь. Причина, почему только она и я могли проводить Обряд. Но только я начала что-то понимать, как тут же появилось множество других вопросов.

Мой отец наблюдает за тем, как я обдумываю его слова. Он ждет, пока я приведу мысли в порядок, и продолжает:

— Мы испробовали Амрит сначала на животных, а затем на себе. Мы провели столько тестов, сколько смогли, пытаюсь понять, чем отличается кровь твоей матери от любой другой. Это было до того, как мы открыли ту мутацию глаз и замедление старения на подопытных животных. А после этого мы решили скрыться, чтобы защитить своё открытие от внешнего мира. А на Аляске у нас уже не было нужного оборудования для дальнейшего проведения опытов с образцами крови.

Как бы то ни было, когда ты была маленькой, твоя мать взяла у тебя образец крови, чтобы выяснить, можешь ли и ты «возвращать к жизни Амрит», так она это называла. И оказалось, что можешь.

— Вот почему Уит всегда заставлял меня готовить эликсир для Обряда? — спрашиваю я.

— Да, ты — ключевой элемент Амрита. Без твоей матери... без тебя... он работать не будет.

Глаза отца не выражают ничего. Я понимаю, что он прокручивал этот разговор в голове сотни раз, продумывая каждое слово, ведь рано или поздно он должен будет мне все объяснить.

— А как Уит собирался продавать препарат, для которого требуется кровь определённого человека? — возникает у меня вопрос.

— Думаю, он решил, если найдёт покупателя с достаточными финансами, они смогут провести тестирование твоей крови и разработать новый альтернативный вариант препарата, который и будут производить.

Больше не знаю, что сказать. Просто сижу и жду, когда мысли сами сложатся во что-то определенное. Во что-то адекватное.

— И что бы сделал клан, если бы я умерла, как и моя мать? Формула Амрита умерла бы вместе со мной? — наконец спрашиваю я.

— Полагаю, да, если бы ты не успела родить дочь к тому времени, — печально улыбается отец.

Эта информация становится последней каплей, больше думать я не в состоянии. Ложусь на пол и гляжу в потолок.

— Как ты себя чувствуешь, Майский Жучок? — спрашивает папа.

— Использованной. Обманутой. Запутавшейся.

Отец молчит. Он больше не пытается ничего объяснить, и я ему за это благодарна. Он не может уже ничего сказать, что заставило бы меня чувствовать себя лучше. Не может ничего сделать, ничто не вычеркнет последних семнадцати лет моей жизни. Если бы я только могла поговорить с мамой! В её жилах текла такая же кровь. И эту кровь она использовала, чтобы создать нечто, способное, по её мнению, спасти мир... пока не поняла, что это «нечто» может его и уничтожить.

Я слышу звук подъезжающей машины и голос Уита, зовущий меня по имени. Я поднимаюсь и подхожу к двери папиной хижины. Уит сидит за рулём огромного автомобиля, похожего на грузовик, а двое охранников стоят рядом с машиной.

Я поворачиваюсь к отцу, поднявшемуся с земли и вставшего за моей спиной.

— Присмотри за моими вещами, — прошу я, глядя в угол хижины, где оставила арбалет и рюкзак.

— Тебе не обязательно идти с Уитом, — произносит папа.

— Я — жизнь клана. В буквальном смысле, — отзываюсь я. Очень хочется сказать папе, что я по-прежнему его очень люблю, но не могу произнести ни слова.

Я выхожу наружу и прищуриваюсь от ослепившего меня света фар. Я поднимаю руки вверх, чтобы показать, что они пусты, пристально гляжу на Уита и произношу:

— Я была тебе нужна? Я тут.

ГЛАВА 34

МАЙЛС

Я подбираюсь к кромке небольшого лесочка на холме, откуда хорошо видно ранчо Эйвери. С этой точки наблюдения мне видна боковая стена особняка и за ним — казарма охраны. Между мной и помещьем забор вполовину ниже, чем тот, что окружает ранчо по периметру, и этот выглядит не так устрашающе. Хотя не могу сказать, под напряжением он или нет.

Сбоку от особняка течет река и исчезает вдаль. Несмотря на лунную ночь, многое разглядеть не удастся. Хоть здание и подсвечено, остальная часть помещья теряется в темноте.

Позиция на холме обеспечивает мне отличную точку обзора, так что я решаю задержаться здесь и еще немного понаблюдать за тем, кто входит и выходит, да и вообще нужно составить представление об этом месте.

Интересно, как там Джуно? Где она? Могу поспорить на что угодно, что она направилась напрямик к своему клану, но вот что она собирается делать дальше, я понятия не имею. Собственно, как и сама Джуно — по крайней мере, так она мне сказала, когда мы с ней разговаривали в последний раз.

Я сбрасываю с плеч чехол от палатки и ложусь на живот. Достав одну из кроличьих лапок, я обмываю её оставшейся в бутылке водой. У меня осталась всего одна бутылка, но по этому поводу я не слишком переживаю. Возможно, позже ночью удастся спуститься к реке и снова наполнить бутылку.

Что ж, план «Как не умереть от обезвоживания» готов. Осталось придумать, что делать дальше.

Я пытаюсь представить себя в роли Джеймса Бонда. Можно прокрасться в казарму охраны, украсть форму и смешаться с ними. Ну да, конечно. Будто никто ничего не заподозрит, если увидит затесавшегося среди остальных хилого восемнадцатилетнего подростка.

Может, действовать напрямую? Можно завтра утром первым делом заявиться к Эйвери и сказать, что я студент, пишущий статью о заповедниках для охоты на экзотических животных. Или нет. Даже если Эйвери настолько глуп, чтобы повестись на это, рядом может оказаться Уит, а уж он-то меня сразу узнает.

Тогда план номер 3. Я могу устроить пожар или включить сигнал тревоги. По крайней мере, это их отвлечёт на какое-то время. Правда, я так и не знаю, где Джуно и как далеко она продвинулась в своей спасательной миссии, поэтому своим сигналом тревоги могу переполошить охранников в самый неподходящий момент и помешать её планам.

Лучше всего пока ждать и наблюдать. И стоило мне только принять это решение, как на юге где-то вдаль появляется свет. Свет фар. Он приближается, я вижу, что едет огромный вездеход. Наверно, на таком Эйвери возит своих клиентов на охоту. Игрушка для богачей среднего возраста. На развилке машина сворачивает к помещью. Она въезжает на круговую подъездную дорожку перед особняком, и из кузова выпрыгивают два охранника.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Еще кто-то вылезает со стороны водительского места и направляется к дому. Сначала я

не могу распознать его — слишком далеко, но как только он ступает на освещённое крыльцо, я узнаю этот колючий ёжик тёмных волос. Это сам дьявол во плоти — Уит.

С пассажирского сидения тоже кто-то спрыгивает. И я сразу же понимаю, кто это — мне знакомы эта короткая стрижка и плавные движения. Сердце замирает. Они поймали Джуно.

Что ж, теперь уже поздно действовать хитростью или напрямую проникать в дом. И пока она у них, про план отвлечь их, пока она будет спасать клан, тоже можно забыть. Она с гордо поднятой головой поднимается по крыльцу и входит в парадную дверь. Она не связана, и не в наручниках, охранники не ведут её под прицелом. Так почему же она идёт туда добровольно, почему сдалась без боя?

Джуно заходит внутрь особняка и дверь за ней закрывается, двое охранников разворачиваются и идут к своей казарме за домом. Я вижу, как они присоединяются к группе игроков за карточным столом во дворе, снимают с плеч автоматы, ставят их рядом со столом и достают из холодильника пару бутылочек пива. Видимо, на сегодня их работа окончена.

Интересно, если охрана внутри особняка? А то снаружи никого не видно. Хотя может сейчас, когда Эйвери получил, что хотел, он не ожидает никаких сложностей. К тому же, у него на расстоянии вытянутой руки расположилась собственная армия.

Надо подобраться поближе и посмотреть, что творится внутри особняка. Понять, что именно планирует делать с Джуно Эйвери — он её запер, или она может бежать?

Я оглядываю свою одежду: джинсы, чёрная футболка и тёмно-синие теннисные туфли. Белая надпись и злая красная птичка — логотип «Аризона Кардиналс» на майке — отсвечивают в тусклом лунном свете, поэтому выворачиваю ее наизнанку и надеваю.

Теперь выделяется только моя кожа. Но к счастью, я смотрел много боевиков и знаю, как с этим справиться. Отползаю обратно в тень деревьев и набираю горсть земли. Затем выливаю на неё немного воды из бутылки и размешиваю, пока грязь не становится густой и однородной. А затем размазываю получившуюся субстанцию по рукам и лицу. Всё высыхает быстро — всего пара минут, и я покрыт коркой засохшей грязи.

Я заглядываю в чехол от палатки: может, там есть что-то тяжёлое, что лучше оставить здесь? Но если у меня получится добраться до Джуно, то нам понадобится вся вода и еда, какая у меня есть. Я оставляю всё в сумке и уже готов выйти из леса. Лучше будет вернуться чуть назад и спуститься по скрытой стороне холма, а не идти напрямик и стать легкой мишенью для скучающих охранников, залитых под завязку пивом.

Я успеваю сделать всего пару шагов глубже в лес, когда слышу звук, заставляющий кровь застыть в жилах. Из темноты справа от меня раздается низкое рычание. У меня волосы становятся дыбом, а сердце отчаянно колотится где-то в области горла. Это ещё что за чертовщина?

И вдруг я вспоминаю, что я на ранчо, которое предназначено для охоты на диких животных. До меня доходит, что тот шестиметровый забор вокруг поместья и казармы вовсе не преграда для проникнувших на территорию злоумышленников. Они там для того, чтобы держать животных подальше от людей. Точнее, чтобы удерживать животных на территории между изгородью и «жилой зоной»... На той территории, где я сейчас нахожусь.

Твою ж мать! Каких зверей упоминал тот мужик на заправке? Зебры, антилопы? Может, я и немного знаю о животных, но очень сомневаюсь, что кто-то из них может издавать такой зловещий горловой рык. Нет, это хищник.

Единственными хищниками, которых я когда-либо видел вне стен зоопарка, были

койоты, шатающиеся около Лос-Анджелеса. Людей предупреждали, чтобы они держали детей и собак рядом с собой, а на взрослых койоты обычно никогда не нападали. По крайней мере, если не лезешь к их детёнышам.

Но это животное не похоже на койота. Скорее кто-то из кошачьих... но, скорее всего, совсем не мягкий и пушистый.

И что мне делать? Замереть и стоять здесь? Или медленно отходить назад? А что, если я двинусь напрямик к его логову? Тогда он точно нападет. Уже в сотый раз за последний месяц я ругаю себя за то, что мало смотрел канал National Geographic.

Я собираю всё свое мужество в кулак и делаю шаг назад. Потом ещё два. И в небольшом пятне лунного света, пробившегося сквозь деревья, я замечаю коричневую лапу, аккуратно ступающую вперёд всего метрах в трёх от меня. За ней появляется голова размером с моё туловище. Бело-коричневая шерсть с чёрными полосками. О Господи, ко мне крадётся тигр! Этот сумасшедший миллиардер привёз в Нью-Мексико чёртового тигра! И следующим его блюдом буду я.

Я никак не успею достать из рюкзака арбалет, зарядить, натянуть тетиву и выстрелить. Я даже двинуться не могу — ноги словно приросли к земле.

Все происходит будто в замедленной съёмке: тигр вытягивает вперёд лапы и низко припадает к земле. Кончик его хвоста нервно подергивается туда-сюда. Точно так же вела себя мамина кошка, когда устраивала засаду на бурундуков.

Я открываю рот, пытаюсь закричать, но не могу издать ни звука. Ужас практически парализует меня, и я понимаю, что сейчас умру.

Я сжимаю зубы. И тигр атакует.

ГЛАВА 35

ДЖУНО

— Так, так, так. И кто же это у нас тут? — раздаётся раскатистый голос, когда я прохожу за Уитом в огромный холл. Свет от люстры, сделанной из оленьих рогов, отражается от паркета.

Ко мне подходит мужчина. Он на добрую голову выше любого из моего клана и носит желтовато-коричневую ковбойскую шляпу и сапоги в том же стиле. Он хлопает в ладоши и потирает их друг о друга, будто собирается съесть меня целиком. Он наклоняется ближе, чтобы рассмотреть звездочку в моем глазу, и, удовлетворённый увиденным, хватая мою руку и изо всех сил трясёт.

— А ты, значит, наша малышка Джуно. Меня зовут Рэндэлл Брэдфорд Эйвери Третий, но по очевидным причинам, — тут он обводит руками, обозначая, видимо, свой дом и всё остальное, — все зовут меня Охотник. Позволь признаться, я очень-очень долго ждал встречи с тобой. Ведь так, Уит?

В этом представлении всё настолько фальшиво, что я ничего не отвечаю, только хмурюсь ещё сильнее. Эйвери начинает смеяться, будто я удачно пошутила. Положив мне руку на плечо, он легонько подталкивает меня к двери.

— Почему бы нам всем просто не выпить по стаканчику и не познакомиться поближе?

Я даже не сопротивляюсь. Всё, что мне сейчас надо, это найти Барсука и вывести его отсюда. Если это значит, что нужно везде таскаться за этим идиотом, пока у меня не появится план, что ж, пусть так и будет.

Уит проходит следом за мной и Эйвери через двойные двери и закрывает их за нами. Я вхожу в комнату, где легко можно поместить десяток юрт моего клана. Пол сплошь устелен коврами, а вдоль стен стоят в основном пустые книжные полки, на которых сверху красуются головы убитых животных. Представители практически каждого вида животных, которого только можно представить, смотрят со стены стеклянными глазами.

Я инстинктивно оборачиваюсь на Уита, и замечаю, как он кривится. Эта демонстрация жестокости нравится ему не больше, чем мне.

— Добро пожаловать в мою комнату трофеев! — провозглашает мистер Эйвери, нежно поглаживая подбородок огромного кабана, затем идет к отделанному медью бару, стоящему в углу. Он открывает дверцу и продолжает разговор, разглядывая ряды бутылок и бокалов.

— Я сделал свои деньги на нефти. А это охотничье ранчо — лишь одно из моих маленьких хобби, — Эйвери оглядывается на меня и подмигивает.

Хоть он и старается вести себя непринуждённо, по его движениям и манере разговора я могу сказать, что ему неуютно. Он пытается меня оценить и не может понять, чего от меня можно ожидать. А на большой охоте, не зная, что собой представляет добыча, охотник становится уязвимым.

Он бросает в стакан несколько кубиков льда и наливает в него из хрустального графина жидкость цвета карамели.

— Это тебе, Уит, — произносит он и протягивает Уиту стакан.

Когда он вытягивает руку, я замечаю, как ударяются друг о друга кубики льда, а напиток чуть колышется в стакане. Рука Эйвери дрожит. Я заглядываю ему в лицо — оно ничего не

выражает. Он не нервничает и не расстроен. Тогда почему его трясёт? Второй рукой он держится за край барной стойки, не позволяя ей дрожать.

Эйвери переводит взгляд на меня и с притворной тревогой качает головой.

— И где же это мои манеры? Сначала следовало обслужить леди. Хотя я сомневаюсь, что ты будешь виски, Джуно. Это понятно с первого взгляда.

Он возвращается к бару и проводит рукой над рядом бутылок. Когда она замирает над одним из напитков, я замечаю, что его пальцы снова дрожат.

— У меня есть весь алкоголь, известный человечеству, — произносит он. — Но если ты не пьёшь, могу предложить хороший охлаждённый тоник с лаймом.

— Тогда я буду хороший охлаждённый тоник с лаймом, — отвечаю я, и как только у него на лице проступает облегчение, продолжаю:

— ...после того, как вы угостите им всех в моём клане.

Мой голос спокоен, а лицо по-прежнему ничего не выражает.

Эйвери снимает шляпу, кладет её на стойку бара и проводит рукой по редущим волосам.

— Значит, у нас тут появился мститель, — произносит он, и улыбка на его губах становится такой же холодной, как змеиная кожа у него на сапогах.

— Если ты не расположена к дружеской беседе, можем перейти сразу к делу. Не хочу тратить твоё время.

Он наливает себе виски и ведёт нас через завешенную чучелами «скотобойню» к двери в дальнем конце комнаты.

Мы идем в полной тишине, и только стук льда о стенки стаканов сопровождает нас. Уит ещё ни слова не сказал с тех пор, как забрал меня из хижины, и я этому очень рада. Если я с ним сцеплюсь, то точно знаю, что остановиться не смогу, ведь меня просто переполняет желание ударить его посильнее, так, чтобы что-нибудь ему сломать.

Пройдя через комнату трофеев, мы попадаем в просторный холл, и там Эйвери останавливается перед очередной дверью. На стене рядом с ней висит прямоугольная коробочка с пронумерованными кнопками. Эйвери перекладывает стакан в другую руку, нажимает какие-то кнопки и прикладывает к панели ладонь. После этого он оборачивается ко мне и всё с той же фальшивой радостью произносит:

— Даже у этих умников из НАСА нет подобных технологий.

Совершенно не понимаю, о чём он говорит, но продолжаю сохранять невозмутимое выражение лица, и когда дверь открывается, я прохожу внутрь.

Мы оказываемся в ослепительно белой комнате. Здесь белое практически все: пол, стены, даже оборудование. От стены до стены стоит аппаратура, а огромный электронный ящик в дальнем углу издает глухое жужжание.

— Добро пожаловать на Северный полюс! — провозглашает Эйвери, взмахнув свободной рукой. — Не ошибусь, если предположу, что ты никогда прежде такого не видела, учитывая то, как ты жила.

Он останавливается и подмигивает Уиту, но тот игнорирует Эйвери, продолжая расхаживать вдоль механизмов и рассматривать их, будто никогда прежде их не видел, в чём я сильно сомневаюсь.

— Это моя лаборатория крионики. Я, как твои родители и присутствующий здесь мистер Грейвз, очень заинтересован в сохранении исчезающих видов. Но больше других меня интересует один-единственный экземпляр — и это я сам! — он снова смеется, и я

понимаю, что он не притворяется: он действительно думает, что сказал что-то забавное.

Он замечает мой пустой взгляд и недовольно хмыкает:

— Пожалуйста. Можете осмотреться.

Я остаюсь стоять на месте, скрещиваю руки на груди.

Эйвери делает глоток виски и ставит запотевший стакан на стерильную белую стойку. Он поворачивается ко мне, и хотя на губах его по-прежнему улыбка, в глазах застыли льдинки.

— Мисс Ньюхейвен, где-то в этом здании сидит маленький мальчик и плачет, потому что сильно хочет к своей маме. И в его, и в ваших интересах — так же как и в интересах всего вашего клана — чтобы вы были посговорчивее относительно любых моих предложений.

— Если с головы Барсука упадет хоть один волосок..., — рычу я, но Эйвери меня перебивает:

— У мальчика есть всё, что только может пожелать ребёнок его возраста: тёплая одежда, еда, игрушки и целые горы DVD-дисков. И он, конечно же, вернётся к маме, как только я получу от тебя то, что хочу. Так что? Ты готова к сотрудничеству?

Я не обращаю внимания на его слова и оборачиваюсь к Уиту.

— Как ты мог так поступить с Барсуком? — еле сдерживая ярость, спрашиваю я.

Мой бывший наставник вздергивает подбородок и отвечает:

— Я ничего не сделал Барсуку.

— Да, это была моя идея, маленькая леди, — вставляет свое слово Эйвери, — как и та, что весь твой клан надо привезти на наше любимое ранчо. Уит не слишком горел желанием заключать со мной сделку, поэтому пришлось сделать ее попривлекательнее. Нам не хватало только тебя, ведь тогда я ещё не знал, как ты важна. Но раз мы, наконец, все здесь собрались, давайте уже перейдём к делу.

— Как я уже просил, пожалуйста, осмотришься.

Эйвери кладет руку мне на плечо и ведет вглубь комнаты. Посреди помещения на большом постаменте располагается какая-то гигантская прозрачная труба с белой кожаной кроватью внутри.

— Это отсек для полного крионического сохранения тела. Я его называю своей «страховкой жизни». Стоит мне умереть, и мое тело подвергнут глубокой заморозке.

Он еще сильнее сжимает моё плечо и подводит к другой кровати. Эта с металлическим каркасом, застелена постельным бельём — на такой же точно кровати я видела Уита, когда он лежал в больнице. Вокруг кровати стоят какие-то сложные аппараты.

— А здесь — всякие причудливые штуковины, которые понадобятся докторам, чтобы мои замороженные органы могли функционировать и после смерти.

Тут Эйвери оборачивается ко мне с широченной улыбкой.

— Но, похоже, мне это больше не понадобится. И всё благодаря тебе и мистеру Грейвзу.

Стоп, что?! Я поворачиваюсь к Уиту с широко распахнутыми от удивления глазами, но тот делает вид, что меня не замечает. Так вот в чём дело. Эйвери не шутил: он лично заинтересован в эликсире. Следовало догадаться.

Прежде чем я успеваю всё осмыслить, Эйвери увлекает меня в дальний угол комнаты, где на столе стоит серебристая металлическая коробка размером с будку для моих собак.

— Это тебе понравится, ты ведь близка к природе, — произносит он.

Уит наконец начинает говорить.

— Прошу прощения, что перебиваю, но не думаю, что эта демонстрация поможет вам уговорить Джуно, — и он с беспокойством смотрит на коробку.

Эйвери щурится, глядя на меня, и в глазах снова появляются льдинки, а на губах играет насмешливая улыбка.

— А мисс Ньюхейвен и не надо уговаривать. На данный момент мы играем за одну команду. Команду маленького Барсука, ведь так, Джуно?

Я ничего не отвечаю, и Эйвери, приняв мое молчание за согласие, открывает переднюю дверцу металлической коробки. Раздается шипение и из нее вырывается облачко дыма.

— Конечно, прежде, чем была усовершенствована криоконсервация всего организма, лучшим способом была нейроконсервация^[16], — продолжает рассказывать он.

Внутри коробки друг рядом с другом стоят три белых контейнера размером с десятилитровое ведро, наполненные доверху льдом. Как только тёплый воздух помещения попадает на них, сразу начинает клубиться пар. Эйвери берет лежащую на контейнере тряпку и протирает боковую поверхность. Я вижу, что внутри, во льду лежит что-то большое и тёмное.

— Познакомься с Дейзи, лучшего друга человеку и желать было нельзя, — нежно произносит он.

И тогда я замечаю шерсть и длинную морду, и ровную линию в том месте, где голова была отделена от тела.

Эйвери печально качает головой.

— У меня никогда не было такой отличной охотничьей собаки, как эта старушка. Надеюсь однажды вернуть её к жизни. Её и все её семейство, — он кивает на две другие ёмкости. — Ну что, разве не благородный поступок я предлагаю тебе совершить?

На меня глядят замёрзшие глаза Дейзи, и что-то внутри ломается. Я выворачиваюсь из хватки Эйвери и успеваю пробежать половину расстояния до двери, прежде чем падаю на колени, и все содержимое моего желудка оказывается на белом стерильном полу.

ГЛАВА 36

МАЙЛС

Я жду, что вот-вот буду сбит с ног, и дикий хищник разорвет меня на куски. Вместо этого темноту пронзает крик и меня оглушает хлопанье крыльев. Наконец, я снова могу двигаться, ныряю в кусты и изо всех ног бегу через лес, пока не оказываюсь на крутом склоне холма, съезжаю по нему, сидя, вниз.

В поисках безопасного места я добегаю до середины дороги, словно это нейтральная земля и тут меня никто не может подстрелить. Словно огромного тигра-людоеда может остановить асфальт. Но со стороны холма я не вижу движения, и я стою тут почти целую вечность, пока не замечаю, что ко мне несётся тёмный силуэт. На этот раз я его узнаю и, вздохнув от облегчения, спрыгиваю в канаву сбоку от дороги.

— По! — восклицаю я, и ворон приземляется на землю рядом с моей рукой.

Он пушит перья и приветственно каркает.

— Чувак, ты только что спас мне жизнь! — я хочу погладить По, но он отскакивает назад, чтобы я не мог до него дотянуться.

— А сейчас я с тобой разговариваю, — произношу я, — но это ничего, ведь никто не услышит.

И я улыбаюсь, как какой-то псих.

— И как, чёрт возьми, ты меня здесь нашёл? — спрашиваю я. Знаю, что он привязан к Джуно, но зачем ему было прилетать ко мне?

По смотрит на меня, будто оценивая, и делает шаг вперёд. Я тоже тянусь вперёд и беру его на руки, сажаю на колени и развязываю мешочек на его груди. Внутри записка. Я разворачиваю её и вижу большие округлые буквы.

«Приручённая тобой птичка сводит меня с ума. Не хочет оставаться со мной. Пришли ее обратно с инструкциями, если мне надо будет что-то сделать.»

P.S. Я попыталась Прочесть огонь, но не смогла ничего понять. Или я не настолько близка к природе (ага, как же), или твоя Йара более восприимчива к тому, кто её читает, чем ты думала».

Я складываю записку и засовываю её в карман. Другими словами, Талли выяснила то же, что и я недавно: Амрит — ключ к установлению связи с Йарой.

Но это всё еще не ответ на вопрос: почему По прилетел ко мне, а не к Джуно. Может, у меня получится Прочесть его воспоминания так, как это делала она?

Я осторожно беру ворона обеими руками и, когда поднимаю его на уровень своей груди, чувствую, как колотится его сердце под моими пальцами. Я закрываю глаза, начинается уже привычное покалывание, исходящее от Йары... И вдруг я понимаю, что поднимаюсь в воздух, над городом в пустыне. Посмотрев вниз, я замечаю женщину с копной пламенно-рыжих волос. Я узнаю Талли, а значит городок — Розуэлл. Мы с По летим над пустыней и наконец начинаем кругами снижаться над долиной, которую пересекает река. Вдалеке течет ещё одна река.

В долине горят костры, и когда мы пикируем вниз, в нос нам ударяет запах дыма, ветер пушит перья, и мы начинаем приземляться. Мы как раз подлетаем к хижинам, когда среди них появляется огромная машина со слепящими фарами и останавливается перед одной из лачуг. В дверях стоит Джуно, и, когда мы ее замечаем, сердце начинает колотиться быстрее.

Она и есть наша цель. Ради неё мы летели сюда.

Но она садится в грузовик и уезжает, а мы снова поднимаемся в воздух, следуя за ним. Когда мы приближаемся к белому поместью, то видим, как Джуно входит внутрь за Уитом. Мы не можем лететь за ней. Мы хотим ударить клювом по ближайшему окну, но тут что-то привлекает наше внимание. Это какое-то свечение, как тепло в груди, и идет оно с вершины холма недалеко отсюда. Мы летим туда, и среди деревьев замечаем Майлса... то есть, меня... стоящего в паре метров от тигра. Тигр начинает атаковать, и мы кидаемся вниз, хлопая крыльями, отвлекая хищника и позволяя Майлсу скрыться.

Тигр замахивается лапой, но мы слишком быстрые, и взлетаем на верхнюю ветку дерева. Тигр принохивается и рычит от разочарования, потом разворачивается и трусит назад к логову, где его дожидаются двое детёнышей. Мы летим за Майлсом и находим его здесь, сидящим около дороги. И тут уже я выныриваю из видения и вновь становлюсь собой. Покалывание в руках постепенно исчезает, а я сижу, держу в руках ворона и чувствую себя восхитительно... *Я летал!* Я, Майлс Блэквелл, был в воздухе и парил над землёй!

Я подпрыгиваю и издаю ликующий возглас. По отлетает чуть в сторону, но потом возвращается и смотрит на меня так, словно я самое захватывающее в его жизни зрелище.

— Знаю. Я изменился. Я теперь такой же, как Джуно и её люди. Одарённый Йарой, бессмертный и всё такое, — объясняю я.

Я забрасываю сумку за плечо и прищелкиваю пальцами, как обычно это делает Джуно, когда хочет, чтобы По летел за ней. Ворон взлетает вверх и приземляется мне на плечо, цепляется когтями за рубашку, чтобы удержать равновесие.

Мы направляемся к поместью, и я говорю По:

— Так ты прилетел сюда только потому, что я твой запасной аэродром? Ладно. Никаких обид. Пойдём, найдём твою основную цель.

ГЛАВА 37

ДЖУНО

Эйвери поднимает трубку телефона.

— Глория, у нас тут беспорядок в криокомнате, надо убрать, — говорит он, и, получив ответ, начинает орать:

— Во имя всего святого! Оставь ты ребёнка хоть на пятнадцать минут! Ничего с ним не случится, если ты не будешь следить за ним двадцать четыре часа в сутки. И когда будешь спускаться, скажи О'Доннеллу и Нарселу, чтобы подошли ко мне.

Он кладет трубку и вытаскивает из выдвижного ящика белое полотенце, нахмурившись, протягивает его мне.

— Приведите себя в порядок, мисс Ньюхейвен. У нас еще много работы.

Раздается стук в дверь, и входит мужчина в голубых джинсах и клетчатой хлопчатобумажной рубашке.

— А вот и доктор Кэнфилд! — восклицает Эйвери, подходя к мужчине и пожимая ему руку. — Спасибо, что приехали так быстро.

После этих слов Эйвери поворачивается ко мне.

— Мой доверенный медицинский консультант бросил все дела в Розуэлле и выехал сюда, как только мы узнали, что ты перебралась через ограду. Видишь, как ты для нас важна?

Доктор слегка кланяется, берет с вешалки на стене белый халат и надевает его поверх одежды.

— А теперь позвольте представить. Это доктор Уиттиер Грейвз, — произносит Эйвери, обхватив Уита за плечи, словно тот его собственность. *А собственно, так оно и было.* — Грейвз участвовал в изобретении препарата, о котором я вам рассказывал. Хотя он и не доктор медицинских наук, ведь так, Грейвз?

— Доктор философии, — отвечает Уит.

— Это он давал препарат членам своего сообщества. А это мисс Джуно Ньюхейвен, и её содействие нам абсолютно необходимо.

Открывается дверь, и входит женщина средних лет в белой форменной одежде с рулоном бумажных полотенец и пульверизатором. Убирая мою рвоту с пола, она поднимает глаза и смотрит прямо на меня. Потом она уходит, так же быстро, как и появилась. Всё это время Эйвери не перестает говорить, будто женщины здесь никогда и не было.

— Итак, друзья, в данный момент, — он бросает взгляд на часы на стене, — в 22.30, четверг, девятого мая, все, присутствующие в этой комнате заключают соглашение. Я бы мог сказать, что все вполне законно, но это не мой стиль работы. Я предпочитаю подстраивать обстоятельства под себя. Так что позвольте мне разъяснить всё предельно ясно, чтобы каждый в этой комнате понимал, на что соглашается.

Вот препарат, с которым ко мне обратился мистер Грейвз в надежде получить некую сумму денег, которую я сейчас раскрывать не буду.

Эйвери открывает ящик и вынимает лоток с пластиковыми коробочками и пробирками. Я сразу узнаю: это ингредиенты для изготовления Амрита.

Эйвери продолжает.

— После того, как у меня появился конкурент, и мы заключили с мистером Грейвзом

альтернативную сделку, выяснилось, что не хватает одного жизненно важного компонента — крови этой молодой особы, которая будет присутствовать здесь лично, пока мы не сможем найти реально работающую альтернативу этой составляющей.

Эйвери замолкает и бросает на меня недовольный взгляд, прежде чем продолжить.

— Я готов заплатить указанную сумму, потому что точно знаю — эликсир работает. И у меня есть доказательства, что этот мужчина действительно тот, за кого себя выдает. Он выглядит точно так же, как выглядел в шестидесятые годы, когда я впервые встретил его. А тщательное медицинское обследование лишь подтвердило, что последние тридцать лет он не старел. Доктор Кэнфилд лично проверил образцы крови всех членов клана Мистера Грейвза и определил, что они устойчивы ко всем тестируемым заболеваниям.

Доктор согласно кивает.

— И поскольку я очень люблю древнее изречение «Доверяй — но проверяй», я хочу испробовать этот препарат на себе. И поступим мы следующим образом: мистер Грейвз и мисс Ньюхейвен проведут процедуру под наблюдением доктора Кэнфилда.

Моё лицо каменеет, когда я понимаю, что тут сейчас произойдёт. Я смотрю на Уита, но одного взгляда на его безразличное лицо хватает, чтобы понять — он уже в курсе этих договорённостей.

— Доктор, мы с вами пришли к соглашению, что если препарат сработает, или даже не сработает, но вам удастся меня оживить, вы получите миллион долларов. Если не получится — вы просто потеряете один день из своего насыщенного рабочего графика. Вас устраивают такие условия?

— Да, устраивают, — отвечает мужчина, поправляя очки.

— Отлично, отлично, — проговаривает Эйвери. И поворачивается к Уиту.

— Тогда позвольте мне повторить в присутствии доктора Кэнфилда, что мгновенный эффект от принятия препарата очень серьезный и напоминает отравление. У меня не будет дыхания и сердцебиения восемь часов...

— В среднем. Самый большой промежуток времени, с которым нам приходилось сталкиваться — девять часов, — поправляет Уит.

— Хорошо. Итак, если по истечении девяти часов дыхание восстановится, станет понятно, что я очнусь, но буду парализован ещё четыре дня. С этого момента также становится понятно, что я восстановлю свою дееспособность, и все тесты на заболевания будут отрицательными. В таком случае мистер Грейвз получает всю требуемую сумму денег. Мальчик возвращается к матери, а всё ваше сообщество становится свободным. И более того, я окажу полное содействие в сопровождении их туда, куда они пожелают.

Эйвери разглядывает остатки виски, вертит стакан в руке и залпом допивает напиток.

— Но если я не приду в сознание спустя девять часов, и мистер Кэнфилд не сможет меня реанимировать, на этот счет моя охрана получила инструкции, что делать с вами, — он смотрит на меня такими глазами, что от его взгляда внутри все леденеет, — и с вами, — тут он переводит взгляд на Уита, — и с мальчиком. Не думаю, что нужно вдаваться в подробности. Просто упомяну, что ваша община будет вольна уйти из моего лагеря... Если сможет.

— Минутку, — произносит Уит, он потрясен так же, как и я, — об этой последней части вы ни разу не упоминали!

— А мне и не надо было, — отвечает Эйвери, — ведь я уверен, вы сделаете всё, чтобы вся эта чертовщина сработала. А зачем тогда думать о каких-то неприятных последствиях.

— А как насчёт нашего другого соглашения?

— Это какого?

— Вы обещали, что за каждую дозу сыворотки, продаваемую на рынке, вы будете отправлять одну дозу бесплатно неимущим в развивающиеся страны.

— Это мы обсудим позже. Возможно, я вообще не захочу продавать этот препарат. Как я всегда и говорил, основная цель здесь — моё долголетие. Если препарат на мне сработает, тогда, может быть, я и подумаю о возможности его дальнейшего распространения.

— Но..., — начинает Уит.

Но Эйвери проходит мимо него и открывает дверь.

— Пожалуйста, входите, — произносит он, и в комнату входят двое охранников. — Поскольку я рассчитываю, что доктор Кэнфилд будет неустанно находиться здесь, чтобы наблюдать за моими жизненными показателями, пока я буду «мёртв», — тут он пытается изобразить пальцами кавычки, — я попросил пару своих людей сопровождать вас везде лично, куда бы вы ни пошли. В пределах моего дома, естественно. Еду можете взять на кухне. Каждому из вас выделена личная комната, где вы можете отдохнуть, если устанете. *Mi casa su casa*^[17]: вы мои почётные гости. Как вам идея?

Не дожидаясь ответа, он хлопает в ладоши и словно в предвкушении потирает друг о друга руки.

— Чудесно, чудесно. Молодые люди, пожалуйста, присаживайтесь. А я, с вашего позволения, пока переоденусь.

Он идет в дальний конец комнаты и прячется за ширму. Охранники пододвигают стулья и садятся, положив оружие на колени. Уит проходит мимо меня, достает пестик и ступку и начинает толочь травы и минералы. Как же мне хочется запрыгнуть на него, съездить пару раз кулаком, встряхнуть его, чтобы вернулся тот прежний Уит, которого я всегда знала... А не этот холодный, бесчувственный монстр.

Я бросаю взгляд на охранников и замечаю, что один из них пристально смотрит на меня. Он кажется мне знакомым. Наши взгляды встречаются, и он стягивает край куртки, показывая перевязанное плечо. У меня перехватывает дыхание. Это его я подстрелила в Солт-Лейк-Сити.

Эйвери выходит из-за ширмы в одежде из вискозы: голубые штаны и рубашка с коротким рукавом. Он замечает наши переглядывания с охранником.

— Ах, да! Вижу, ты узнала мистера О'Доннелла, Джуно. Я решил, что раз вы уже знакомы, я попрошу его быть твоим личным сопровождающим.

О'Доннелл кривит губы в жёсткой усмешке. Но Уит прерывает этот «волнительный» момент, он зовет меня по имени. Я подхожу — что ему еще нужно.

— Время пришло, Джуно. Помни, что делаешь это ради клана.

Уит замолкает и впервые за весь день заглядывает мне в глаза.

— Дай мне руку, — просит он, доставая скальпель.

ГЛАВА 38

МАЙЛС

Я иду посередине дороги, ночь такая тёмная, что будет чудом, если меня никто не собьёт. Но так у меня хотя бы будет шанс заметить опасного хищника, прежде чем он на меня нападёт. Пока мы идем, По сжимает моё левое плечо, его когти сильно впиваются в кожу, что лишь добавляют мне бдительности.

Нам требуется минут двадцать, чтобы дойти до ограды, и ещё минут пятнадцать, чтобы пройти вдоль неё и понять, что к ней тоже подведён ток. В той части забора, что пересекается с дорогой, находятся ворота, и где-то в метре от них стоит столб с домофоном.

Я схожу с дороги, пытаюсь разглядеть, есть ли рядом с изгородью деревья, на которые я мог бы забраться (а их, похоже, и не было), как дорога освещается фарами. По срывается с плеча, я быстро ныряю в ближайшие заросли и прячусь. Машина подъезжает к домофону. Стекло у водительского сидения опускается, и рука нажимает на кнопку.

— Да? — раздаётся металлический голос.

— Это доктор Кэнфилд, — отвечает водитель, и ворота медленно открываются. «Вот он, мой шанс», — решаю я и бросаюсь к воротам, а, оказавшись у створки, пригибаюсь как можно ниже. Машина дожидается, пока ворота откроются полностью, и когда она начинает проезжать через них, я медленно иду на корточках рядом с её бампером. Не разгибаясь, прохожу мимо ворот и сразу же бросаюсь к деревьям справа от дороги. Я прячусь там, мне видно, как машина подъезжает к гаражу. Водитель выходит из машины и забегает в дом, даже не постучавшись. Этот доктор явно бывал здесь и раньше.

Оцениваю расстояние до особняка и поправляю арбалет. С тех пор, как я лицом к лицу столкнулся с тигром, я ношу свое оружие за спиной. Теперь если кто-то на меня нападёт, я буду готов. Правда, я сомневаюсь, что действительно смогу выстрелить в человека, если дело до этого дойдёт. Я вспоминаю, как Джуно стреляла в плечо тому охраннику в Солт-Лейк-Сити, и решаю, что, наверно, смогу выстрелить в человека, если не нужно его убивать. Хотя, пока на меня никто не напал, и я не вполне уверен, что у меня получится.

За всю свою жизнь я дрался лишь однажды: когда я учился еще в начальной школе, увидел, как какой-то хулиган бьёт моего друга. Я вспомнил то чувство ярости — тот слепящий огонь, накрывший меня с головой от чувства несправедливости из-за того, что ребёнок постарше бьёт малыша. Если бы то чувство нахлынуло снова, я бы точно смог кого-нибудь застрелить. Эти люди держат в плену клан Джуно, и мой арбалет против их винтовок — как рогатка. В данном случае скорее они «дети постарше», а я — малыш. А значит, пока мой основной способ защиты — действия из укрытия.

Перед крыльцом поместья загорается свет. Это включилась подсветка огромного, размером с домашний бассейн, фонтана, в центре которого стоит скульптура, изображающая двух дерущихся оленей. Фонтан огибает кольцевая дорожка. Я пробираюсь к фонтану, перебегая от одного дерева к другому, пока между мной и им не остается пара метров одной лишь травы.

Последний отрезок я бегу, не сгибаясь, бегу, так быстро, будто от этого зависит моя жизнь, хотя, по сути, так оно и есть. Я почти уже добежал до фонтана, как замечаю, что со стороны казармы к особняку подходят двое охранников. Я бросаюсь на землю и последний метр ползу по-пластунски, потом, скрючившись, сижу за внешним бортиком фонтана, тот

как раз достаточно высок, чтобы скрыть меня. Я замираю. А что, если они меня видели? Но тут я слышу звук захлопывающейся входной двери. Выждав ещё пару секунд, я выглядываю и вижу, что горизонт чист. Я вскакиваю на ноги и пробегаю оставшееся расстояние до моего места назначения — густой живой изгороди, тянущейся вдоль крыльца. Между ней и крыльцом как раз достаточно места, чтобы я мог втиснуться туда и лечь на землю.

Моё сердце готово выскочить из груди. Впервые я всерьёз засомневался в своей затее по спасению Джуно. А если те парни все же заметили меня, скорчившегося за фонтаном? Сейчас вот выйдут и запросто нафаршируют меня пулями. И — *бам!* — я буду мёртв. Столько дней я мучился, размышляя о своем бессмертии, а тут вдруг пожалел, что после Обряда у меня не появилась пуленепробиваемая кожа.

Ночью довольно тепло, но меня трясет от этой, уже второй по счету, встречи со смертью за одну только ночь. В конце концов, кем я себя возомнил, раз решил, что могу справиться с частной армией?

«Стоп!» — говорю я себе. Если я и дальше буду так думать, то скоро свихнусь. И так, что у меня есть с собой?

С чем придётся работать? Арбалет, карта, фонарик и зажигалка. А да, и ещё полотенце. Да у меня куча всего с собой!

Что ещё? Тут я слышу хлопанье крыльев, и прямо надо мной на перила крыльца приземляется По. Устраивается на краю и смотрит на меня так, словно говорит: «Какого чёрта ты делаешь там внизу?»

Ладно... Ещё у меня есть ворон. И — конечно, как я мог забыть — во мне есть магия. С которой я понятия не имею, что делать. Кроме как читать чувства одной определённой девушки, видеть картинки в пламени и читать мысли птицы.

Я закрываю глаза и стараюсь выкинуть все мысли из головы... вытеснить всю панику. Что хорошего в том, чтобы уметь общаться с природой, если я даже не могу передать сообщение Джуно? Надо что-то делать с этой Геей или кто там определяет все эти правила общения с Йарой.

Проходит время, и я успокаиваюсь, чувствую, как веточки впиваются мне в спину, ощущаю запах хвои от куста надо мной, слышу грубый злой смех со стороны казармы. Мои глаза приспособляются к темноте, и я, наконец, осторожно приподнимаю голову, чтобы осмотреться.

С этой стороны дома много окон, и в большинстве из них горит свет. Снаружи, за исключением фонаря на крыльце, источников света нет, поэтому я вполне могу наблюдать за людьми внутри незамеченным, если не буду подходить слишком близко. Но этот чёртов фонарь над крыльцом рушит все мои планы.

И тут я вспоминаю трюк Джуно с «поджариванием» электроники. Она рассказывала, что просто представляла себе маленький костерок, чтобы вывести мой телефон из строя. А ещё она представляла, как вода затапливает свечи зажигания в моей машине. Думаю, лампочки вполне подходят под категорию «легко воспламеняемых». Так что стоит попытаться.

Я смотрю на лампочку, хорошо видимую через стеклянный плафон. Я сосредотачиваюсь на нитях накаливания, тонких и слабых, как обычные нитки. Замедляю дыхание, ощущаю покалывание энергии Йары и представляю маленькие разгорающиеся искры под ними. Нити загораются, воспламеняются, разрушая электричество. Я полностью сосредоточен, и в какой-то момент лампочка с громким хлопком взрывается, и свет гаснет.

О-фи-геть!

Не могу поверить, что только что просто взорвал лампочку силой мысли. Может показаться смешным, но я вдруг чувствую себя всемогущим. Да я мог бы стать одним из Людей Икс! Каким-нибудь Сверхъестественным Парнем. Или Мстителем Йары.

И вдруг я замираю. До меня доходит, что я только что сделал. Да, раньше я Читал эмоции Джуно, Прочёл в костре, как выглядит ранчо, заглянул в мысли По. Но то, что я сейчас сделал, не походило ни под одно определение Чтения. Я только что создал Заклинание. Я «взаимодействовал с природой», как описывала это Джуно. А ведь она говорила, что только она, её мать и Уит могли так делать.

«О Господи, я могу создавать Заклинания», — изумлённо думаю я. А значит, в моём распоряжении целый арсенал оружия. Вот знать бы ещё какого... Нужно вспомнить, какие Заклинания создавала Джуно? «Поджарила» телефон, левитировала камни, делала нас невидимыми, ещё объясняла По, что ему нужно сделать... Что ещё? Не могу вспомнить. Я дрожу от возбуждения, от страха, от благоговения, и не знаю — это покалывание из-за Йары или из-за осознания того факта, что законы природы больше на меня не распространяются.

Так, сейчас не время раздумывать над этим. Джуно в доме уже около часа, и надо понять: моя попытка отвлечь внимание ей поможет или навредит? Пришло время выяснить, что там внутри делает Эйвери.

Я вскакиваю на теперь уже тёмное крыльцо и перехожу к следующему этапу моего пока ещё не продуманного плана — этапу наблюдения.

ГЛАВА 39

ДЖУНО

— Какая мерзкая субстанция, — произносит Эйвери, глядя на ложку эликсира для Обряда... это Амрит.

— Но, чёрт возьми, я же пробовал кусочек каждого дикого животного, когда-либо убитого человеком. Не думаю, что кровь девчонки, смешанная с камнями и травами, сможет меня убить. По крайней мере, не навсегда, — и он тихонько смеется над собственной шуткой.

Уит подает ему стакан воды, и Эйвери поднимает его, будто готовится произнести тост.

— Что ж, поехали! — провозглашает он. — Пью до дна!

Он засовывает ложку с эликсиром в рот, облизывает всё до последней капли и быстро запивает водой. Я вижу, как двигается его кадык в такт глоткам. Он осушает весь стакан и протягивает его Уиту, чтобы тот снова наполнил его.

— Она действительно очень мерзкая, — произносит он, вытирая рот рукой и морщась, словно только что откусил кусок кислого яблока. — И вы заставляете всех членов клана такое глотать?

— Всех, кто старше двадцати, — подтверждает Уит.

— Отлично, за тебя, — и Эйвери выпивает второй стакан воды. Он протягивает его Уиту, а сам ложится на кровать, доктор начинает возиться с разными устройствами, подсоединяя их к миллиардеру. На грудь, голову, руки и ноги накладываются серебристые датчики, а на предплечье надевают чёрную манжетку. Всё это доктор подключает к аппарату, который пищит и рисует волнистые линии. Полагаю, он измеряет давление, частоту сердечных сокращений и другие жизненные показатели Эйвери.

— Вам что-нибудь дать от боли и рвоты? — уточняет доктор.

Эйвери поворачивается к Уиту и спрашивает:

— Ваши люди что-то принимали?

Уит отрицательно качает головой.

— Тогда нет, — отвечает владелец ранчо. — Хочу, чтобы условия были такими же, как и у вас. Не хочу рисковать, ведь даже самая незначительная деталь может помешать всему процессу.

В этот момент Уит не может удержаться и смотрит на меня.

— Но сейчас *не все* условия такие же, — замечаю я.

— И что отличается? — уточняет Эйвери, вытянув шею, чтобы ему лучше было меня видно.

Я молчу и не свожу глаз с Уита, но его лицо ничего не выражает.

— Обычно мы окружаем голову проходящего Обряд свечами, а вокруг тела раскладываем минералы, травы и красивые камни. Мы поём, а дети танцуют, — произношу я. — Мы читаем молитвы и произносим священные слова.

— Ну, я тоже знаю одно священное слово — «дерьмо». Именно это весь твой клан проглатывал раз за разом на протяжении тридцати лет вместе с бесценным эликсиром. Уит рассказал мне всё. Весь ваш клан был подопытными кроликами, и, как и в любой религии, старейшина успокаивал вас ложью и всякой духовной чушью.

Я оглядываюсь на Уита, он потирает пальцами лоб. Мне снова захотелось со всей силы

врезать ему, но, сделав это, я бы доставила Эйвери удовольствие, он понял бы, как мне больно это слышать. Поэтому стараюсь вернуть лицу непроницаемое выражение и иду к выходу.

— И куда это ты собралась? — хмыкает приставленный ко мне охранник О'Доннелл.

— Моя работа на этом завершена. А твой босс, кажется, говорил что-то о еде.

— Никто не уйдёт отсюда, пока я не разрешу! — практически визжит Эйвери, и подключённый к нему прибор начинает пищать. Доктор просит его успокоиться.

Мне надо уйти отсюда. Я не могу оставаться рядом с Уитом, потому что могу сорваться и наброситься на него. Краем глаза я замечаю скальпель, которым Уит резал мою ладонь. Он по-прежнему лежит на стойке, где тот его оставил. Поскольку арбалет и нож я оставила в хижине отца, теперь любую вещь я рассматриваю, как потенциальное оружие — серебряные щипцы, которыми Эйвери раскладывал лёд, металлическую кочергу, стоящую у декоративного камина в трофейной комнате — в общем, всё острое, тяжёлое или потенциально смертоносное просто притягивало моё внимание.

То, что сейчас я была безоружна, напоминало мне незащитность, которую я ощущала в кошмарах в момент внезапного нападения разбойников. Но в тех снах я брала ближайшее оружие и с его помощью побеждала. А сейчас у меня такой возможности не было. Эйвери удерживает заложника, и я не посмею ничего сделать, пока не удостоверюсь, что Барсук благополучно вернулся к семье.

Но это не значит, что скальпель не может пригодиться позже. Я облокачиваюсь на стойку прямо рядом с лежащим скальпелем и медленно протягиваю руку в его сторону. Сама поглядываю на охранников. О'Доннелл ухмыляется и не спускает с меня глаз.

И тут Эйвери начинает орать, охранники подскакивают, глядя на него. Я хватаю скальпель, втягиваю лезвие и засовываю его в задний карман джинсов. К тому времени, как О'Доннелл снова смотрит на меня, дело уже сделано, и я направляюсь к кровати Эйвери. Он держится за живот и громко матерится, используя такие словосочетания, о существовании которых я даже и не подозревала.

— Боль в животе — типичная реакция на препарат, — уверяет его Уит. Писк и волнистые линии на мониторе сходят с ума. Мой прежний наставник вопросительно глядит на меня, но я отрицательно качаю головой. Он знает, что я могу облегчить боль. Но ему придётся выстрелить в меня, если хочет, чтобы я это сделала. Песня, которую я пою во время транса, то, как я касаюсь лица человека, его рук, ног, душистые травы, которые я растираю у его носа — все это облегчает страдание. Но раз Эйвери сказал, что не хочет всей этой «чуши», то, клянусь Геей, я не стану ему помогать.

Отступив в угол комнаты, я сажусь на пол и кидаю взгляд на часы. У Эйвери впереди добрых полчаса невероятной боли, и я буду наслаждаться каждой минутой. Я прислоняю голову к стене и закрываю глаза, в мыслях возвращаясь к Майлсу, в наш лагерь на вершине горы. Надеюсь, он простит меня за то, что я его оставила. Наверно, он уже спит, уютно устроившись под одеялом на полу палатки. Я бы многое сейчас отдала, чтобы оказаться там с ним, хотя бы на пару мгновений.

ГЛАВА 40

МАЙЛС

Я крадусь в темноте вдоль крыльца и заглядываю через окно в комнату, она похожа на офис. Вся мебель из дерева и обтянута кожей: комната словно из сериала «Театр Шедевров». В какой-то момент я чуть было не поддаюсь искушению ворваться внутрь, воспользоваться телефоном или даже компьютером, стоящим на обитой кожей столешнице. Я мог бы позвонить в полицию и рассказать им, что здесь происходит, но что я им скажу? Что сумасшедший владелец ранчо похитил сорок с лишним человек и держит их в заложниках в своем поместье для охоты на экзотических животных?

Скорей всего, полиция прекрасно знает Эйвери, и они просто надо мной посмеются. Чёрт, да он наверняка вообще купил всю местную полицию!

В моей голове проносятся различные сценарии, словно трейлеры боевиков. Мне нужен хороший план. Такой, который не закончится как сцена из фильма «Убить Билла».

Двигаясь сквозь заросли налево, я заглядываю в следующее окно. Спальня. Свет хоть и горит, но, похоже, здесь никого нет, и всё лежит на своих местах — комната выглядит нежилой. Поворачивать за угол и обходить дом с обратной стороны я не рискую, потому что уверен — тогда буду замечен из казармы. Поэтому, пробираясь сквозь кусты, я возвращаюсь к крыльцу, проходя мимо офиса и огромного холла с мраморной винтовой лестницей.

Справа от холла огромная, похожая на библиотеку комната с чучелами всевозможных животных. Я перехожу от окна к окну, стараюсь получше осмотреть помещение целиком.

У стены огромный камин с пылающим внутри огнём, огонь не настоящий. Стены уставлены книжными полками, но самих книг на них маловато. Полки заполнены ружьями, ножами и другим охотничьим оружием, каждое на подставке, словно произведение искусства. На другой стороне комнаты есть ещё одна дверь, и, подойдя к следующему окну, я замечаю, что ведет она в длинный коридор, заканчивающийся двумя дверями по обе стороны. Одна из дверей ведет к гаражу с несколькими автомобилями. Там стоят Хаммер, Ролс-Ройс и седан доктора. Снаружи припаркован ATV^[18], на котором, как я уже видел, приехали Джуно, Уит и охранники.

Я обхожу гараж и вижу, что основное здание дома продолжается за ним. Единственное на этой стороне окно выходит на похожий на нору закуток. Свет везде выключен, но благодаря свечению ресивера я замечаю огромный телевизор с плоским экраном.

Идти дальше я опять не решаюсь, потому что задняя стена дома выходит на казармы. Я делаю шаг назад и оглядываю окна второго этажа. Практически все они тёмные, за исключением одного углового окна, выходящего в тот же закуток прямо над моей головой.

По следует за мной вокруг дома, перелетая с места на место, пока я заглядываю в окна. Может, у меня получится послать его посмотреть в верхние окна, а потом Прочесть его воспоминания?

— Лети туда, — шепчу я, указывая пальцем на окно. Ворон наклоняет набок голову и смотрит на меня.

Я прищелкиваю пальцами и наклоняюсь, чтобы взять По в руки. Поднимаю его к груди, смотрю на окно, закрываю глаза и в уме представляю, как ворон к нему летит. Затем отпускаю птицу. Ворон каркает, хлопает крыльями, садится на землю и отбегает на

безопасное от меня расстояние. И просто смотрит на меня.

«Убеждение птиц — явно не один из навыков, предлагаемых Йарой», — думаю я.

Потом снова бросаю взгляд на окно. Похоже, придётся всё делать по старинке. Я хватаю водосточную трубу и качаю из стороны в сторону, пытаюсь понять, насколько она прочна. Что ж, довольно прочная.

Положив арбалет на землю, я хватаюсь за трубу. Упираясь ногами в кирпичную стену, начинаю карабкаться вверх, пока не достигаю уровня окна. Я наклоняюсь, хватаюсь за подоконник, чтобы удержать равновесие, и заглядываю в спальню, освещённую лишь одной маленькой лампой. Рядом с лампой сидит женщина в белой форме — такую носят домработницы или медсёстры. Она читает книгу и время от времени бросает взгляды на кровать.

Я наклоняюсь ближе к стеклу и замечаю лежащего на покрывале ребёнка в пижаме. Сейчас довольно темно, и всё, что мне удастся разобрать — у мальчика тёмные волосы и ему около трёх лет. *Значит, у Эйвери есть ребёнок.* Либо его жены здесь нет, либо у них круглосуточная няня, что меня лично не слишком удивляет. И тут я вспоминаю о записке отца Джуно, которую ей принёс По. Эйвери схватил трёхлетнего мальчика, когда клан попытался сбежать. Скорей всего, это тот ребёнок. Что ж, я увидел здесь всё, что мог, поэтому соскальзываю вниз по водосточной трубе и стою молча с минуту, привожу мысли в порядок.

Джуно вместе с остальными скорей всего в одной из внутренних комнат. Я еще не видел кухню, значит, она должна быть с задней стороны дома, которая выходит к казармам. Конечно, они могут быть и там. Вряд ли они на верхнем этаже, если только не сидят без света. Судя по ширине комнат и величине дома, в середине должны быть одна или две комнаты.

Я обхожу гараж и снова заглядываю в окно, выходящее в коридор. Чуть дальше, по левую руку дверь с панелью безопасности — тут кнопки, нужно вводить код. Конечно, комнатой без окон вполне может быть и ванная, но что-то я сомневаюсь, что в ванной у Эйвери есть что-то настолько ценное, что потребовалось установить пароль. Это может быть тюрьма — его личное подземелье — или сейф, или ещё что-нибудь, куда он не хочет, чтобы забредали его головорезы.

Пока я все это разглядываю, дверь открывается, и оттуда начинают выходить люди. Я ныряю под подоконник и через пару секунд, осознав, что люди идут в обратную сторону, к холлу, снова высовываю голову. Во главе группы идет Уит, за ним — охранник в форме и с пистолетом. Дальше идет Джуно — мое сердце болезненно сжимается, когда я вижу ее — а за ней ещё один вооружённый охранник. Джуно с пустыми руками: ни рюкзака, ни арбалета. И это неудивительно. Вряд ли они позволили бы ей носить с собой оружие.

Но почему же она не подумала кого-нибудь из них разоружить? Или спрятаться и ускользнуть? Наверное, из-за того трёхлетнего мальчика.

Когда я вижу, как они выходят из коридора, понимаю, что Уит явно может защититься от всего, что способна выкинуть Джуно. Но не похоже, чтобы охранники позади собирались выполнять его команды. Да и его самого, кажется, удерживают против воли. А ведь еще совсем недавно все было не так: он ездил на джипе и приказывал охранникам.

Я вижу, как они уходят из холла и поворачивают налево перед комнатой с телевизором. Если моя догадка верна, они направляются на кухню. Правда, они с тем же успехом могут спуститься в подвал или подняться на второй этаж.

Я не вижу только двоих: Эйвери и доктора. А значит, они могут появиться в любой момент. Но я понимаю, что настало время сделать свой ход, пока Джуно и охранников нет поблизости.

Я заворачиваю за угол к гаражу, и оттуда иду к двери, ведущей в дом. Я оборачиваюсь, чтобы глянуть на По. Всё это время он следует за мной и сейчас сидит в метре от меня.

— Ты можешь не каркать и не издавать других громких звуков? — шепчу я ему. Ворон наклоняет голову в уже привычном жесте «Ты что, псих?», а потом, тихо хлопая крыльями, поднимается в воздух и опускается мне на плечо.

Я медленно поворачиваю ручку двери. Как я и ожидал, она оказывается не заперта, и сигнализация тоже не срабатывает. Кому нужна сигнализация, если в двух шагах личная армия? Я ещё чуть нажимаю и заглядываю в коридор. Никого. Тихонько прикрываю за собой дверь, на цыпочках пересекаю застеленный ковром холл и захожу в библиотеку без книг.

В ней пахнет смесью одеколона «Old Spice» и сигаретного дыма, и мне сразу же хочется чихнуть. Сильно надавив на переносицу, я крадусь через всё помещение мимо чучел животных, и мне кажется, что они поворачивают головы и следят за мной. Все-таки таксидермия^[19] — чертовски жуткое занятие.

Я прохожу мимо декоративного камина, слева от меня стоит огромный отделанный медью бар, его словно только что привезли прямиком из салуна. По впивается когтями в мое плечо, сжимает его изо всех сил. Возможно, находиться среди мёртвых животных ему нравится не больше, чем мне. Я легонько толкаю дверь в следующий коридор, прикрываю её за собой и на цыпочкахдвигаюсь к «Театру Шедевров». Не успеваю я пройти и половины пути, как раздаются голоса — они направляются в мою сторону.

— Ты идёшь за мной *в ванную*? — слышу я голос Джуно. — Ты ведь поднимаешь, что это дико?

Я пролетаю через холл, одной рукой придерживая на плече По, а другой — арбалет, и распахиваю двери офиса, благодаря всем сердцем WD-40^[20] за то, что двери не скрипнули.

— Мне было велено не выпускать тебя из виду, — раздается мужской голос. Я медленно прикрываю дверь, оставив лишь щёлочку шириной в пару сантиметров.

— У вас в заложниках Барсук. Твой босс ясно дал мне понять, чтобы я дожидалась здесь, пока он не проснётся. А значит в течение восьми часов я точно никуда не сбегу, — отвечает Джуно. Слышу, как открывается какая-то дверь из коридора.

— Хотя, впрочем, как хочешь, извращенец, — произносит она, и я слышу звук захлопывающейся двери.

Барсук. Это имя мальчика, и теперь я точно уверен, что именно его видел в спальне наверху. А вот остальное для меня пока полная бессмыслица. Зачем Эйвери тащить сюда Джуно, а потом отправляться спать? Если только...

Я вздрагиваю от пришедшей мне в голову мысли. Возможно, у Эйвери и нет никакой фармацевтической компании. Возможно, ему нужен был Амрит для самого себя. И, похоже, он его только что принял.

Джуно рассказывала, что обычно она проводила Обряд, и слова Уита о том, что он просто хочет быть уверенным в безопасности Джуно, явно были ложью. Может он не мог провести Обряд без неё? И её только что заставили провести его для Эйвери? Мне после Обряда потребовалось как раз где-то восемь часов, чтобы прийти в сознание. Наверно, именно об этом и говорила сейчас Джуно. Где-то в доме лежит мёртвый Эйвери, а Джуно

удерживают, пока он не очнётся.

В туалете раздается звук смывающейся воды, и открывается дверь.

— Ты всё ещё здесь? — спрашивает Джуно ворчливо.

— Просто заткнись и двигай на кухню, — отзывается охранник, и их голоса удаляются по коридору. Прикрыв дверь, я облегчённо выдыхаю. Аккуратно ссаживаю По на пол и пытаюсь осмотреть свое плечо.

— Чувак, да ты ведёшь себя не как ворон, а как курица, — произношу я, легонько касаясь царапин. — У меня кровь идет.

В дальнем углу тикают высокие напольные часы. 22.30. А значит, Эйвери очнётся около семи утра.

У меня впереди целая ночь. Но я даже не представляю, с чего начать. *Может, с чего-то, в чём я хорош?* Я задумываюсь. Потом, усевшись за компьютер Эйвери, шевелю мышкой и рассматриваю рабочий стол.

ГЛАВА 41

ДЖУНО

Я не голодна. Еда меня сейчас волнует в последнюю очередь. Я ем лишь для того, чтобы сохранить силы для дальнейшей борьбы. Сейчас я даже представления не имею, как дальше будут развиваться события.

Я жую пасту с овощами, которую нашла в холодильнике в миске с надписью «салат с пастой». Выглядело аппетитно, но на вкус оказалось похоже на опилки. Никак не укладывается в голове то, что я только что видела. Не могу поверить, что Уит рассказал Эйвери — абсолютно незнакомому человеку — то, что никогда не рассказывал мне. Предательство глубоко ранит, будто к коже прижали раскалённое клеймо.

Я выбрасываю эти мысли из головы: подумаю об этом позже. Если я буду на них постоянно заикливаться, делу это не поможет. Нужно поразмышлять над тем, что я пока еще могу контролировать. Существует столько вариантов развития событий, и каждый надо обдумать. Я классифицирую их в уме.

Сценарий первый: Эйвери очнётся через восемь часов. Пока он парализован, точно нас никуда не отпустит, а значит, мы пробудем в особняке ещё четыре дня. Когда он встанет на ноги, и если сдержит своё слово, мой клан будет свободен, а он поможет добраться нам туда, куда мы решим. Но об этом надо будет думать после того, как мы окажемся за электрифицированными воротами. А может клан уже решил. Но это самый идеальный вариант. Потому что мы можем столкнуться со:

Сценарием вторым. Эйвери просыпается, ждёт четыре дня после окончания смертельного сна, и решает, что можно не выполнять условия сделки. Тогда мне нужно найти способ сбежать, спасти Барсука и вывести весь клан, не попав под пули бойцов Эйвери.

Сценарий третий: Эйвери не просыпается. И мне снова придётся найти способ сбежать, спасти Барсука и вывести весь клан, не попав под пули бойцов Эйвери.

Произойти может что угодно, но мне надо готовиться к худшему. По крайней мере, пока меня держат в особняке, я могу найти Барсука и разведать пути к отступлению. Я хлопаю по заднему карману джинсов — скальпель на месте, и рубашка прикрывает карман. Это, конечно, не совсем похоже на оружие, но пока это всё, что у меня есть.

Я чувствую, как кто-то приближается ко мне со спины, чьи-то пальцы стучат по плечу. Я поворачиваюсь, и сталкиваюсь лицом к лицу с моим бывшим наставником.

— И что с ним не так? — спрашиваю я.

Уит даже не стал уточнять, о чём я говорю.

— Как ты узнала?

— У него тряслась рука, и он пытался это скрыть.

— У него болезнь Паркинсона, первая стадия ^[21], — отвечает Уит.

Не помню, чтобы читала о таком в «Энциклопедии Британника». Может, в 1983 такой болезни ещё не существовало?

— Это дегенеративное заболевание, — поясняет Уит. — Я не знал, что он болен, когда предлагал ему Амрит. Я не знал, что именно поэтому он и был заинтересован в его покупке, ведь он работал над способами продления жизни и до того, как у него диагностировали

болезнь. Просто теперь для него... сроки сократились.

Я киваю. Интересно, а для Уита в этом есть какая-то разница, если цена оказалась подходящей?

— Ты получил от меня, что хотел, — отрезаю я, — теперь убирайся.

Уит легонько пожимает плечами, и по его глазам я понимаю — он получил ещё не все, что хотел. Я всё ещё нужна ему, иначе он бы не осмелился подойти и заговорить со мной.

— А, ну конечно, — осеняет меня, — тебе нужно больше крови. И, начиная с этого момента, я становлюсь твоим личным донором крови? Или донором Эйвери?

— Нет, конечно же, нет, — огорчённо отвечает Уит. — Нам нужно лишь немного крови для опытного образца, чтобы мы могли найти работающую замену.

— Ага, так теперь ты и Эйвери — уже «мы»? Приятно слышать, что твой новый «партнёр» знает о нашем клане и наших верованиях намного больше, чем я.

Говорю это, а сама не могу оторвать взгляд от его шеи — так мне хочется схватить её и сжать изо всех сил.

— Джуно, я о стольком не мог тебе рассказать, — произносит Уит, сложив руки в умоляющем жесте.

— Уит, между тем, чтобы кое-что мне не рассказать, и соткать целую паутину лжи огромная разница.

— Например? — спрашивает он.

— Даже не хочу начинать этот разговор, — отвечаю я. — Мы все это уже обсуждали в горах.

Еще пару минут мы сидим в тишине, и в конце концов я не выдерживаю:

— Как ты мог говорить, что Йара — это ложь, когда есть веские доказательства того, что она работает?

— Если ты имеешь в виду Чтение, — начинает Уит, — то я не рассказывал о нём ни Эйвери, ни Блэквеллу. Я решил, что будет сложнее продавать Амрит, если упомянуть о побочных эффектах, которые большинство и не заметит за время приёма.

Он невозмутимо смотрит на меня, и я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног.

— Что ты имеешь в виду под «побочными эффектами»? — мой голос становится глухим, словно идет откуда-то издалека.

— Еще до того, как мы все уехали на Аляску, я и твои родители заметили во время своих экспериментов, что Амрит увеличивает количество чувствительных рецепторов головного мозга. К тому моменту я уже разрабатывал идею о существовании Йары и её связи с Геей. После приёма Амрита мы поняли, что фактически можем пользоваться силой Йары и Читать, а твоя мама и я могли ещё и Колдовать. Мы это выяснили только потому, что уже верили в это и, так сказать, практиковали в повседневной жизни. Тогда нам казалось, что это имеет смысл. А значит, может быть и другое применение для увеличившегося количества рецепторов, и другие побочные эффекты, о которых мы пока не знаем.

Я уставилась на Уита с открытым ртом.

— Наши способности — это лишь побочные эффекты эликсира, — повторяю я. Уит согласно кивает.

Снова ложь. Не могу в это поверить. Но опять же, а что до этого момента не было ложью?

Уит пытается меня успокоить.

— Джуно, я не говорю, что Йары не существует. Ты знаешь, как все в клане верят в

историю о Гее. Кто-то практически превратил это в религию, но другие, например, я и твой отец...

— Даже не смей сравнивать себя с ним!

Уит вскидывает руку и кивает.

— Хорошо, хорошо. Просто выслушай меня. Гея и Йара — лишь концепции, позволяющие объяснить то, что сложно понять. Идеи Йары и Геи включают в себя понятия, о которых большинство даже не знает. Или, может, называют их по-другому.

Это как рассказывать детям о Йаре с использованием кругов. Когда для описания сложной идеи используются понятные им символы. Даже для взрослых объяснение концепции суперорганизма путём Йары делает всё гораздо проще. Ведь именно единением с Йарой и можно тогда объяснить экстрасенсорные способности клана.

Если ты спросишь, влияет ли близость с Йарой или Геей на способность человека к Чтению, то мой ответ — «нет». Однако сила убеждения так велика, что чем больше люди верят в свои способности, тем больше они их контролируют. Поэтому есть смысл в том, чтобы обучать всех в клане, что близость к Йаре и Гее усиливает их способность к Чтению.

— Но почему нельзя было рассказать всем правду и позволить им самим сделать выводы?

— А я и рассказывал правду. Просто иносказательно, через метафоры, через притчи, — отвечает Уит.

— И мой отец знал об этом с самого начала? — у меня запылала щека, вся глубина предательства обрушилась на меня. Я отодвигаю миску с пастой. Не могу больше есть.

Уит грустно смотрит на меня.

— Да, как и некоторые из старейшин. Но спустя какое-то время в этот рассказ все поверили, что было решено так и оставить. Как говорил Маркс, «религия — опиум для народа. Жизнь становится проще, если верить в почти материальную богиню и иметь религиозный строй».

— Ну допустим, но если все наши способности — это лишь химическая реакция, почему тогда ты, моя мама и я можем Колдовать? Все же принимали один и тот же эликсир?

— По настоянию твоей матери, мы с ней первыми приняли эликсир. Твой отец дал его нам из одной партии. Он наблюдал за нашими телами, пока мы находились в смертельном сне. И только после того, как мы очнулись и прошли все тесты на невосприимчивость к болезням, твоя мама разрешила и отцу выпить препарат. Но она скорректировала параметры формулы, чтобы понять, можно ли избежать побочных эффектов в виде боли. Мы использовали меньше крови. И у твоего отца смертельный сон прошёл гораздо легче, чем у нас. Поэтому на этом варианте мы и остановились. А ты получила эти побочные эффекты от матери, принявшей ту первую партию Амрита, которую, полагаю, можно назвать «суперсильной».

Я отчаянно трясую головой.

— А я ведь всегда считала, что это врождённое, знак того, что мы рождены быть лидерами.

Уит закусывает губу.

— Жаль, что приходится тебе это говорить, Джуно, но всё сводится к науке. И нет больше ничего.

Я сжимаю виски и стараюсь утихомирить бурю, бушующую внутри меня.

— Хватит, — говорю я.

— Чего хватит? — уточняет Уит.

И вдруг что-то сдвигается внутри... выходит из дальних уголков души и вырывается на поверхность.

— Всего хватит! — ору я. — Всего! Убирайся отсюда, лживый ублюдок! Я больше не поверю ни единому твоему слову. Ты лгал мне с самого моего рождения. Вы превратили всю мою жизнь в сплошной фарс. Просто отвали от меня и держись подальше!

Я кричу так, что охранник Уита, подняв оружие, устремляется к нам, а из коридора возвращается О'Доннелл.

— Что тут происходит? — орет он, направляя на меня пистолет.

Уит отходит, подняв вверх руки.

— Всё в порядке, — отвечает он.

— Нет, не в порядке, — возражаю я, переводя взгляд с Уита на охранников и обратно. — Уже ничто больше не будет в порядке. И мы не будем в порядке. Никогда.

ГЛАВА 42

МАЙЛС

Я просматриваю случайные файлы на рабочем столе Эйвери, как слышу — за дверью раздаются шаги. Я соскакиваю со стула и прячусь за ближайшим кожаным диваном. Отчаянно жестикулирую По, чтобы тот спустился со своего насеста на книжных полках. Он меня замечает, но с места не двигается. Поворачивается дверная ручка, и в комнату входит один из охранников. Мне достаточно одного взгляда, чтобы узнать его: это тот парень, который схватил меня с Солт-Лейк-Сити, он был с Уитом.

Он подходит к столу, садится на стул и набирает номер на своем сотовом. Он ждет. И я жду. По замер, так что даже если бы охранник и увидел его в темноте, тот легко мог бы принять за чучело.

— Да, это я, — говорит он. — Я был с Эйвери, поэтому не мог позвонить раньше. Девушка здесь. — Он замолкает. — Да, понял. Я включу огни на взлётной полосе.

Разговор закончен.

О чём это он, чёрт побери, говорил? Этот парень явно двойной агент.

Он что-то набирает на клавиатуре и не спеша щелкает мышкой ещё пару минут. Но как только со стороны кухни раздаётся вопль, сразу же вскакивает на ноги. Я тоже пугаюсь — неужели кто-то причинил вред Джуно, но она продолжает кричать, и я узнаю этот тон. Она явно в ярости, и я очень рад, что сейчас она злится не на меня.

Парень выбегает, хлопнув дверью. Я не высовываюсь из-за дивана ещё минут пять, а потом медленно встаю в полный рост. Подхожу к столу и щелкаю мышкой — исчезает заставка: фотография Эйвери, стоящего на колене рядом с убитым львом. «Да этот человек просто помешан на убийствах», — думаю я. Появляется рабочий стол. Там открыто окно с заголовком «Центр безопасности клиента*** Пользователь: Администратор». Наверху тянется ряд иконок, а слева в углу список локаций с ссылками «Огни», «Забор» и «Ранчо». Остальное место занимает картинка видеонаблюдения.

Камера показывает взлётно-посадочную полосу, которую я видел, объезжая ранчо. На изображении она подсвечивается, а внизу горит последняя нажатая ссылка «Огни/Полоса». Значит, к тому моменту как Джуно отвлекла охранника, он уже сделал все, что хотел. А значит, возвращаться сюда не планирует.

Я щелкаю по ссылке «Забор» и проверяю каждую строку развернувшегося списка, рассматривая горевшие сектора ограждения. Все они мигают красными огоньками, потом я замечаю одну секцию с оранжевой меткой и ссылкой рядом. На ней написано «Юго-восточный угол», а устройство на верху забора не светится. Наверно, именно эту коробочку Джуно и вывела из строя, когда пробиралась к своему клану.

Интересно, сколько ещё таких систем существует? Скорей всего, ещё одна есть у главных ворот, и возможно, одна в казарме. Но гораздо важнее не это, интересно, следит ли за ними кто-нибудь. И если да, то может ли кто-то отменить команду этого компьютера, или только здесь есть доступ администратора.

Тот двойной агент явно считает, что никто не заметит, как он включил огни на полосе. Наверно, *мне тоже стоит рискнуть*, и одну за другой я нажимаю кнопки «Отключить» возле каждой секции изгороди.

То же самое делаю на странице «Ранчо», отключив тревогу и блокировки. И последним

щелчком выключаю посадочные огни на полосе.

Я нажимаю на значок «Карта периметра» и передо мной появляется макет ранчо со всеми дорогами, оградой и постройками. Я увеличиваю восточную часть поместья, изучаю территорию вокруг особняка, казармы и чего-то, подписанного «Гостевая деревня». Наверно, там и держат клан Джуно.

Наконец, я снова открываю окно с видеонаблюдением за взлётной полосой на случай, если охранник все-таки вернётся. Тогда он увидит только изображение того, что смотрел последним, и если не будет щелкать мышкой, то и не узнает, что кто-то поэкспериментировал с изгородью.

Я беру ручку и лист бумаги и пишу Талли записку. Сложив её, поворачиваюсь к По, который всё ещё изображает чучело на книжной полке.

— Готов снова поиграть в почтового ворона? — шепчу я, аккуратно засовывая бумажку в мешочек на груди птицы. Я открываю окно (хорошо, что сигнализация уже отключена) и вылезая на крыльцо.

Как можно тише закрываю окно, сажусь на крыльцо, держа птицу в руках, и закрываю глаза. Устанавливаю связь с Йарой и думаю о женщине с копной рыжих волос, затем подбрасываю По вверх, как это обычно делала Джуно.

Ворон взмахивает крыльями и скрывается в темноте.

ГЛАВА 43

ДЖУНО

Уже два часа я сижу в этой комнате, глядя, как мой охранник уставился в телевизор — худше пытки и не придумаешь. Эти чавкающие и хрюкающие звуки, которые он издает, смотря футбол или проверяя телефон, сводят меня с ума. Я уже начинаю думать, что лучше б меня пристрелили — но провести ещё шесть часов со смотрящим телевизор неандертальцем...

Что говорить, я сама виновата. Нас с Уитом разделили после того, как я на него набросилась. О'Доннелл сказал, что для меня приготовлена спальня, но когда он ясно дал мне понять, что останется там со мной, я отказалась туда идти.

Я спросила, могу ли увидеть Барсука. Но он мне отказал. А когда я спросила, можем ли мы выйти на улицу, он вообще промолчал. Поэтому мы пришли в этот «медиа-центр», как назвал его О'Доннелл. Я попыталась смотреть телевизор, но у меня сразу же появилась пульсирующая боль в глазах.

Я осматриваю комнату — ищу, что можно было бы Прочесть, но здесь нет ни огня, ни воды, даже комнатных растений нет. В наших юртах на полу всегда была земля, а в печах — огонь. Вокруг нас была природа. А в этой комнате природой и не пахнет. Чувствуется какой-то искусственный запах, похожий на запах завядающих цветов, но от него у меня лишь сильнее начинает болеть голова.

Значит, пока сделать я ничего не могу, может хоть книга о ягуарах меня отвлечет — в этом доме все книги только об охоте и животных — сажусь в кресло в дальнем от окна углу, как приказал мне охранник. Не представляю, что он предполагал, я могу сделать — разбить окно и с помощью осколков заставить себя отпустить? Идея, конечно, неплохая, если бы они не держали Барсука в заложниках.

Время идет, я замечаю, что О'Доннелл начинает нервничать всё сильнее, пока вообще не перестает выпускать телефон из рук. Я почти испытываю облегчение, когда телефон наконец звонит: напряжение в комнате становилось уже осязаемым.

— Да? Где вы? — с тревогой спрашивает он и вдруг начинает орать: — Какого чёрта?!

Он моментально вскакивает на ноги, хватая меня за руку и произносит:

— Ты. Идешь со мной. И держи рот на замке.

Он засовывает телефон в карман, тащит меня вниз в коридор через комнату с чучелами животных, мимо главного холла в тускло освещенный кабинет. Он тихонько закрывает за нами дверь и подскакивает к компьютеру, садится за стол.

Он щелкает мышкой, и загорается экран.

— Какого?.. — восклицает он удивленно, когда замечает на экране чёрный прямоугольник. Он нажимает ещё на что-то, и картинка, где в свете огней видна посадочная полоса, подсвечивается белым.

Он берет телефон и набирает номер.

— Теперь видите? — спрашивает он и облегченно выдыхает. — Не понимаю, что случилось. Они были включены. Наверно, какой-то сбой в системе. — Он молчит, слушает. — Да. Понял. Мы там будем.

Затем отключает телефон, хватая меня за плечо и ведет в холл к входной двери.

На улице темно. О'Доннелл щелкает пару раз выключателем и с любопытством

разглядывает неработающую лампочку в фонаре на крыльце.

— Да что здесь вообще происходит, чёрт возьми? — бормочет он, таща меня вниз по ступенькам.

— Куда мы? — спрашиваю я.

— Мне надо кое-что сделать, и ты пойдёшь со мной, — отвечает он.

Его хватка становится сильнее, мне уже больно, но я не говорю ему об этом. Он похож на тот тип людей, которым нравится причинять боль тем, кто слабее их. О'Доннелл подводит меня к такому же грузовику, на котором меня сюда привезли, заталкивает на переднее сидение и закрывает за мной дверь. Потом сам запрыгивает за руль и нажимает кнопку, блокирующую двери.

Мы проезжаем через электрифицированные ворота, но не на юг, где находится мой клан, а на запад.

— Куда мы едем? — снова спрашиваю я, но О'Доннелл решает не отвечать. Он включает радио погромче и смотрит только вперёд.

Ночь такая тёмная, что за полосой света от фар ничего нельзя разглядеть. Но, похоже, мой водитель хорошо знает дорогу. Через какое-то время он снова бросает взгляд на телефон и бормочет:

— Десять минут. Мы почти на месте.

Мы въезжаем на вершину хребта. Внизу видна взлётно-посадочная полоса, подсвеченная с двух сторон дорожкой огней. Именно эту дорогу я и видела на компьютере. И О'Доннелл только что включил для кого-то огни. Я смотрю на небо и замечаю мигающие огни — в нашем направлении почти у самой земли летит самолёт — и тут внутри появляется смутная тревога, точно такая же, как тогда, в Мохаве.

Самолёт небольшой, и очень похож на тот, что я видела недалеко от Лос-Анджелеса, но в этот раз нет никаких логотипов и опознавательных знаков, только цифры на хвосте. Самолёт начинает снижаться, шасси взвизгивают, пару раз подпрыгивают на покрытии и останавливаются.

Мы съезжаем вниз и останавливаемся у самолёта, и в этот момент начинает опускаться лестница. О'Доннелл выбирается из машины и подходит к моей дверце. Открывает её, крепко берет меня за руку и тянет к самолёту. Я перевожу туда взгляд, и моё сердце ухает, когда я замечаю в дверном проёме знакомую фигуру.

— О, Джуно, — раздаётся голос мистера Блэквелла, — приятно снова увидеть тебя.

ГЛАВА 44

МАЙЛС

Я иду по дороге в направлении «Гостевой деревни» добрых полчаса. Ночь очень темная, и мне мало что видно вокруг, но тусклого лунного света вполне хватает, чтобы разглядеть асфальт впереди.

Когда асфальт сменяется гравийной дорогой, идти становится сложнее. Но спустя пару минут я замечаю вдали огни костров и направляюсь к ним, ускорив шаг.

Я уже могу различить хижины в свете костров, как справа от меня раздается голос:

— Стой на месте и бросай оружие.

Я замираю, затем медленно кладу арбалет на землю и поднимаю руки вверх.

— Кто ты? — спрашивает голос.

— Друг Джуно, — отвечаю я, не рискуя оборачиваться.

— А зачем ты тогда идёшь в наш лагерь с заряжённым арбалетом?

— Боюсь диких животных, — говорю я.

В ответ раздается тихий смех.

— А ты честный, — произносит голос. — Даже я смог подобраться к тебе на метр, так что ты лёгкая добыча для всего, что здесь рыскает. Можешь опустить руки и повернуться. Я знаю, кто ты.

Я разворачиваюсь, передо мной стоит высокой парень с короткой стрижкой в стиле афро. В лунном свете поблескивает звёздочка в его правом глазу. Он стоит, скрестив руки, с выражением задумчивости на лице.

— У тебя нет оружия, — замечаю я.

— А оно мне, похоже, и не нужно, — отвечает он, поднимая пустые руки и шевеля пальцами. Потом показывает на моё лицо.

— Классная боевая раскраска. Пытался замаскироваться?

Я стараюсь не обращать внимания на подколку. Хорошо, что под этой засохшей грязью он не видит, как я покраснел.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что знаешь, кто я? — решаю уточнить я.

— Я видел тебя, когда Читал огонь. С Джуно, пару недель назад, еще до того, как они отобрали наши амулеты. Правда, имени твоего я не знаю.

— Майлс.

Он протягивает руку.

— Кенай, — отвечает он. Я пожимаю руку, и он начинает хохотать.

— Не может быть! Это и вправду так?.. Деннис рассказывал, что люди раньше пожимали друг другу руки в знак приветствия... То есть, и сейчас пожимают. Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать.

Я не могу сдержать улыбки.

— Да, я понимаю, — признаюсь я.

— Джуно здесь нет, Уит забрал её на ранчо, — произносит Кенай, моментально становясь серьезным.

— Знаю, — отзываюсь я.

— Тогда что ты тут делаешь?

— Мне надо поговорить с вашим кланом.

— Что ж, тогда пойдём.

Я нагибаюсь, поднимаю свой арбалет и иду за Кенаем к костру, вокруг которого собралось около десятка человек. Они смотрят, как мы приближаемся, а один мужчина поднимается меня поприветствовать. В его глазах не видно звёзд, и я понимаю, что, скорей всего, он — один из старейшин, хоть и кажется, что возраст у него такой же, что и у всех остальных — между двадцатью и тридцатью. Он внимательно рассматривает меня, внимательнее, чем другие... проверяет. Пристально глядя на меня, он будто пытается прочесть меня по внешнему виду.

И тут я замечаю в его лице знакомые черты.

— Вы отец Джуно, — говорю я. Он кивает и пожимает мне руку так естественно, будто и раньше это делал.

— Ты её попутчик, — произносит он. — Мы видели тебя.

— Я только что с ранчо Эйвери, — рассказываю я. — Мне удалось пробраться внутрь не замеченным. И Джуно, и Уита охраняют. Я слышал их разговор. Похоже, Эйвери заставил их провести над ним Обряд. Сейчас он в смертельном сне и их удерживают, пока он не очнётся.

Никто не произносит ни слова, хотя потихоньку начинаются переглядывания.

— На ранчо держат в заложниках маленького мальчика, Барсука — он из нашего клана, — говорит отец Джуно.

— Я видел его. Он спит в одной из комнат верхнего этажа, — отвечаю я.

— Его охраняют?

— С ним в комнате одна женщина, но она не вооружена.

Отец Джуно обменивается взглядами с одной из женщин у костра. Судя по обеспокоенному выражению ее лица, это мама Барсука.

Тут раздаётся карканье, и слышится хлопанье крыльев. Подняв голову, я вижу спускающегося к костру По. Он приземляется на землю рядом со мной и пригибает голову, чтобы мне было удобней дотянуться до прикрепленного к нему мешочка. В нем две записки. Первую я бегло просматриваю и засовываю в карман — разберусь позже. Вторую тоже быстро пробегаю глазами, а затем перевожу взгляд на группу людей, сидящих передо мной.

— Я пришёл сказать, что мне удалось отключить ток на воротах. — Я поднимаю записку. — А меньше чем в миле отсюда ждёт друг с грузовиком. Она готова в несколько приёмов отвезти людей из лагеря в ближайший город, где охранники Эйвери не смогут вас найти. Думаю нужно отправить детей и тех, кто будет их сопровождать.

Потом я пристально гляжу в глаза отцу Джуно.

— А остальные, я надеюсь, вернутся со мной к особняку за Джуно и Барсуком.

ГЛАВА 45

ДЖУНО

Несколько секунд нахожусь в полном оцепенении — я в шоке от происходящего. Потом прихожу в себя и пытаюсь выдернуть руку, но О'Доннелл лишь крепче сжимает её. Более того, он хватает мою вторую руку и заламывает их за спиной, мистер Блэквелл подходит ко мне. Он осматривает меня с ног до головы и вздыхает.

— Ох, Джуно. Ты ведь могла избавить нас от стольких неприятностей, если бы осталась под моей крышей. Если бы ты согласилась сотрудничать со мной, я бы помог твоим людям сбежать от Эйвери. А так, получается, что мне пришлось задействовать все свои ресурсы, чтобы вызволить отсюда тебя, и им помочь я уже не смогу.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я, всё ещё не веря, что эти два отдельных для меня мира столкнулись.

— О'Доннелл очень щедро делился со мной информацией о тебе с самого начала. Не так ли, О'Доннелл? Иначе я бы никогда не узнал, насколько ты важна, и продолжал бы гоняться за Уитом. Конечно, он тоже важен. Кстати, где он сейчас?

— На ранчо у Эйвери, — отвечает из-за моей спины О'Доннелл.

Блэквелл задумчиво кивает.

— Что ж, Джуно, давай теперь не будем ходить вокруг да около. Не хочешь рассказать мне, почему же ты так важна? Какую роль ты играешь в создании Амрита?

Я смотрю на него, и мне очень хочется, чтобы он оказался хотя бы на десять сантиметров ближе ко мне, тогда я смогла бы ударить его головой.

— Не хочешь отвечать? Тогда скажи ты, О'Доннелл. Ты выяснил, почему Джуно так важна? — спрашивает он, по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Так точно, сэр. Когда мистер Грейвз готовил Амрит для Эйвери..., — начинает мой охранник.

Тут Блэквелл его прерывает:

— Что?

— Мистер Эйвери настоял, чтобы мистер Грейвз испробовал Амрит на нём, как только привезли Джуно.

Блэквелл стоит, оцепенев от ужаса, но потом ему удается взять себя в руки.

— Большой убудок, — бормочет он, потирая подбородок рукой. — Эйвери решил испробовать препарат на себе... Не знал, что он настолько одержим смертью. Как давно он принял лекарство?

— Примерно три часа назад.

Блэквелл подсчитывает в уме.

— Прекрасно, — произносит он. — Значит, у нас еще больше времени, не так ли? Продолжай, О'Доннелл. Ты говорил...

Охранник заканчивает свой рассказ.

— Когда мистер Грейвз готовил ингредиенты для препарата, он порезал ей руку и добавил в образец её кровь.

В глазах мистера Блэквелла загорается огонек.

— Ага! А вот и волшебный ингредиент. Грейвз упоминал, что одна из составляющих эликсира настолько редка, что придётся найти ей искусственную замену. Значит, это её

кровь. И что же в тебе такого особенного, что больше никто из клана не может заменить эту составляющую?

Я прищуриваюсь, но не говорю ни слова.

Блэквелл не обращает внимания на мою немногословность.

— Вот почему Грейвз настаивал, чтобы ему привели Джуно. Ведь формула не будет работать без этого *важного* компонента! — смеется Блэквелл.

— Полагаю, вы не знаете, как самостоятельно приготовить Амрит? — спрашивает у меня Эйвери.

— Нет, — откровенно лгу я. — Этим всегда занимался Уит.

Блэквелл согласно кивает.

— Так я и думал. Что ж, придётся тебе за ним вернуться, — продолжает Блэквелл, нетерпеливо поглядывая на О'Доннелла.

— Что? — неуверенно переспрашивает О'Доннелл. — Вы сказали, что вам нужна девчонка. И заверили, что возьмёте меня с собой. Я не могу вернуться без неё.

— Да кто это заметит? — отвечает Блэквелл. — Эйвери же без сознания.

— Мой босс присматривает за мистером Грейвзом. Мы двое должны были следить за ними, пока Блэквелл не очнётся. Он не позволит мне появиться там без Джуно и забрать другого заложника.

— Тогда, полагаю, придётся тебе применить силу, — беспечно пожимает плечами Блэквелл.

Почувствовав замешательство О'Доннелла, я снова пытаюсь вырваться из его хватки. Никакого эффекта. В ответ он лишь раздражённо хмыкает:

— Могу я надеть на нее наручники?

— Конечно, — отвечает Блэквелл.

О'Доннелл убирает одну руку, и через мгновение я чувствую, как холодный металл касается кожи на моих запястьях, теперь мои руки сцеплены за спиной. О'Доннелл встает сбоку, крепко держа меня за плечо.

— В казарме около ранчо двадцать пять очень хорошо вооружённых мужчин, — поясняет он. — Если мой босс их позовёт, две дюжины человек будут охотиться за нами с Уитом уже через минуту.

— Ну, мы же не хотим поднимать шум, — раздражённо замечает Блэквелл. — Может, мне пойти вместе с тобой и поговорить с твоим коллегой? Думаю, он согласится на сделку на тех же условиях, что мы предложили тебе.

— А кто бы не согласился? — в глазах О'Доннелла читается облегчение.

Интересно, сколько мистер Блэквелл заплатил ему за работу двойного агента?

— А если кто-то увидит, как мы идём...

— То ты просто скажешь, что я гость мистера Эйвери, приехавший поохотиться. Никто в этом не усомнится.

О'Доннелл обдумывает его слова и наконец согласно кивает.

— Оставьте её в самолёте? — спрашивает он.

— Эту юную леди я не оставлю без присмотра даже на мгновение, — отвечает Блэквелл, взглянув на меня. — По крайней мере, пока не получу от неё то, что хочу. Она такая вёрткая, что я не могу доверить её никому другому.

Блэквелл поворачивается к самолёту и жестом подзывает двоих мужчин, те моментально спускаются по ступенькам, подходят и ждут дальнейших указаний. Затем они

проходят мимо нас и забираются в машину.

— Но... — ошеломлённо произносит О'Доннелл. — Что они делают?

— Едут с нами, — отвечает Блэквелл. — Только не говори, что клиенты Эйвери никогда не привозят с собой личную охрану.

— Привозят, иногда они даже едут с нами на охоту, — отзывается О'Доннелл.

— Тогда едем, — быстро говорит Блэквелл. И идет к машине, пристроившись позади меня и О'Доннелла, ведущего меня за руку.

ГЛАВА 46

МАЙЛС

Клану потребовалась всего лишь пара минут, чтобы собраться. Главный здесь, похоже, отец Джуно, но и ему ничего не надо было делать. Такое ощущение, что эти люди готовились к экстренной эвакуации всю свою жизнь.

Уже через несколько минут все дети были разбужены, одеты и выведены из хижин. Их около десяти, и каждого сопровождает один из родителей. Таким образом, людей, которых Талли предстоит перевезти на грузовике, становится семнадцать.

Почему-то я представлял себе, что детей к Талли будут сопровождать женщины. Но оказалось, что с детьми едет больше мужчин, чем женщин. Похоже, клан Джуно обошли стороной такие «болезни» общества, как распределение мужских и женских обязанностей.

Ко мне подходит высокая девушка со светлыми, заплетёнными в косу волосами. Она похожа на женщину-викинга: загорелая, уверенная, подтянутая. От неё исходит та же аура бесстрашности, что и от Джуно, и я понимаю, кто это, ещё до того, как она успевает заговорить со мной.

— Нома? — спрашиваю я.

Она широко улыбается и протягивает мне влажное полотенце.

— Кенай сказал, что ты захочешь вытереть лицо.

Я беру полотенце и тру лицо до тех пор, пока не получаю от Номы одобрителный кивок. Она стоит, скрестив руки на груди, и нахально меня рассматривает.

— Так значит, это с тобой все это время зависала Джуно, — произносит она. — А ты даже симпатичней, чем выглядел в огне.

— Хм, спасибо, — отзываюсь я. Джуно упоминала, что её люди говорят то, что думают. «Похоже, она не лгала», — думаю я, и мои уши краснеют.

— Прости мою подругу, — говорит Кенай, подходя к нам с огромными кусачками. — У неё совершенно никаких манер. Вот что получается, когда воспитываешься в дикой среде. И перестань пускать слюни, Нома. Он теперь с Джуно, помнишь об этом?

Она без всякого стеснения подмигивает мне, берет у Кеная кусачки и направляется в сторону забора.

— Ну не требовать же от детишек, чтобы они взбирались на такую высоту, — поясняет Кенай. — Лучше будет прорезать проход.

— Откуда у вас кусачки? — изумлённо спрашиваю я.

— Стащил их из багажника грузовика. Мы хотели использовать их в последнем побеге, но когда Барсука схватили, припрятали. Сохранили на чёрный день, — Кенай смеется, и его зубы поблескивают в свете костра. — Кстати, Уолтер хочет, чтобы ты подошёл. Надо нарисовать им карту места, где ждёт твой друг с грузовиком.

— Уолтер?

— Отец Джуно. Для чужаков — мистер Ньюхейвен.

— А, ясно, — отвечаю я. Интересно, он по-прежнему считал бы меня чужаком, если бы знал, что я прошёл Обряд? И смогу ли я вообще когда-нибудь вписаться в это общество? Сомневаюсь, наверно, это возможно, только если ты здесь родился.

— Майлс, — зовет отец Джуно... Уолтер. Я подхожу к нему, стоящему у костра, беру протянутые бумагу и ручку, и набрасываю по памяти расположение дороги и деревни.

К тому моменту, как я заканчиваю рисовать, дети и сопровождавшие их родители уже пролезли через прорезанную Номой дыру, и теперь идут на поиски Талли.

Те, кто остался, начинают готовиться. Женщина, которую я считаю матерью Барсука, подходит ко мне.

— Холли, — представляется она. — Как там мой сын?

— Он спал в кровати. Похоже, с ним все в порядке.

Она облегчённо кивает и забрасывает за плечо арбалет. Я бросаю взгляд на ближайшую хижину и вижу, что мужчина внутри раскапывает земляной пол и достаёт самодельный арбалет.

Холли замечает, куда я смотрю.

— Мы тут не сидели, сложа руки.

— Вы собирались напасть? — спрашиваю я.

— Мы ждали Джуно. Наблюдали, как складываются обстоятельства. Мы не планировали нападения как такового, просто готовились к любым непредвиденным обстоятельствам. Наш план — всегда быть готовым ко всему.

— Все готовы? — Уолтер подходит к группе собравшихся и пересчитывает. Нас двадцать четыре человека. Около половины вооружены. Все столпились вокруг нас, ждут инструкций.

— Как обстоят дела с охраной? — задает вопрос Уолтер.

— Кроме тех двоих, что охраняют Джуно и Уита, остальные, кого я видел, сидят в казарме, играют в карты и пьют пиво, — громко произношу я, чтобы слышали все.

— Они периодически проверяли нас среди ночи, — говорит Уолтер, — поэтому нам надо быть осторожными, но если Джуно только что провела Обряд над Эйвери, сомневаюсь, что этим парням будет до нас дело.

Он поднимает глаза к чистому небу.

— Гроза надвигается, — замечает он, и остальные согласно кивают. — Ладно, народ, пойдём. Майлс, веди нас туда, откуда пришёл.

Я забрасываю арбалет за плечо и иду вперёд, чрезмерно взволнованный осознанием того, что веду две дюжины людей навстречу опасности. Руководство кем-то вообще мне чуждо. Но это люди Джуно, и они знают о земле больше, чем я.

Я ощущаю уколы страха, а ужас обостряет мои чувства. Но ещё я испытываю ошеломляющие ощущения, от того, что нахожусь именно там, где и должен находиться. И, наконец, делаю то, что должен делать.

ГЛАВА 47

ДЖУНО

По дороге к особняку все молчат. В воздухе пахнет грозой, хотя небо еще чистое и над головой ярко светят звёзды. Я сижу на заднем сидении рядом с охранниками Блэквелла и размышляю о том, как же, все-таки, Майлс похож на своего отца. Вырастет ли он таким же, как его отец? Бизнесменом, настолько одержимым достижением успеха, что готов прибегнуть к похищению девочки-подростка, чтобы получить то, что ему нужно? Нет. Даже представить такое не могу.

«И всё же Блэквелл не так ужасен, как Эйвери», — думаю я. Охотник, даже просто демонстрируя свою силу, выходил за рамки дозволенного и превращал ее в угрозы и насилие. Но представить, чтобы Блэквелл убил кого-то, чтобы получить то, что хочет, я пока не могу, несмотря на то, что поездка с двумя дюжими охранниками прямо в сердце укрепленного ранчо совсем не похожа на мирные намерения. Но именно это и заставляет меня сомневаться в его жестокости. Вряд ли он сможет заставить охранников Эйвери силой отдать ему меня и Уита. Он рассчитывает разговором добиться того, чего хочет. Хочет сделать предложение людям Эйвери, пока их босс вне игры.

Мои запястья болят от впивающихся в них металлических наручников. Я наклоняюсь вперед и шевелю пальцами, чтобы хоть как-то восстановить кровообращение. Сидящий рядом со мной охранник замечает это и берет у О'Доннелла ключи от наручников, снимает их, я, наконец, могу помассировать запястья.

Мы въезжаем на вершину холма, и перед нами открывается вид на особняк и казарму. Свет в окнах нижнего этажа горит, как и прежде, а вот на втором этаже появилось ещё два освещенных окна. О'Доннелл подвозит нас к дому, огибая фонтан, и останавливает автомобиль рядом с главным входом. Все вылезают из машины, и мужчина, сидевший рядом со мной, пристраивается позади меня, я первая направляюсь к дому.

Но мы не успеваем даже дойти до двери, как на крыльце появляется охранник Уита. Он стоит, направив на нас автомат, его лицо перекошено от гнева.

— Что здесь происходит? Где вы были? — Он указывает оружием на Блэквелла. — А это ещё кто такие?

О'Доннелл рукой указывает на отца Майлса.

— Это мистер Блэквелл. Мистер Блэквелл, это Бен Нарсел, глава охраны.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — спрашивает Нарсел, делая шаг вперед. Охрана Блэквелла делает то же самое, они расправляют плечи, выпячивают грудь, хотят выглядеть более грозными.

Уит выходит из-за спины Нарсела.

— Блэквелл, — поражённо выдыхает он.

— Ты его знаешь? — спрашивает Нарсел.

— Позвольте мне, как подобает представиться и объяснить, почему я здесь, — начинает Блэквелл, поднимая руки и показывая, что он полностью во власти Нарсела. — Я очень заинтересован в том, чтобы забрать двух ваших гостей с собой. И поскольку я слышал, что ваш работодатель на данный момент «не здоров», хочу поступить nepopядочно и извлечь из этого пользу: предлагаю вам вдвое больше, чем вам платит сейчас Эйвери, чтобы вы полетели со мной в Лос-Анджелес. А ещё обещаю существенное вознаграждение за передачу

мне мистера Грейвза и мисс Ньюхейвен. В общем, всё то же, что я уже предложил вашему присутствующему здесь коллеге.

Нарсел смотрит на О'Доннелла, приподняв брови, словно спрашивая: «Этот мужик не шутит?» О'Доннелл кивает.

— У меня для всех нас подготовлен самолёт, и я готов отправиться немедленно, — заканчивает Блэквелл, сложив руки на груди и ожидая ответа охранников.

Но Уит начинает говорить прежде, чем охранник успевает ответить.

— Не думаю, что мы сможем работать с вами, мистер Блэквелл, потому что мы уже заключили весьма специфичную сделку с мистером Эйвери.

Блэквелл скептически смотрит на Уита.

— А вы видели хотя бы часть обещанных денег, мистер Грейвз?

Уит на мгновение застывает, а затем качает головой.

— Давайте будем честными, — продолжает Блэквелл, — думаю, мистер Эйвери уже получил, что хотел — собственное фактическое бессмертие. И я очень сомневаюсь, что он заинтересован в изготовлении и распространении препарата, что бы он вам там не говорил.

И тут, удивив всех, в разговор вмешиваюсь я.

— Меня деньги не волнуют. Я никуда не пойду, пока мой клан удерживают в плену.

Ага, будто у меня выбор есть.

Блэквелл вскидывает брови.

— Да неужели? — спрашивает он, подчёркивая мою абсолютную беспомощность.

— Я буду сопротивляться на каждом шагу, — обещаю я, сжав кулаки. Я понимаю, как нелепо выгляжу. Сто шестьдесят пять сантиметров роста, не вооружена, против этих великанов с винтовками. Но я сделаю всё, что смогу, и Блэквелл прочувствует каждую каплю моего сопротивления.

Блэквелл закатывает глаза и поднимает руку, жестом давая понять охранникам Эйвери, что ему нужна минутка. Они неловко переступают с ноги на ногу.

— Как я уже говорил, если бы ты начала сотрудничать еще в Лос-Анджелесе, я был бы рад спасти твоих людей из заключения. Но сейчас положение вещей таково...

Он быстро переводит взгляд с меня на настороженного Уита, и по тому, как меняется его поза, я понимаю — он решил сменить тактику.

— Хорошо. Хоть меня часто и называют змеей, все же я не чудовище. Поскольку мои действия лишают тебя возможности вести переговоры об освобождении твоих людей, как только ты окажешься в безопасности благодаря заботе и возможностям Блэквелл Фармасьютикл, я сделаю Эйвери предложение — скажем так, это будет акт доброй воли — которое смягчит его горе от потери тебя и Уита и убедит его освободить твой клан. Как вам такой план, господа Нарсел и Грейвз и мисс Ньюхейвен?

Обстановка разрядилась. Охранник Уита расслабляется, похоже, внутренне он уже принял предложение Блэквелла. Уит тоже ослабляет оборону, а охранники, стоящие рядом с Блэквеллом, облегчено выдыхают. Но тут открывается входная дверь, и на пороге появляется доктор, лицо у него бледное, цветом почти как его белый халат.

— Он очнулся! Эйвери очнулся! — произносит он, и все снова забеспокоились.

— Но это невозможно! — восклицает Уит. — Он и четырех часов не проспал.

— Но он очнулся, сорвал с себя все провода и датчики. Настаивал на том, чтобы его выпустили. И по его манере разговора я понял... в общем, кажется, у него психическое расстройство.

За спиной доктора возникает огромный силуэт Эйвери с дико горящими глазами и растрёпанными волосами. Он что-то держит в руке, и трудно сразу понять, что это. Но потом я понимаю и чувствую, как подкатывает тошнота — это голова собаки, размороженная, с которой падают капли тягучей густой жидкости.

Эйвери ударяет кулаком по кнопке рядом с входной дверью, включается сигнал тревоги. По всему поместью вспыхивают прожекторы, освещая двор искусственным жёлтым светом. Со стороны казармы слышатся крики, и сюда начинают сбегаться вооружённые охранники.

— Они идут! — тяжело выдыхает Эйвери и отталкивает доктора, чтобы пройти вперёд. Держа голову собаки за мокрую шерсть, он начинает вопить:

— Они идут за мной!

Его щёки ввалились, взгляд словно у затравленного зверя. Он отпускает собачью голову, и скидывает руки, будто пытается защититься от стаи разъярённых птиц. Голова собаки катится в сторону, оставляя за собой на крыльце мокрый след.

Все изумлённо переглядываются. Никто не знает, что сказать. И тогда я иду прямо к Эйвери.

— Кто идёт за вами? — спрашиваю я. Безумный взгляд Эйвери останавливается на мне, и он неуверенно протягивает руку вперёд, словно опасается дотрагиваться до меня.

— Животные, — отвечает он. — Они хотят отомстить и поэтому придут за мной. Я их слышал. Они со мной разговаривали.

Уит подходит и кладет руку на плечо Эйвери.

— Мистер Эйвери, у вас галлюцинации. Вам ещё рано вставать. Вы должны вернуться в лабораторию, лечь на кровать и позволить препарату сделать своё дело.

Снова раздаётся сигнал тревоги — громкий вой сирены в абсолютной ночной тишине.

— Вы что, меня не слушали? — ревет Эйвери. — Они идут! Сама природа восстала против меня. Они сказали, что я ей воспользовался — украд жизни, которые мне не принадлежали.

Он сбрасывает руку Уита и проходит мимо Блэквелла, даже не заметив его.

Неуверенно спустившись по ступенькам, он останавливается прямо посреди подъездной дорожки и складывается пополам, обхватив голову руками.

— Всё конечно, — стонет он, а его хлопчатобумажная рубашка трепещет под порывами усиливающегося ветра.

Среагировав на сигнал тревоги, со всех сторон к дому бегут охранники в боевой экипировке и с автоматами наизготовку. Несколько перебегают двор и скрываются за деревьями. Снова раздаётся вой сирены, и Нарсел заскакивает в дом, чтобы выключить её, а затем спускается с крыльца и становится перед своими коллегами. Десяток охранников толпится вокруг Эйвери, оглядывая его с обеспокоенным выражением. Нарсел протискивается мимо них и начинает говорить:

— Мистеру Эйвери нехорошо. Здесь его доктор. Тревогу он включил случайно. Можете вернуться в казарму.

— Не случайно! — орет Эйвери, и сильно дрожа, падает на колени.

Нарсел берет его под руку.

— О'Доннелл, — зовет он, — помоги завести мистера Эйвери в дом.

О'Доннелл отходит от меня, чтобы помочь Нарселу.

— Отвалите от меня, неповоротливые говнюки, — ревет Эйвери, пытаясь их отбросить.

И тут из-за деревьев с южной стороны слышится крик. В нашу сторону идут двое

охранников с пистолетами, перед ними три человека с поднятыми руками.

Первой идет женщина, и когда они подходят ближе, я узнаю её. Это Холли, одна из старейшин клана. Мать Барсука. А с ней еще двое, их я узнаю ещё до того, как мне удастся хорошо их разглядеть. Моё сердце колотится, как бешенное; они подходят ближе, поражение — вот что написано на их лицах. Эти двое — мой отец и рядом с ним Майлс. Мне захотелось себя ущипнуть. Эти двое вместе? Наверно, я сплю.

— Ограда по внутреннему периметру была отключена! — докладывает один из охранников, когда они подходят ближе. — Эти трое пролезли через неё и направлялись сюда.

Ветер снова ударяет в лицо, поднимает в воздух облако пыли. А секунду спустя начинается ливень, и мы все моментально промокаем до нитки.

— Все внутрь! — кричит Нарсел. Они с О'Доннелом идут вверх по ступенькам поддерживая рыдающего Эйвери. Уит с доктором исчезают в доме, а Блэквелл и его люди пытаются укрыться на крыльце, несмотря на то, что дождь хлещет почти параллельно земле.

Я дожидаюсь, пока мой отец и Майлс не оказываются ближе и, не обращая внимания на вопли охранников, бросаюсь к ним.

— Майлс! Ты здесь! — кричу я, но гроза заглушает мои слова. Отец мрачно улыбается мне, целует в лоб и идет за Холли в дом, подгоняемый охранником с пистолетом. С лица Майлса на пару секунд исчезает выражение побеждённого, теперь он явно очень доволен собой. Он подмигивает мне с заговорщицкой улыбкой и под дулом пистолета другого охранника тоже направляется к особняку.

ГЛАВА 48

МАЙЛС

Я поднимаюсь по ступенькам крыльца и замираю. Под крышей, прячась от дождя, стоит мой отец. Мы оба удивлены, вот только я смотрю на него, как на привидение, а он на меня, скорее, как на неожиданное неудобство. *Что он здесь делает?*

И тут всё становится на свои места. Телефонный звонок О'Доннелла — он разговаривал с моим отцом. Конечно же, мне следовало догадаться об этом раньше! Кто ещё настолько заинтересован в Амрите? Прошлой ночью Уит рассказал, что предлагал его только двоим. О'Доннелл, наверно, играл роль двойного агента с самого начала. И скорей всего, именно его отец называл «источником», передающим ему информацию с Аляски, и ему он приказал поймать Джуно.

И всё это время отец знал, куда мы направляемся.

Интересно, как я сейчас выгляжу: я не принимал душ уже неделю, не считая полоскания в реке, а мои руки и лицо до сих пор в запёкшейся грязи. Наверное, выгляжу, как дикарь.

Отец подходит ко мне, хватая за плечо и тянет к входной двери. Парень, что охраняет меня, начинает кричать и поднимает пистолет. Люди моего отца выступают вперёд — готовы перехватить охранника, а отец даже с места не двигается. Он просто смотрит парню прямо в глаза.

— Иди за нами, если хочешь. Я никуда его не увожу.

Мой охранник неуверенно смотрит на него, но всё же опускает пистолет и подталкивает нас к двери в прихожую.

А внутри дома бушует буря посильнее той, что снаружи. Эйвери продолжает бороться с Уитом и доктором, которые пытаются его успокоить. Мужчина, охранявший Уита, ругается в кабинете с О'Доннеллом, который неуверенно возится с компьютером, пытаюсь перезагрузить систему электрической изгороди. Двое охранников, приведшие нас сюда, без посторонних приказов не могут решить, куда нас вести. И прежде чем они успевают что-то сделать, Холли идет вверх по лестнице, не дожидаясь никого.

— Стой на месте, — приказывает один из охранников.

— И не надейся, — бросает ему Холли, продолжая идти вверх.

— Я не шучу, спускайся, сейчас же, — настаивает охранник.

— Тогда вперёд, пристрели меня, — отвечает она, поднимаясь на второй этаж. Холли вопросительно смотрит на меня. Я киваю в сторону правого коридора, и она исчезает. Первый этап нашего плана завершён: мы воссоединили Холли с Барсуком. Теперь надо как-то вывести их отсюда и выбраться самим.

Я смотрю на Джуно. Она заметила, как мы с Холли обменялись взглядами, и по ее глазам я вижу — она удивлена, не узнает меня. Я усмехаюсь, она прищуривается. Джуно не понимает, что здесь происходит, а уж я-то знаю, как она ненавидит, когда не может сама полностью контролировать ситуацию.

Один из охранников идет за Холли на второй этаж. Тот, что остался, тычет в нас пистолетом и ведет в библиотеку без книг. Отец не отпускает мою руку и продолжал стоять на своём:

— Мне с сыном надо поговорить наедине, — говорит он охраннику. Парень почти готов взорваться, но тут из кабинета высовывается голова Нарсела.

— Делай, что говорит этот человек, — кидает он.

Значит, охрана уже у отца в кармане. Как предсказуемо.

Парень подходит к двери рядом с кабинетом и говорит:

— Можете поговорить в спальне. Но больше никуда в доме не суйтесь.

Мой отец тащит меня в сторону спальни. Я оборачиваюсь и вижу, что охранник заводит Джуно и её отца в библиотеку.

Люди моего отца останавливаются у двери спальни.

— Ждите снаружи, — приказывает отец, и они становятся по обе стороны двери, отец закрывает её за нами. И прежде чем я успеваю хоть что-то сделать, он бьет меня по лицу. Сильно.

Очень хочется прикоснуться к горячей коже — не могу поверить, что отец поднял на меня руку. Но вместо этого стою неподвижно и позволяю ярости внутри меня вскипать, подниматься всё выше в груди, выплёскиваясь и разжигая пламя в голове. Сейчас, я сплошной вулкан боли. Тысячи атомов подавляемой многие годы боли были рассеяны по моему телу. Я похоронил их и разделил, чтобы они никогда не слились воедино и не привели к катастрофическому взрыву. Но пощёчина моего отца за одну секунду объединила их и сформировала огненное ядро из бушующей внутри лавы. Такое ощущение, что из каждой поры моего тела сейчас идет пар.

— Какого чёрта ты творишь? — шипит отец.

— То, что должен, — отвечаю я, ни один мускул не дернулся на моем лице. «Держи все в себе», — твержу я, глядя на пульсирующую жилку на отцовской шее.

— То, что должен, — эхом повторяет отец. Сложив на груди руки, он проходит мимо меня и присаживается на край комода.

— А значит, в данном случае ты должен идти против своего отца и срывать одну из крупнейших сделок в его карьере? Да нет, *самую крупную* сделку в его карьере!

— Я просил тебя помочь мне, — продолжает он. — А что сделал ты? Ты украл мой контакт прямо у меня из-под носа и привёз его моему конкуренту.

— Ты вообще себя слышишь? — недоверчиво спрашиваю я. — Это как раз самая смешотворная вещь из того, что произошло. Ты похитил девушку-подростка и держал её в заложниках у себя дома!

Отец качает головой.

— Все это относительно. Да, я на неё давил, но она всегда могла уйти... Если бы захотела. И если бы ты не вмешался, уверен, мы бы с ней пришли к соглашению. Фактически, я до сих пор на это надеюсь.

— Ты заблуждаешься, отец. Джуно никогда не станет помогать тебе добровольно. Тебе пришлось бы заставить её. А значит, ты недалеко уйдёшь от этого больного на голову Эйвери, — заявляю я, кивая на дверь. Где-то в доме до сих пор слышны крики Эйвери.

— Сила всегда необходима в переговорах. Вопрос лишь в том, скрытая она или... — мой отец тщательно подбирает слово, — ...или явная.

Я смотрю на него, и в голове все крутится вопрос: когда обман и мошенничество настолько въелись в его личность, что он сам стал верить своей лжи? Отец ждет от меня ответа, но я не собираюсь доставить ему такого удовольствия. Наконец он качает головой.

— Майлс, ты даже не представляешь, насколько опасна ситуация, в которую ты попал.

— Правда? — спрашиваю я и задираю футболку.

Отец замечает след от огнестрельного ранения и судорожно вдыхает.

— Господи. Что случилось?

Впервые с нашей встречи он выглядит действительно потрясённым.

— Меня подстрелили, — отвечаю я.

— Кто? — уточняет отец.

— Один из охранников Эйвери. Они преследовали нас в Лос-Анджелесе, когда мы сбежали из твоего дома.

— Что?!

Отец вскакивает и распахивает дверь.

— О'Доннелл! — орет он. Спустя пару секунд О'Доннелл появляется в коридоре.

— Ты знал, что моего сына ранили?

— Это был не я, — отвечает охранник, его глаза широко раскрыты.

— Это был не он, — подтверждаю я.

— Значит, твой напарник ранил его? — уточняет отец, и его голос звучит угрожающе.

— Он стрелял в него. Но я не знал, что в мальчика попали, — рассказывает О'Доннелл. — А сразу после этого наш джип перевернулся, и я был занят спасением своей жизни.

— Достаточно, — прерывает его отец и захлопывает дверь прямо перед лицом охранника.

— Я почти умер, — продолжаю я. — Джуно спасла мне жизнь.

Я замечаю, как лицо отца перекосилось от боли. Всего на долю секунды на нем отразилось беспокойство обо мне. Это самое близкое к любви чувство, которое он мог подарить мне за все эти годы, и мой вулкан остывает на пару градусов. Этого достаточно, чтобы моя маска безразличия сползла. И отец, как акула, замечает моё слабое место и начинает бить по нему.

— Так у тебя чувства к той девушке, так? — спрашивает он. — Думаешь, что любишь её.

Я застываю в нерешительности, но потом киваю.

— Ты ещё молод, — тихо говорит отец. — Ты не знаешь, что такое любовь.

— Но я точно знаю, что любовью не является, — отвечаю я. — Если любишь кого-то, нельзя оставлять его, когда он болен. Когда доведён до отчаяния.

— Так вот в чём всё дело, — протягивает отец с холодным блеском в глазах. — Ты злишься на меня за то, что твоя мать ушла. Но это *она бросила нас*, Майлс. Не я заставил её уйти.

— А ты хотя бы пытался её остановить? — спрашиваю я.

Отец вздыхает.

— Тяжело жить с человеком, когда он в депрессии. Ты даже не представляешь, как всё может быть сложно.

— Так попробуй, — возражаю я. — Объясни. Хотя бы раз.

Отец печально качает головой.

— Я оплатил лучшее лечение и лучших сиделок твоей матери, каких только мог найти. Но мне надо было руководить многомиллиардными корпорациями. Я не мог сам сидеть и заботиться о ней.

— Всё всегда сводится только к тебе, — закипаю я. — Твой бизнес. Твои достижения. Твои деньги.

— Этими деньгами я оплачиваю всё, что у тебя есть. — Отец поднимает руки вверх, призывая меня успокоиться, и вздыхает. — Послушай, Майлс. Помоги мне уговорить Джуно,

и мы все сможем поехать домой.

— И зачем мне это делать?

— Думаю, вопрос нужно поставить по-другому: а почему ты не должен это делать? Я уже говорил: всё, что у тебя есть, ты получил от меня. Твоё будущее в моих руках. Кто ещё оплатит твой колледж, поддержит, пока ты не получишь диплом, кто найдёт тебе достойную первую работу?

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него в упор, готовлюсь говорить, стараюсь, чтобы мой голос не дрожал. Сражаюсь с вулканом внутри себя.

— Нет, пап. Моё будущее в моих руках. Мне не нужны твои деньги. Не нужна твоя помощь. И тебе я помогать не собираюсь. Так что скажи: теперь я твой пленник или могу уйти отсюда?

— Ты понимаешь, что говоришь? Если ты сейчас уйдёшь, между нами всё будет кончено.

— «Нас» уже давным-давно не существует.

Я открываю дверь, и дорогу мне сразу же преграждает один из отцовских охранников.

— Пропусти его, — произносит отец. Тот отступает и дает мне пройти.

Я дотрагиваюсь пальцами до горячей щеки и, не оборачиваясь, оставляю отца и направляюсь к Джуно.

ГЛАВА 49

ДЖУНО

Нас с папой отводят в комнату трофеев. Охранник приказывает нам сесть за стол в углу, а сам ставит стул напротив и садится к нам лицом, положив оружие на колени.

Я стараюсь говорить тихо, но это не имеет значения — охранник всё равно не обращает на нас никакого внимания.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Майлс пришёл к нам и рассказал, что отключил ток на изгороди. Он связался с твоей подругой Талли и попросил, чтобы она подъехала и смогла перевезти людей с ранчо в Розуэлл. Все дети и часть родителей поехали с ней, а оставшиеся члены клана ждут в лесу нашего сигнала.

— Сигнала к чему? — задаю я вопрос.

— К атаке. Мы пришли сюда вызволить Барсука. Мы были готовы как к переговорам, так и к открытому побегу. Но если понадобится нападение вооружённых людей — наш клан поблизости и готов прийти на помощь. Как только мы освободим Барсука, наша цель — покинуть это место с наименьшими потерями.

Я киваю, в голове один за другим начинают выстраиваться планы действий. Папа заглядывает мне в глаза.

— Он хороший парень, Джуно.

— Кто? — спрашиваю я, озадаченная резкой сменой темы разговора.

— Майлс. У этого мальчика есть задатки настоящего лидера, — отвечает папа. — Может, он ничего не знает о природе. И о сражениях, — тут отец улыбается каким-то своим мыслям, явно вспоминая что-то весёлое, видимо, Майлс вытворил что-то по дороге сюда, — но у него доброе сердце. И он беспокоится о тебе... настолько, что пришёл сюда сражаться бок о бок с тобой. Это о многом говорит.

— Спасибо, пап, — говорю я. Как же я благодарна за его мнение. За его одобрение.

Отец глядит на меня печально и смиренно. Он понимает, что уже ничто не будет, как прежде.

— Пап? — неуверенно начинаю я.

— Да, мой Жучок.

— Уит сказал, что наша способность к чтению Йары появилась из-за Амрита — будто он увеличивает количество чувствительных рецепторов в головном мозге.

Отец согласно кивает.

— Мы с твоей матерью обнаружили это во время тестирования препарата.

— Значит, наши способности никак не связаны с близостью к Йаре и Гее? — уточняю я, пытаюсь скрыть боль в голосе.

— Уит так сказал? — спрашивает отец.

— Он сказал, что Йара и Гея — лишь метафоры, но поскольку у нас в клане поощрялось верование в них, это усилило наши способности. И ещё он сказал, что я могу Колдовать из-за того, что моя мать приняла особенно сильную версию Амрита в отличие от остальных.

— Сама как думаешь, это правда?

Я меняюсь в лице, и по щеке бежит слеза. Я сердито стираю её.

— Я больше не знаю, о чём думать. И ты, и все старейшины, вы лгали нам. Нам всем

промыли мозги.

Отец поднимает палец, хочет что-то сказать, но я не даю ему такой возможности.

— И не говори, что ты делал это ради блага клана. Я это понимаю, но всё ещё не могу принять. Ничто не сгладит то факт, что я выросла среди лжи.

Мой отец грустно кивает.

— Знаю. Но теперь тебе решать, во что верить. Можешь, как и Уит считать, что Йара, Гея, Чтение и твоё Колдовство... всё сводится к науке. А можешь думать, что есть что-то большее, чем то, что мы можем увидеть.

— А во что веришь ты? — спрашиваю я.

— Я верю, что Амрит возвращает нас к правильному состоянию. Состоянию, в котором человечество находилось с начала времён — общение с природой, долголетие, жизнь без болезней. На протяжении веков из-за нашего неправильного использования природы количество наших рецепторов в мозге уменьшилось, и мы потеряли возможность общения с Йарой. И человечество начало страдать от заболеваний и преждевременного старения. В Старом Завете есть упоминания о людях, проживших несколько веков.

Папа проводит рукой по волосам, решает, что сказать дальше.

— Думаю, давным-давно понятие Геи исчезло, но мы его возродили. Наука не противоречит этому. Напротив, я думаю, что наука и вера идут рука об руку. Но то, во что верю я, значения не имеет, — заканчивает он. — Тебе нужно решить это самой.

Я трясую головой, не в силах скрыть злость, и осматриваюсь в поисках нового предмета для обсуждения.

— Кстати, клан уже решил, куда идти, когда мы выберемся отсюда живыми?

Отец опускает глаза в пол.

— Что такое? — спрашиваю я.

Он поднимает на меня глаза.

— Мы много раз это обсуждали. Кое-кто из молодёжи решил отделиться от клана. Но большинство решило, что если ты нас поведёшь, мы последуем за тобой.

Я качаю головой.

— Не поведу.

Папа кивает. Он всё понимает.

— А что ты собираешься делать?

— Я ещё не решила.

— А я решил, — произносит отец. — Если ты окончательно решила порвать с кланом, я тоже уйду. С тобой. Мы можем отправиться, куда только пожелаем и начнём новую жизнь.

— Но, пап... — начинаю я. Он поднимает руку, прерывая меня.

— Но если ты не захочешь иметь ничего общего ни с кем из нас, я пойму. Пришло время тебе самой выбирать путь. Понять, кто ты есть, без клана. Каково твоё назначение на земле. Если ты решишь именно так, то я останусь с кланом и пойду с ними, куда бы они ни решили пойти.

Он тянется ко мне и сжимает мою руку в своих ладонях.

— Тебе выбирать, Джуно. Ты ничем не обязана клану. Ты ничем не обязана мне. — Он вздыхает. — Только ты сама управляешь своим будущим.

Я обнимаю папу, и мы долго-долго сидим так, не говоря ни слова — потому что для того, что мы можем сказать друг другу, слова не нужны.

ГЛАВА 50

МАЙЛС

Я толкаю дверь в комнату с трофеями и вижу, что Джуно и её отец сидят в углу, напротив раздражённого охранника. Я беру стул и подхожу к ним.

— Можно? — спрашиваю охранника.

Не зная, чего ещё ожидать, тот закатывает глаза и кивает.

Я ставлю стул рядом с Джуно. Она поднимает голову с папиного плеча.

— Ты ушёл с гор. И пришёл сюда, — говорит она. Её голос ничего не выражает, и я никак не могу понять, хорошо это или плохо.

— Ну, я чувствовал себя немного бесполезным, сидя там, один, в лесу, — отвечаю я, не в силах скрыть усмешку. Напряжённость в комнате плотная, осязаемая, словно её можно взять и порезать ножом, Джуно улыбается мне своей странной полуулыбкой и наклоняется, чтобы обнять. И это объятие заполняет каждый миллиметр пустоты внутри меня, оставленной после разговора с отцом. Как же не хочется отстраняться. Но тут сидит Уолтер, поэтому я просто сильно сжимаю её, а потом откидываюсь на спинку стула.

— Значит, встретился с моим кланом? — спрашивает Джуно.

Я киваю и улыбаюсь.

— Мне понравился Кенай. Я понял, почему вы двое так близки.

— А Нома?

Тут чувствую, что краснею, и бросаю смущенный взгляд на её отца.

— Дай угадаю, — широко улыбается Джуно, — она с тобой флиртвала.

Я краснею ещё больше. Киваю и начинаю оглядывать комнату, в попытке отвести от себя внимание. Уолтер смеется.

— Ну, не то, чтобы она флиртвала, — стараюсь я объяснить. — Она просто... ну, думаю, сделала мне комплимент...

Но прежде, чем я успеваю продолжить своё дурацкое объяснение, где-то в доме раздаётся звук выстрела. В противоположном конце библиотеки распаивается дверь, и в комнату входит Эйвери с ружьём в руках. Он проходит через всё помещение, выходит в вестибюль и орет нашему охраннику:

— Иди за мной!

— Но, сэр, как быть с заложниками?

— Плевать я хотел на них! За мной!

То же самое он кричит охранникам в кабинете и выходит на крыльцо с поднятым ружьём.

Уолтер моментально вскакивает на ноги.

— Я пойду к Холли. Как только на горизонте никого не окажется, я выведу её и Барсука.

Он выходит в коридор, и мы с Джуно остаемся одни.

— Нам надо идти, — говорит Джуно и берет меня за руку.

— Подожди минуту, — прошу я, — это важно.

Я засовываю руку в задний карман и достаю два предмета. Первый — её опаловое ожерелье.

— Я храню его с Солт-Лейк-Сити. Не думал, что оно тебе может понадобиться, но и не был уверен, что ты захочешь, чтобы я его выбросил.

Джуно крутит камни в руке, они мягко переливаются в тусклом свете комнаты. Не произнеся ни слова, она прячет его в карман и смотрит на меня, ждет, что же дальше.

— А это от Талли, — продолжаю я и протягиваю ей вторую записку.

— Папа рассказал, что ты связался с ней и попросил забрать детей и часть взрослых, — Джуно замолкает и оценивающе смотрит на меня. — Хорошая работа.

— Спасибо, — отвечаю я. — Но я бы предпочёл что-то вроде «Хорошая работа, ты великолепен. Я и сама не придумала бы лучше».

— Ты просто не дал мне договорить, — парирует Джуно с лёгкой улыбкой. — Я не очень эмоциональная, ты же знаешь.

— Да, «эмоциональная» — не первая твоя характеристика, которая приходит мне на ум, — соглашаюсь я. — Но ничего страшного. Вообще-то, эмоциональность переоценивают. Я и сам больше тащусь от сдержанных девушек.

Джуно широко улыбается.

«Хорошо, что мне удалось её отвлечь, прежде чем она прочитает записку от Талли», — думаю я. И словно прочитав мои мысли, она отводит взгляд и читает записку, которую я уже успел глянуть в лагере клана.

«Джуно. Я в последний раз прочла кости, перед тем как отправиться за твоими людьми. Помнишь битву, которую я видела? Она будет физической. И кровавой: кто-то умрёт. Прости, что говорю это тебе, но повторю снова: я видела, что всё зависит от тебя. Вспомни идею, поданную Борегаром: призови. Когда всё закончится, тебе придётся принять несколько решений. Знай, что двери моего дома всегда для тебя открыты. Моя богиня и я всегда будем тебе рады, моя сестра по Видению».

Закончив читать, Джуно стоит, стиснув. Она буквально за секунды словно стала старше лет на десять, словно все беды мира лежат на её плечах. Я вижу, что она практически тонет в своём кресле под их тяжестью.

Она кладет записку в задний карман к ожерелью.

Я приподнимаю бровь.

— И...?

— Кровавая битва. Кто-то умрёт.

— А что насчет последней части письма? — поясняю я.

— Приятно знать, что у меня есть выбор, — осторожно произносит она.

— Ты можешь выбрать все, что угодно, — отвечаю я, не в силах больше сдерживаться. Я обнимаю её и целую. Теперь, когда я познакомился с её семьей, с её кланом, все отдельные мазки жизни Джуно слились воедино и приняли форму. Я вижу всю картину. И эта картина мне нравится. И я хочу быть частью этой картины.

Джуно тоже обнимает меня и яростно отвечает на поцелуй, словно знает, что это может быть в последний раз. В моём теле будто бомба разрывается, между нами искрится энергия. Я не хочу прерывать поцелуй. Я хочу остаться здесь, связанным с Джуно, хочу вырабатывать столько энергии, что можно было бы осветить целый город, пока мои губы касаются её губ, лица, её шеи. Но, в конце концов, она все-таки отстраняется. Берет меня за руку и произносит:

— Прости, что оставила тебя.

— Даже не начинай, — возражаю я. — Не нужно ничего объяснять. Я всё понимаю.

— Но я бросила тебя, — с сожалением произносит она.

— Ты пыталась меня защитить.

Джуно кивает, признавая это.

— Просто не делай так больше, — прошу я. — Мне не нужна защита.

Джуно поджимает губы.

— Что такое? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Тебе не обязательно в этом участвовать, Майлс. Талли написала, что будут жертвы.

— Ты шутишь? — говорю я и снова её обнимаю. — Я буду рядом с тобой, — шепчу я ей на ухо. Её волосы щекочут мне лицо. — Всегда. К тому же, как ты могла заметить, ты не можешь меня остановить. Ты можешь меня лишь замедлить.

Джуно грустно улыбается и берет меня за руку.

— Тогда пойдём, — говорит она.

Мы выходим на крыльцо, и через секунду за нашими спинами появляются Уит и доктор. Мы замираем на месте: охранники, которых отправили патрулировать лес, теперь со всех ног бегут к особняку.

А за ними бегут люди Джуно, преследуя армию Эйвери от самого леса.

Битва началась.

ГЛАВА 51

ДЖУНО

Мои люди ведут честный бой — не пытаются убить, стреляют, чтобы вывести из строя. Целятся в ноги. Пока им удастся обойтись без ранений, они прячутся за деревьями, кустами и всем, что может их прикрыть, выжидают удобный момент для выстрела. Они десятилетиями готовились к битве с вооружёнными бандитами. Они знают, что делать.

По их построению — по тому, как они рассредоточились по двору — я понимаю, что они задумали: освободить путь для моего отца, Холли и Барсука. И после этого они тоже все уйдут.

«Если смогут», — возникает в голове непрошенная мысль, и моё сердце екает, когда в свете прожекторов я вижу, как пуля попадает в одного из моих людей, и он падет. Это Стерлинг. Она прижимает руку к бедру и заползает за валун, который использовали для ландшафтного дизайна ранчо. Я с облегчением выдыхаю. Жива. Пока.

Но этот единственный выстрел меняет всё. Время пришло — это действительно настоящий бой, как и предупреждала Талли. Её слова не пустое предупреждение. Это призыв к действию. Она получила для меня послание от своей собственной версии Йары. Или, если всё в этом мире действительно связано, то, значит, от самой Йары.

— Не Читай. Не Колдуй, — говорила Талли. — Призови..

Передо мной бушует битва, но для меня время словно остановилось. Я заставляю себя очистить разум и погружаюсь в раздумья: что же значило пророчество Талли? *Что я должна Призвать?*

«Во что ты веришь?» — спрашивает меня внутренний голос. Я думаю о приобретённом за последние восемь недель опыте. Как развалилась моя система верований, и как я восстанавливала её, камень за камнем.

— Сомневайся во всём, — как-то сказала мне Талли. — Оставляй лишь то, в чём уверена. А то, что решаешь выбросить, заменяй тем, что говорят тебе инстинкты.

А мои инстинкты говорили, что у меня есть прямая связь с Йарой — и очень прочная, такого я себе раньше и представить не могла. Она не требует использования амулетов... или другого «реквизита». Йара — сила, текущая сквозь все предметы — течёт и через меня.

Мой отец призывал меня решить, во что я верю. Принять собственное решение: что есть Йара и что есть Гея. И я осознаю, что только что его приняла.

Я знаю — глубоко внутри — что Гея не просто состоит из атомов. Гея — нечто больше, чем просто наука. Гея — это сверхорганизм, живое разумное существо, которое использует своих детей — тех, кто связан с ней в единое целое — для собственной защиты. Гея даёт нам новые возможности и награждает, сохраняя нас — охраняя от болезней. От привычного человеческого старения.

Уит думал, что Амрит работает на ком угодно — даже не на детях Йары. Но я вижу, как Эйвери становится на колени и стреляет по мраморному оленю в центре фонтана. Уит не прав. Гея знает, кто будет ей служить, а кто — нет.

Я поднимаю голову к сияющей сквозь облака луне и понимаю, что сейчас в моей голове рождается истина. Она уже готова сорваться с моего языка. Наши взаимоотношения с Геей — это симбиоз. Она использует нас, чтобы защитить себя, а взамен защищает нас. И именно мощь Геи я и должна призвать.

Осознав это, я запрокидываю голову, а руки раскидываю в сторону — обычно так делаю, когда Читаю ветер. И всем своим существом зову мать. Исток. Сосуд всего сущего. Я зову её помочь её же людям. Защитить её саму и её собственность. И когда я открываю глаза, она отвечает.

Дождь усиливается, ветер сбивает с ног и не дает нападающим удержаться на ногах. Кажется, будто муссон ^[22] обрушился на этот клочок пустыни в центре Нью-Мексико.

Мои люди знают, как справляться со стихией. Мы всю жизнь прожили на природе. Я знаю, что они умеют использовать камни и деревья для ловушек на охоте, что они маскируются по погоде, когда перебираются с места на место. А армия Эйвери тем временем распадается, ища убежище и стреляя наобум во все стороны.

А потом, еле заметные в потоках воды, из леса появляются тёмные фигуры, медленно отделяются от деревьев. Животные! Гея послала животных. И они идут напрямик в нашу сторону.

Дождь льет, как из ведра, животные преследуют охранников от самого леса, и такое ощущение, что на земле воцарился ад. Я опознаю очертания огромных кошачьих, волков и даже одного медведя. Но хорошо рассмотреть что-либо можно лишь на лужайке перед особняком, которая со всех сторон освещается прожекторами.

Эйвери и четверо охранников сгорбились за фонтаном с поднятыми ружьями, целятся в животных, пытаются стрелять в них и не зацепить своих.

Со стороны их группы раздаётся выстрел, и я вижу, как на землю, рыча, валится раненый тигр.

— Они убивают животных! — кричу я.

Всё это время Майлс стоит у меня за спиной, но я так сконцентрировалась на своём задании, что совершенно забыла о нем, пока он не вышел вперёд. Кажется, будто он что-то высчитывает, осматривая поле военных действий, потом я замечаю, как он прищуривается. Внезапно один из прожекторов взрывается, и освещаемый им участок погружается в кромешную тьму. У меня отвисает челюсть.

— Майлс! — восклицаю я. — Что ты только что сделал? Ты Колдовал?

Майлс поворачивается и смотрит на меня... такого взгляда я у него ещё не видела. Наверно, именно об этом говорил мой отец, утверждая, что у Майлса «есть задатки лидера». Это взгляд сильного Майлса. Гордого Майлса. Майлса, который находится в своей стихии. И меня переполняет невероятная гордость. Он со мной. Этот уверенный в себе мужчина заботится обо мне. Возможно, *даже любит меня*. Потому что я и сама начинаю понимать, что чувствую к нему.

Он замечает мои чувства, берет меня за руку и притягивает к себе.

— Поговорим об этом в другой раз, — говорит он, указывая на одну из сторон двора. — Возьми на себя те прожекторы, а я возьму остальные.

Не проходит и минуты, как все прожекторы выведены из строя, лужайка погружена во тьму.

— Надеюсь, твои люди умеют видеть в темноте, — говорит Майлс.

— Поверь мне... Умеют, — отвечаю я, вдруг слышу за спиной знакомый свист. Сквозь открытую дверь мне видно, как с верхнего этажа спускается отец, с ним Холли, несущая Барсука с круглыми от удивления глазами. С ними бежит одетая в белую форму горничная, ведет их по лестнице, в сторону комнаты трофеев.

— Иди с ними, — говорит Майлс и ныряет в темноту, держась у передней стороны дома

и подалее от линии огня.

— Будь осторожен! — кричу я.

— Как всегда! — слышу я в ответ.

Я вхожу внутрь и бегу вслед за отцом, прохожу вместе с ними через увешанную головами животных комнату в прихожую и оттуда дальше в гараж.

— Возьмём Хаммер, — сообщает женщина. — Они обычно оставляют ключи в замке зажигания.

Она уверенно прокладывает путь среди автомобилей к чудовищной машине. Открывает для Холли заднюю дверь, и та моментально забирается на сиденье и начинает пристёгивать Барсука. Горничная запрыгивает на пассажирское сидение, а папа садится за руль.

Снаружи раздаются крики людей и животных, разрывающих ночную тишину. Папа поворачивается ко мне.

— Джуно. Едем с нами.

Я лишь качаю головой.

— Я остаюсь. Битва только началась. Но вам следует придерживаться первоначального плана: спасти Барсука и его маму.

Мой отец выходит из машины и обнимает меня. Крепко сжимает в объятиях и шепчет на ухо:

— Я лишь хочу, чтобы ты была осторожна.

Я чуть отстраняюсь и заглядываю ему в глаза.

— Я буду осторожна. Обещаю.

Он забирается обратно в машину, пристегивает ремень и заводит мотор. Опустив стекло, он спрашивает:

— Ты приедешь к нам в Розуэлл?

Сначала я автоматически киваю, но потом, глядя в пол, отрицательно качаю головой.

— Нет, пап. Я не приеду.

Он печально кивает.

— Не забывай, что я люблю тебя, Жучок, — произносит он.

— Не забуду. И я тебя люблю, пап.

Включив заднюю передачу, он медленно выезжает на гравийную дорогу. Холли на заднем сидении заставляет Барсука пригнуть голову и сама наклоняется, чтобы никто их не заметил. Горничная показывает отцу дорогу, он включает дальний свет и с громким рёвом выезжает на дорогу перед фонтаном, разгоняя Эйвери и его охранников с пути. Их побег оказывается таким внезапным, что никто не успевает среагировать, а когда начинают стрелять по машине, она оказывается уже слишком далеко, чтобы в нее можно было попасть. Слышен визг шин в тот момент, когда Хаммер сносит ворота, и вот уже машина выезжает на основную дорогу и скрывается за деревьями.

Краем глаза я замечаю, что в дальний край гаража проскользнули три фигуры, и прячусь за одной из машин. Достая из заднего кармана скальпель и выдвигаю лезвие. Еще никогда не приходилось нападать на кого-то с колющим оружием, но после того, что я видела сегодня ночью, я готова справиться с целой армией с помощью одного этого маленького лезвия. Моё сердце бешено колотится, я застываю в ожидании какого-либо звука.

И тут раздается голос, эхом отдаваясь в огромном помещении:

— Это мы, глупышка!

Я выпрямляюсь и выглядываю поверх машины. Ко мне идет Нома, а за ней по обе

стороны Кенай и Майлс.

— Мы пришли с миром, о, повелительница смертоносного медицинского инструмента! — с издёвкой говорит Кенай, бросая мне что-то. Я бросаю на землю скальпель и ловлю рукой свой арбалет.

— А вот и твой нож, — добавляет Нома, протягивая мой охотничий нож в ножнах.

Я не могу сдержать улыбки. Качаю головой — не верится, что три моих самых любимых человека вместе, я киваю в сторону хаоса, творящегося на улице.

— Ну что, готовы сразиться с парочкой бандитов?

ГЛАВА 52

МАЙЛС

Мы выходим из гаража и идем туда, где битва в полном разгаре; отличить, где люди клана, а где наемники Эйвери, практически невозможно, еще и животные постоянно снуют между ними. В темноте, под проливным дождём перемешалось все: шерсть, военная экипировка и грязь, — ничего не разглядеть.

— Стреляем на поражение? — кричит Кенай.

— Нет, — отвечает Джуно, одевая пояс, взятый у Номы, и вешая на него охотничий нож. — Только выводим из строя.

— Джуно, но эти парни убили наших собак. Похитили нас. Держали в плену, — Кенай пытается перекричать шум.

— Только выводим из строя, — повторяет Джуно.

— Скорей всего на них кевларовые жилеты! — кричу я Джуно.

Все трое поворачиваются ко мне, судя по выражению их лиц, они не понимают, о чем речь. Видимо, слова «кевлар» в «Энциклопедии Британника» не было.

— Бронежилет, — поясняю я. — Он прикрывает грудь и спину.

— Понятно, — отзывается Джуно. — Тогда целься в руки и ноги, Кенай. Нома, ты целишься из пращи в лицо.

И они срываются с места: Джуно с арбалетом, Кенай с мощным мини-луком и стрелами и Нома с пращей и парой острых камней.

Наблюдать за Джуно и её друзьями в битве — все равно, что смотреть голливудский фильм про безумных ниндзя. Все трое, словно один человек — все движения синхронизированы.

Я чуть отстаю, не решаюсь стрелять. Боюсь, что попаду в кого-то из своих. Не знаю, как Джуно с приятелями это делают, но я ясно слышу сквозь темноту вопли и крики охранников, встречающихся у них на пути.

Недалеко от меня один на один схлестнулись один из парней Эйвери и крупный мужчина, которого мне в лагере клана представили как Кордову. У охранника, видимо, закончились патроны, потому что он использует автомат, как дубинку, защищаясь от вооружённого ножом мужчины. А тем временем за спиной парня Эйвери переминается с лапы на лапу огромная кошка, будто ждет, когда же придёт её черёд вмешаться в битву.

И тут до меня доходит: животные сражаются на *нашей* стороне.

Но в этом нет никакого смысла. Джуно как-то рассказывала, что у них в клане всегда было одно ружьё на случай нападения животных, а одного из их людей однажды разорвал медведь. Ещё клан может Читать животных. Но единственным воздействием на них, о котором рассказывала мне Джуно, была открытая ими с Уитом способность переправлять По с места на место.

Что-то изменилось. Казалось, природа сегодня на нашей стороне. И мне приходит в голову странная мысль. Может, природа *пришла* к нам *на помощь*. Нет, не просто природа. а Природа, с большой буквы «П». Или Гея. Проливной дождь и ветер начался как раз в тот момент, когда клан пошёл в атаку. Животные присоединились к битве. Возможно, Гея не просто существует, может этот сверхорганизм, о котором столько рассказывала Джуно, имеет собственную волю. И средства к её осуществлению.

Оба парня на секунду расходятся. Я решаю воспользоваться моментом, поднимаю арбалет и прицеливаюсь в охранника, стараясь просто обезвредить, как и просила Джуно. Сложно что-то разглядеть, но я сосредотачиваюсь, выдыхаю и стреляю.

Где-то с секунду ничего не происходит, затем охранник выпускает из рук автомат и падает на землю, держась за простреленное бедро. Пума тотчас атакует, набрасывается ему на спину и целится в шею. Она мотает головой во все стороны, стараясь сломать мужчине шею, и чем-то напоминает мне мамину кошку, играющую со своей добычей. У того несчастного бурундука не было шансов. Как и у охранника сейчас.

Кордова наклоняется вперёд, упирается руками в колени, пытается стоять ровно. Взглянув на меня, он благодарно кивает и падает на землю. Я забрасываю арбалет за спину и кидаюсь к нему.

— Ты ранен? — спрашиваю я, забрасывая его руку себе на плечо, и помогаю подняться.

— Пуля, — стонет он, и убирает руку, на боку рана, из которой сочится кровь, её тут же смывает дождь.

— Идём внутрь, — говорю я, помогая ему добраться до гаража, где только что начинает сдавать назад седан доктора. Я усаживаю Кордову на место уехавшего Хаммера и подбегаю к движущейся машине. Стёкла у нее полностью запотели, и доктор высовывает голову из окна, чтобы рассмотреть, куда ехать.

Я нагибаюсь и стучу в полуоткрытое окно пассажирского сидения.

— У меня для вас пациент, — произношу я.

— Иди к чёрту! — орет доктор.

Я снимаю с плеча арбалет и прицеливаюсь поверх опущенного стекла.

— Я сказал, что у меня для вас пациент, — повторяю я.

Доктор оборачивается, замечает оружие и поднимает руки.

— Глушите двигатель, — приказываю я, — и отдайте мне ключи.

Доктор быстро выполняет обе команды.

— А теперь вылезайте из машины и позаботьтесь о его ране. Я верну вам ключи, как только состояние мужчины будет стабильным.

Джуно выскакивает из-за пелены дождя.

— Я увидела, как вы с Кордовой зашли сюда. Он в порядке? — задыхаясь, спрашивает она.

— В порядке, — отвечает Кордова, лёжа на полу. — Надо что-то посерьёзней, чем простая пуля в бок, чтобы отправить меня к матери-Гее.

Доктор открывает багажник, достает оттуда аптечку и склоняется над раненым мужчиной.

Вдруг от дальнего угла гаража с рёвом отъезжает ATV-вездеход. Не включая фары, он сдает чуть назад и останавливается прямо около нас. За рулём сидит один из людей моего отца, рядом ним на пассажирском сидении — второй охранник, а на заднем сидении — мой отец и Уит. Бывший наставник Джуно открывает дверь и выскакивает наружу.

Он рукой показывает на сидение и говорит:

— Залезай, Джуно.

— Да ты ещё ненормальнее, чем я думала, если считаешь, что я с тобой поеду, — отвечает она, тянется за арбалетом. Но прежде, чем она успевает поднять его, охранник отца высовывает в окно пистолет.

— Этот человек велел тебе забираться внутрь, — ухмыляется он, направляя дуло в

голову Джуно.

— Эй! — кричу я и бросаюсь к Джуно, но она вскидывает руку, останавливая меня.

— Бросай оружие, — настаивает охранник.

Джуно разжимает руку, арбалет падает на землю у её ног. Не сводя глаз с охранника, она медленно распрямляет плечи и скрещивает руки на груди.

— Ну давай же, — говорит она. — Стреляй.

ГЛАВА 53

ДЖУНО

— Давайте обойдемся без представлений, — говорит Уит, быстро вклиниваясь между мной и охранником. — Позвольте мне поговорить с ней пару минут.

— Отлично, — насмешливо произносит мистер Блэквелл. — Там снаружи кровавая бойня, но вы, конечно же, можете не торопиться, мистер Грейвз.

Уит не обращает внимания на его слова, берет меня за руку и говорит:

— Джуно, нам надо поговорить.

Я пытаюсь вырвать руку, но Уит держит меня железной хваткой. Он бросает на Майлса раздражённый взгляд и поглядывает на улицу, где ливень внезапно прекратился и стали слышны звуки с «поля боя».

— Джуно. Давай выйдем. Поговори со мной хоть пару секунд. Хотя бы, попрощаемся.

И он улыбается той самой печальной улыбкой, напомнившей мне обо всех подарках, что он мне когда-либо дарил, о той заботе, с которой меня обучал, обо всех последних двенадцати годах, в течение которых он готовил меня к моей роли.

— Ладно, поговорим. Но Майлс будет держать тебя под прицелом и выстрелит по первому моему сигналу.

— Спасибо за доверие, моя милая, — произносит Уит. Он отпускает мою руку, и я выхожу за ним из гаража, мы останавливаемся в паре метров от входа и подальше от линии огня. Майлс выходит вслед за нами, прислоняется к стене и целится из арбалета Уиту в спину.

Уит подходит ко мне очень близко и начинает говорить.

— Джуно, ты нам нужна, — умоляет он.

— Вам нужна моя кровь, — возражаю я.

— Да, нужна. Но не только я выиграю от этого — весь клан будет щедро вознаграждён. Это я и пытался тебе всё время объяснить.

— Уит, как только клан выберется отсюда и окажется в безопасности, мой долг по отношению к ним будет выплачен.

— Как ты можешь такое говорить? — Уит выглядит искренне удивлённым. — Клан — твоя семья. Твоя вселенная.

— Моя вселенная лгала мне. Моя вселенная решила за меня, что мне следует думать. Мной достаточно манипулировали. И как только мы выберемся отсюда — с меня будет довольно.

Уит закрывает глаза и глубоко вдыхает. Затем опускает руки и качает головой.

— Когда стало ясно, что твоя мать станет моим преемником, я понял, что она станет такой же могущественной Видящей, как и я. Мы во многом были равны.

Но ты, ты с самого начала превосходила её. Твои возможности в пять лет были такими же, как у неё в сорок пять. И хотя она трагически погибла, она оставила тебя, чтобы продолжить свое дело. И в один прекрасный день возглавить клан.

Твоя мать так тобой гордилась. И она гордилась бы ещё больше, если бы знала, на что ты сегодня способна. Ты не понимаешь, насколько ты важна. У тебя есть возможность изменить человечество.

Слова Уита источают мёд. Он знает, на какие точки давить, чтобы заставить меня

плясать под его дудку. По крайней мере, знал раньше. Но есть еще что-то, что не дает мне покоя, зудит где-то внутри. Я прокручиваю в уме последние пару минут. Что-то в словах Уита насторожило меня. И когда я понимаю, что именно, меня будто ударили под дых. Трудно дышать. Я смотрю на Уита, широко раскрыв глаза.

— Что такое? — озадаченно спрашивает он.

Я закрываю глаза и прижимаю ладонь к сердцу, пытаюсь сделать хотя бы вдох.

— Ты только что сказал, что мою маму выбрали тебе в преемники. Но прежде, сколько раз ты не рассказывал эту историю, ты всегда говорил, что сам выбрал её.

— Это одно и то же, — быстро отвечает Уит.

— Нет! — перебиваю я его. — Не одно и то же. Кто решил, что моя мать будет твоим преемником?

— Ну, старейшины решили, что будет лучше, если власть будет переходить от одного к другому, а не находиться постоянно в одних руках. И поскольку твоя мать была единственной, кто умел Колдовать, выбор был очевиден — она станет Видящей, пока ты не достигнешь совершеннолетия.

— Уит, это абсолютно не то же самое. Моя мать готовилась тебя сменить. — Наконец каждый кусочек головоломки у меня в голове встал на свое место. — И тебе это не понравилось, так? Она проверила мою кровь перед своей смертью. Ты знал, что я смогу занять её место и что Амрит по-прежнему можно будет готовить. Что случилось бы, если бы она стала Видящей? Ты бы не смог больше выбираться во внешний мир? И не смог продавать Амрит, который моя мама хотела спрятать от человечества для их же блага?

А вот если бы Видящей стала я, воспитанная тобой, ты мог бы быть уверен, что я пойду тебе навстречу. Что я не стану выступать против тебя... Против продажи Амрита. Ты делал это не ради денег. И не ради клана. А ради себя. Ради славы. Я знаю тебя, Уит. Если бы ты смог увековечить своё имя, если бы все те старые академики, о которых ты рассказывал и которые считали тебя сумасшедшим, стали бы тебя превозносить — для тебя это было бы лучшей наградой, чем любое состояние, которое ты смог бы выручить от продажи Амрита.

У Уита начинает дёргаться веко, а выражение его лица словно говорит: «Да заткнись же ты!».

— Ты убил мою мать, Уит. Я права?

Он отвечает низким угрожающим голосом:

— К смерти твоей матери я не имею никакого отношения, Джуно.

Я всматриваюсь в его лицо. Долгим пристальным взглядом оцениваю черты его лица, как он меня учил.

— Нет, ты её не убивал. Но ты Прочёл, что она умрёт. Никто и никогда не задумывался о том, чтобы заглянуть в её будущее, чтобы узнать, когда она умрет... ведь ни у кого не было причины думать об этом. Ни у кого, кроме тебя. Ты искал всё, что может навредить ей в ближайшие пару лет. И ты Увидел это, но ничего не сделал, чтобы предотвратить увиденное.

Я внимательно слежу за выражением его лица и понимаю, что права.

Лицо Уита искажается от ярости.

— Сейчас это не имеет значения! — орет он. Он берет меня за плечи и сильно трясет. — Я учил тебя, Джуно. Всё, что ты знаешь... Всё, что умеешь, ты умеешь благодаря мне. Ты моя. И сейчас ты едешь вместе со мной.

Он хватается меня за руку и тащит к машине.

Вдруг, практически из ниоткуда, с громким карканьем появляется По и ловко пикирует

на голову Уита. Он отпускает мою руку и пробует отогнать нападающую птицу. Затем раздаётся вопль, и он падает на землю.

В руке, которой он только что меня держал, торчит арбалетный болт, Уит хватается за него, пытается вытащить. Я прыгаю на него сверху, опрокидываю на спину и прижимаю его плечи к земле. Достаяю из ножен нож и приставляю к горлу Уита.

— Ты позволил моей маме умереть. Ты манипулировал мной. Ты предал наш клан.

— Джуно, клянусь, я делал это ради твоего блага и блага всего клана, — хрипит Уит, стискивая зубы от боли. Всё его лицо в ярко-красных царапинах от когтей По, швы на лбу разошлись. И рана, возникшая после той аварии, снова начинает кровоточить.

— Лжец! — кричу я. Со стороны леса доносится какой-то шум. Я узнаю этот звук. Поднимаю глаза и вижу во мраке неуклюже бредущую к нам фигуру. Я сильнее хватаюсь за нож и неосознанно задеваю лезвием шею Уита, гляжу, как вниз по коже сбегает тонкая струйка крови.

Уит щурится.

— И что ты собираешься делать, Джуно? Убить меня? Ты собираешься откинуть всё, чему тебя раньше учили, и убьёшь безоружного человека?

Он практически выплевывает эти слова мне в лицо, и мне очень хочется сделать именно то, на что, как он считает, я не способна.

«А ведь он прав», — думаю я. И, осознав это, я принимаю решение. Я отдам его в руки Геи.

Ослабляю свою хватку, поднимаюсь, но продолжаю стоять прямо над ним.

Он смотрит на меня, и в его глазах читается превосходство: он считает, что одержал победу надо мной. Я разворачиваюсь и иду прочь.

— Я знал, что ты этого не сделаешь, — кричит он вдогонку.

— Я делаю лишь то, что считаю справедливым, — отвечаю я. — Ты не убивал мою маму, но позволил ей умереть. Так что я просто возвращаю должок.

Уит смотрит на меня, ничего не понимает, но потом ему удастся проследить за моим взглядом. Он успеваает крикнуть лишь один раз, прежде чем до него добирается медведь.

Я разворачиваюсь и иду к Майлсу, он бросается ко мне через всю лужайку с арбалетом в руке. По моему лицу бегут слёзы, Майлс обнимает меня и крепко прижимает к себе.

Снова раздаётся рев двигателя автомобиля, машина едет к нам по траве, разбрасывая комья грязи. Свет в салоне высвечивает перекошенное от злости лицо мистера Блэквелла.

— Твой отец! — кричу я. — Он возвращается за нами!

Майлс оборачивается, чтобы посмотреть, но тут по машине ударяет автоматная очередь, один из охранников ранен, он вываливается через пассажирскую дверь и остаётся лежать без движения.

— Вывози нас отсюда! — рычит мистер Блэквелл. Водитель жмет на газ, мы с Майлсом ошарашены, и нам остаётся лишь смотреть, как удаляется автомобиль. Когда он проезжает по двору, его фары выхватывают из темноты фонтан и лежащего рядом с ним и корчащегося от боли Эйвери.

Он зажимает бедро двумя руками, его штаны насквозь промокли от дождя и крови и наполовину разодраны. Он встречается со мной взглядом и громко стонет:

— Помоги мне!

Я отодвигаюсь от Майлса и вижу, как Эйвери поднимает обе руки вверх.

— Клянусь, я безоружен, — снова кричит он и снова жалобно стонет. Никого из его

людей поблизости не видно.

Я бросаю взгляд на Майлса, пытаюсь угадать его реакцию.

— Пусть истекает кровью, — говорит он с каменным лицом. Я ничего не отвечаю. Он оглядывает это жалкое зрелище у фонтана и снова переводит взгляд на меня.

— Чёрт. Мы собираемся ему помочь, я правильно понимаю? — уточняет он. Я киваю, и мы направляемся к Эйвери.

— Итак, — произносит Майлс, когда мы подходим к раненому, — мы поможем вам добраться до гаража, где ваш доктор помогает раненым.

Он встает у головы Эйвери, кладет на землю оба арбалета, а я наклоняюсь, чтобы поднять раненого за ноги.

— Этого не будет, потому что здесь только я могу отдавать приказы, — произносит Эйвери, вытягивая из-под себя ружьё и целясь Майлсу в голову. Я автоматически выхватываю нож, но Эйвери замечает мой манёвр и взводит курок.

— Брось нож, — приказывает он.

Я выбрасываю нож, и, как и Майлс, поднимаю вверх руки и отступаю назад. Эйвери прислоняется спиной к фонтану и сантиметр за сантиметром выравнивается, продолжая целиться Майлсу в лицо.

— А сейчас вы двое поможете мне добраться до одной из машин и вывезете меня к чёртовой матери отсюда, — говорит он, кивая в сторону гаража.

Слева раздаётся знакомая соловьиная трель, скосив глаза, я замечаю Ному, притаившуюся за валуном вне поля зрения Эйвери. Посреди этого хаоса она единственная заметила, что происходит. Я легким кивком указываю на Эйвери, давая сигнал, чтобы она в него выстрелила. Но Нома поднимает свою пращу и трясет мешочек, показывая, что он пуст.

Нома глазами указывает в сторону, затем снова смотрит на меня, хочет показать, что сейчас сбегает за подкреплением. Я отрицательно качаю головой. Если она покинет своё укрытие, Эйвери может её заметить и выстрелить в Майлса.

Пытаясь придумать выход из ситуации, я инстинктивно тянусь рукой к опаловому ожерелью, как всегда раньше делала во время стрессовой ситуации. Потом я вспоминаю, что *оно пропало*. И вдруг замираю.

Я смотрю на Эйвери, он обхватывает Майлса за плечо и опирается уже на него, а не на фонтан, но по-прежнему продолжает целиться Майлсу в голову. Эйвери кричит:

— Мисс Ньюхейвен! — и я бросаюсь вперёд, будто собираюсь помочь. На какую-то долю секунды Эйвери опускает ружьё, чтобы забросить руку мне на плечо, и этого времени мне вполне хватает.

Я тянусь к заднему карману, вытягиваю ожерелье и бросаю его в сторону валуна, за которым прячется Нома. Она выпрямляется, ловит его, одним плавным движением заряжает пращу, натягивает ее и стреляет. Эйвери кричит, выпускает ружьё и падает назад, перекувыркнувшись через бортик фонтана, прямо в воду. Он, шатаясь, поднимается, из глазницы, куда попал камень, течет кровь. Затем так же внезапно он теряет сознание и падает в воду. Теперь уже он всплывает на поверхность, как пробка, лицом вниз, а вокруг его головы расплывается красный ореол.

ГЛАВА 54

МАЙЛС

Последствия просто ужасны. Тучи исчезают, и снова показывается луна, освещает серебристым светом все вокруг. Лужайка теперь больше походит на поле битвы во время Гражданской войны: весь двор усеян трупами животных и людей, а в грязи стонут раненые. Животные, которых не зацепило пулями, исчезают за деревьями.

Всё кончено.

Люди Джуно удерживают восьмерых охранников. Мужчины столпились в кучу, стоят с поднятыми вверх руками, а Нома и Кенай целятся в них из пистолетов, ожидая дальнейших приказаний.

Джуно направляется к своему клану, на ней просто лица нет. Не важно, что она думала о Уите, она все равно тяжело переживает его смерть. Её глаза красны от слёз, она прижимает к ним ладони и делает глубокий вдох.

— Мне надо позаботиться обо всём, — произносит она.

— Я буду рядом, — отвечаю я и беру два больших фонаря, которые успел захватить из гаража. Джуно проводит рукой по мокрым волосам, поправляет одежду и уверенным шагом идет к группе пленников. Они щурятся и хмурятся, когда свет от фонаря падает им в лицо.

— Кто здесь? — спрашивает она, потом, осмотрев тёмное поле битвы, издает громкий музыкальный свист.

К ней сразу же подходят люди ее клана. Они обменяли своё простое самодельное оружие на ружья врагов.

— Сейчас будем решать, как вывести вас всех отсюда. Никто не против?

В ответ слышится согласное бормотание.

— Старейшины, вы предоставите мне полномочия? — Джуно громко задает свой вопрос. Наступает неловкая тишина, и одна из женщин выходит вперед.

— Джуно, дорогая, за время твоего отсутствия мы отказались от права руководства, в том числе и от права принимать решения за весь клан. Сейчас ты здесь главная.

Она делает шаг назад и занимает своё место среди остальных.

Джуно явно чувствует себя неловко, но она все же согласно кивает.

— Хорошо. Тогда начнём. Кто ранен?

— Стерлинг ранена в ногу, но с ней всё будет в порядке. С ней Палмер, — отвечает кто-то.

— Там в гараже доктор занимается Кордовой, — говорит Джуно. — Скажите ему, чтобы после этого он осмотрел Стерлинг.

Женщина кивает и отделяется от группы.

Затем Джуно кивает двум подросткам, стоящим с краю.

— Гомер, Ток, прочешите лужайку. Забирайте любое оружие, даже у мёртвых, и складывайте рядом с крыльцом. Нам не нужно, чтобы кто-то очнулся и добрался до автомата.

Парнишки переговариваются шепотом друг с другом и разбегаются в разные стороны.

— Старейшины, отведите одного из пленных к казарме. Пусть покажет, где у них стоят машины. И три из них нужно будет подогнать сюда.

Трое старейшин кивают, и, взяв под руки охранника, ведут его к казарме.

Джуно поворачивается лицом к группе охранников.

— Вот как мы поступим дальше. Мы даем вам три машины. Вы позаботитесь о своих убитых и раненых. Загрузите их в машины и сразу же уедете.

Затем она обращается к высокой, стройной женщине со светлыми волосами, собранными сзади в хвост.

— Эстер, осмотри животных. Остальные пусть тебе помогут. Умиравших животных отправьте к Гее. Тех, кому нужно больше помощи, чем вы можете оказать на месте, загрузите в грузовики и отвезите в Розуэлл.

Затем Джуно поворачивается к последнему оставшемуся члену клана.

— Лейкс, иди за мной.

Она забирает у него из рук ружьё и передает мне.

— Охраняй пленников с Кенаем и Номой, — приказывает она, а потом шепотом добавляет:

— Пожалуйста, — и тайком подмигивает.

Джуно с Лейксом отходят в сторону, она на ходу ему что-то объясняет. Буквально через минуту они, кажется, начинают спорить. Что бы она ему там не говорила, Лейкс явно расстроен. Но в конце концов он сдается, и они оба возвращаются обратно: Джуно с упрямо поднятым подбородком, Лейкс с угрюмым выражением лица.

Со стороны казармы слышится звук заведённого мотора, и уже через минуту перед домом стоят три грузовика. Старейшины вылезают из-за руля, присоединяются к Лейксу, Кенаю и Номе и рассредоточиваются по двору, сопровождают охранников, выискивая вместе с ними раненых и убитых и загружая их в грузовики. Хотя они и идут за пленниками по пятам, держа их на прицеле, складывается впечатление, что оружие им вовсе и не нужно. Охранники и сами рады поскорей убраться отсюда. А пока они бродят по лужайке и бросают настороженные взгляды на своего бывшего босса, плавающего в фонтане.

Наконец последний человек залезает в грузовик, и они медленно едут через двор, пока совсем не скрываются из вида. Все члены клана стоят перед Джуно, она поднимает руку, давая понять, что хочет что-то сказать.

— Идите обратно в казарму и возьмите столько машин, сколько сможете. У нас четверо старейшин, но если кто-то ещё хочет попробовать водить машину — думаю, никто против не будет. Если вы собираетесь в Розуэлл, вам понадобится как можно больше машин.

Это последнее задание от меня. С этого момента вы сами по себе. Держаться ли и дальше клану вместе или нет — решать только вам. Но я с вами не иду.

Все присутствующие дружно вздыхают.

— Пока не иду, — уточняет Джуно. — За эти недели у всех вас было время, чтобы разобраться между собой. Чтобы вспомнить прошлое и задуматься о будущем. Чтобы простить друг друга, — произносит она, глядя прямо на старейшин.

— С отцом я уже всё обсудила, — продолжает Джуно. — Он сказал, что вы все готовы следовать за мной. Я благодарна вам за то, что вы готовы доверить мне своё будущее. Но я не смогу мудро вами руководить, если и сама не знаю правды.

Мне нужно время, чтобы всё обдумать. Чтобы отделить то, во что я верю, от того, чему меня учили с детства. Уверена, многие из вас сделают то же самое, и мне очень интересно будет знать, к каким выводам каждый из вас пришёл. Я вас не бросаю. Просто... беру перерыв. Буду держать с вами связь через отца. А сейчас — до свидания.

Люди клана друг за другом подходят к ней и крепко обнимают, а потом отпускают.

После сказанных клану слов Джуно изо всех сил старается сохранять спокойствие.

Кенай и Нома медлят. Скорее всего, Джуно уже с ними все обсудила, потому что они не удивлены.

Когда отходит последний человек, Джуно снова поднимает руку, просит внимания.

— Я попросила Лейкса помочь с практическими вопросами тем из клана, кто решит держаться вместе. Как предводитель охотников он лучше остальных справится с планированием и дальнейшей тактикой. Он будет сотрудничать со старейшинами, которые много знают об этой стране и о том, как и что здесь устроено.

Джуно обводит взглядом группу.

— Пусть моя любовь пребудет с вами на том пути, который каждый из нас выберет.

Затем она поворачивается к ним спиной, берет меня за руку и ведет обратно к дому, Нома и Кенай молча идут следом за нами.

ГЛАВА 55

ДЖУНО

Попрощаться со своими людьми почти сразу после того, как я их нашла, оказывается для меня самым сложным испытанием. Часть меня хочет остаться с ними — и присоединиться к ним в Розуэлле. Хочет наверстать упущенное время, обсудить всё случившееся, пока я не смогу понять: как могли старейшины сделать то, что сделали, и как их собственные дети теперь живут с этим.

Но вместо этого я беру Майлса за руку и ухожу. Оставляю их разбирать весь этот беспорядок — и на поле битвы, и в собственной жизни. Нома и Кенай идут за нами. Они грязные, мокрые, в лохмотьях... но их глаза сияют, словно солнце отражается в драгоценных камнях. Весь этот месяц, находясь в заточении, они хотели сразиться, и сейчас после битвы адреналин так и бушует в них, им очень трудно сдерживать себя.

В гараже осталась всего одна машина, и, видя, какой взгляд бросает на нее Майлс, я не могу сдержать улыбки, — он словно готов съесть её целиком.

— Она какая-то особенная? — уточняю я.

Он кивает.

— Это Роллс-Ройс Silver Shadow^[23]. Классика.

Я пожимаю плечами.

— По-моему, машина как машина.

Майлс качает головой, и хотя его лицо забрызгано грязью, кровью и потом, оно светится каким-то благоговением.

— Нет, — возражает он. — Только не эта.

Удивительно — после всего, что мы сегодня пережили, Майлс ещё может заставить меня улыбаться. Я обнимаю его и быстро, горячо целую.

Потом поворачиваюсь к остальным и спрашиваю у Майлса:

— Как далеко ты оставил наш грузовик?

— В получасе езды, — отвечает он.

Я задумчиво киваю.

— Хорошо. Нома, садись за руль. Майлс, у тебя пятнадцать минут, чтобы научить её водить, потом меняетесь и учите Кенай. Мне надо, чтобы вы оба смогли самостоятельно поехать в Розуэлл после того, как доберёмся до грузовика.

Никогда еще не видела, чтобы Нома куда-нибудь так быстро бросалась. Пара секунд и она уже сидит на водительском сидении, Майлсу приходится практически силой оттащить её от всех этих кнопок и рычажков. Мы с Кенаем залезаем на заднее сидение, и через несколько минут выезжаем из гаража на поле битвы.

Наше приподнятое настроение исчезает, пока мы едем по разрушенному двору. Как ни странно, но через стёкла автомобиля всё выглядит намного натуральнее. И страшнее. Кое-кто из людей моего клана отрывается от своего занятия и торжественно машут нам, когда мы проезжаем мимо. Остальные даже не смотрят в нашу сторону. Неужели я только что запустила круговорот правдивых рассказов и прощений друг друга. Кто знает, к чему это приведёт? Объединится ли клан вновь, как после очередной катастрофы, или прошлое окажется слишком болезненным, чтобы примириться с ним? Не все останутся. А тем, кто

останется, придётся начинать с нуля. Положить начало чему-то новому, уже основанному на правде.

Мы доезжаем до вершины холма и поворачиваем к выезду, Кенай нарушает молчание.

— Итак, великий вождь, ты сказала, что нам надо поговорить.

Он хрустит костяшками пальцев, сбрасывает так лишнюю энергию.

— Я больше не вождь. И никогда им больше не буду, — отвечаю я.

— Ага, конечно, — произносит Нома и оборачивается, чтобы на меня посмотреть, машина виляет вправо.

— Смотри на дорогу! — кричит Майлс и хватается за руль.

Нома выравнивает машину и смотрит на меня через зеркало заднего вида.

— Если ты не будешь вождём, то кто будет? Я?

— Гея нам поможет, — бормочет в ответ Кенай, и Нома недовольно на него прикрикивает.

Кенай легонько меня толкает в бок.

— Полагаю, эти экстренные уроки вождения говорят о том, что мы не сможем уговорить тебя поехать с нами в Розуэлл?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Но я хочу, чтобы вы туда поехали — помогли с перегруппировкой клана. Оставайтесь там, пока все не придут к окончательному решению. Сами решите, куда хотите отправиться. И когда все определятся, я хочу, чтобы вы нашли меня и передали их решение.

— Я догадываюсь о причинах, по которым ты больше не хочешь быть с кланом, — продолжает говорить Кенай, — но ведь есть что-то ещё, так?

Я откидываюсь на спинку сидения и вздыхаю.

— Они собираются сделать меня главой клана, хочу я того или нет. Если я поеду в Розуэлл, все будут ждать от меня указаний. Я не хочу, чтобы моё присутствие повлияло на их решение. Мне нельзя там быть.

И я смотрю Кенаю прямо в глаза и вижу — он меня понимает. И даже в чем-то согласен.

— Но я решу, что делать дальше, когда узнаю решение клана.

Дальше мы едем в полной тишине, через пару минут Майлс просит Ному свернуть к обочине и учит её парковать машину. Затем место за рулём занимает Кенай, а Нома перебирается ко мне на заднее сидение и первое, что она делает, — сильно-сильно меня обнимает. Кенай рывком трогается с места, и я быстро показываю Номе, как пристегнуться.

Она смотрит на меня широко открытыми глазами.

— И куда же ты пойдёшь?

Услышав вопрос, Майлс оборачивается, и между нами происходит целый бессловесный разговор. Наконец он произносит:

— Я пойду за тобой, куда бы ты не решила отправиться.

— Уверен? — я стараюсь произнести эти слова без выражения и внимательно смотрю на него. Не важно, чего хочу я, это решение он должен принять сам.

Майлс кивает, давая мне понять, что решение уже принято.

— К тому же, я твой оракул. Забыла? Как ты собираешься выяснить, куда двинуться дальше, без меня? — и он выразительно поднимает брови, а я не могу удержаться от улыбки.

Наконец напряжение в машине разрушено, и Нома говорит:

— Хорошо, Оракул. Тогда просвети нас, что планирует делать Джуно.

Майлс улыбается мне.

— Мне не стоит говорить загадками, я прав?

Я смеюсь.

— Да. Я предпочитаю чёткие и ясные предсказания.

Майлс проверяет, справляется ли Кенай с управлением, и снова поворачивается к нам.

Он хмурится, будто пытается увидеть что-то вдаль, и серьёзно потирает подбородок.

— Я вижу холодную местность в ближайшем будущем Майлса и Джуно. Дорогу на Аляску. Конечно, больше бы подошёл самолёт, но поскольку у Джуно нет паспорта, — Майлс бросает взгляд на Ному и поясняет, — удостоверения личности, а также учитывая её жуткую ненависть к полётам, думаю, они выберут машину или лодку.

Он смотрит на меня в поисках одобрения. Я улыбаюсь.

— Звучит отлично. Продолжай.

— Как только они окажутся в тундре, то тут же направятся в один приют для собак, где произойдёт одно очень радостное воссоединение.

На глаза наворачиваются слёзы, и я прикрываю лицо, чтобы скрыть эмоции. Майлс делает вид, что ничего не заметил, и продолжает.

— И в этой замечательной компании Майлс и Джуно направятся к разбитому лагерю, где заберут всё ценное, что сможет обеспечить финансовое будущее клана.

Я прихожу в себя и поворачиваюсь к Номе и Кенаю.

— Ведь он прав. Я видела, что можно купить на наше золото, так что всё, нами собранное, станет неплохим началом для жизни в этом мире.

— И наконец, — подводит итог Майлс, — Эти двое вернутся на материк, отправятся в Юту и останутся жить в горах с сумасшедшей женщиной в экологически безопасной хижине, пока Джуно не...

Тут он на секунду колеблется и смотрит на Ному и Кенаю.

— Ну, давай, скажи это, — настаиваю я.

— Вернёт промытые мозги на место, — заканчивает Майлс.

— Нам бы всем это не помешало, — говорит Кенай и начинает смеяться так громко, что машина виляет в сторону, и ему приходится взять себя в руки.

Майлс улыбается и продолжает:

— И там они останутся до тех пор, пока Джуно не получит известий от своих верных друзей о решении её клана. Конец.

— Bravo! — кричит Нома, и мы дружно ему аплодируем.

Майлс явно доволен собой.

— Ну что, я не ошибся? — спрашивает он.

Я поражена точностью его слов. А ведь этот парень действительно меня знает.

— Именно об этом и я думала, — отвечаю я.

— Что я тебе говорил? — улыбается Майлс. — Я тебе нужен.

И он пожимает плечами, словно это и так очевидно, потом разворачивается, указывая на что-то впереди нас.

Фары нашего автомобиля высвечивают зелёный грузовик, Кенай аккуратно тормозит рядом с ним. Не успеваем мы выбраться из машины, как сверху раздаётся карканье и на крышу пикапа приземляется По.

— Смотри-ка, кто за нами летел, — говорю я Майлсу. — Кстати, ты о нём не упоминал в своем пророчестве.

— Ну, конечно, он отправится с нами, — произносит Майлс, снова пожимая плечами, словно говорит «разве не очевидно?». — Как можем мы поехать на Аляску без нашего любимого почтового ворона?

— А вы? — спрашиваю я у Номы и Кеная. — Вы уже думали о том, что будете делать, когда всё закончится?

Кенай сначала смотрит на Ному, потом снова на меня.

— Мы говорили об этом постоянно, с тех пор, как нас похитили: что мы будем делать при любом возможном развитии событий. Мы решили, что если все выберемся оттуда живыми, то какое-то время проживем одни, и надеялись, что с тобой и... — он приветственно кивает в сторону Майлса, — ...любим случайным парнем, которого ты подберёшь по дороге, конечно.

Майлс закатывает глаза, но кивает — пока согласен на роль закадычного друга.

Тут начинает говорить Нома.

— Сперва нам было горько и обидно. Сейчас мы уже простили наших родителей... по крайней мере, начинаем прощать. Но мы оба считаем, что какое-то время нам надо побыть вдали от них. И они, и другие старейшины сами пока учатся жить в ладу друг с другом и с последствиями своей лжи. — Она морщит нос. — Так что пока нам там неудобно.

— И куда вы пойдёте? — спрашиваю я.

— А почему бы нам не посоветоваться с оракулом? — предлагает Нома и легонько пихает Майлса в бок.

— Что ж, посмотрим, — протягивает тот и закрывает глаза. — После того, как вы оба принесёте Джуно известия от клана, мы организуем собственный мини-клан и отправимся в путешествие куда-нибудь на год с лишним.

Он чуть приоткрывает один глаз, чтобы увидеть мою реакцию, но сразу же закрывает его, потому что Нома бросается к нему на шею с объятиями.

— Я полностью поддерживаю этот план, — одобрительно кивает Кенай.

— И я тоже, — добавляет Нома, отстраняясь от Майлса и заглядывая ему в лицо. — Ты идеально подходишь Джуно. А учитывая, что знаю я ее с пелёнок, то говорить такое кому попало не буду.

Она целует его в щеку, а потом бежит в сторону машины с ключами, которые Майлс только что держал в руке.

— Чур, я первая веду! — кричит она, помахав ключами у Кеная перед носом, а потом заскакивает на водительское сидение и захлопывает за собой дверцу.

Кенай протягивает Майлсу руку, и тот пожимает её, развеселив этим Кеная. Я вопросительно гляжу на него.

— Местная шутка, — отвечает он, а затем сгребает меня в свои фирменные медвежьи объятия.

— Мы получим указания от Талли, — говорит он. — Увидимся в Юте. Берегите себя.

Потом он залезает в машину, раздаётся визг шин — Нома срывается с места в направлении, откуда мы только что приехали.

— А мы не могли взять этот Роллс-Ройс? — спрашивает Майлс.

— Чтобы стоял у подножья горы в Юте? — отвечаю я.

— Понял, — говорит он, вздыхая и провожая взглядом исчезающую за поворотом машину.

По с громким карканьем взлетает с крыши пикапа и садится мне на плечо. Майлс

достаёт из кармана ключи от грузовика и протягивает их мне, предлагая сесть за руль. Я качаю головой.

— Веди ты, — отвечаю я. — Мне надо подумать.

Мы забираемся в пикап. По устраивается на спинку сидения между нами и принимается чистить перья.

— Он что, теперь наш ребёнок? — спрашивает Майлс, подталкивая ворона ко мне, когда его хвост начинает лезть ему в лицо.

— До тех пор, пока захочет оставаться с нами, — улыбаюсь я. Майлс согласно пожимает плечами и заводит мотор. Потом выруливает на дорогу, и мы едем в сторону Альбукерке.

Пару минут едем в полной тишине, а потом я начинаю говорить:

— Ты про кое-что забыл в своем пророчестве.

— Знаю, — соглашается Майлс. — Я говорил лишь о том, в чём был уверен. А об остальном решил промолчать.

— Например? — уточняю я.

— Амрит, — отвечает он. — Я знаю, тебе было очень тяжело от того, что Уит продал твоих людей и пытался на этом нажиться.

— Или сделать на этом себе имя, — добавляю я. Майлс кивает. И замолкает.

Я вздыхаю.

— Часть меня считает, что я больше никогда его готовить не буду. Словно все — Обряд часть прошлой жизни. Но, с другой стороны, я знаю, что всё же хочу им воспользоваться.

Майлс облегчённо вздыхает. Я беру его за руку.

— Из-за тебя. Из-за моих людей. Из-за того, что это тоже часть моей жизни. Я предложу его Номе и Кенаю... по тем же причинам.

— А что насчёт... других людей? — спрашивает Майлс, по его голосу я понимаю, что он имеет в виду. Он думает о матери. Я тоже о ней подумала.

Но может ли Амрит излечить психическое заболевание? Что если нет, а она его примет? Вдруг тогда она будет обречена на сотни лет непрекращающейся депрессии?

Я стараюсь осторожно подбирать слова.

— Нам обоим надо над этим поразмыслить.

— Хочешь с ней встретиться? — спрашивает Майлс, глядя на меня.

— Я хотела сделать это первой остановкой нашего невероятного приключения, — отвечаю я. Майлс обнимает меня и крепко прижимает к себе.

— А что насчёт Йельского университета? — уточняю я.

— Похоже, у меня будет куча времени, чтобы получить диплом, — произносит он. — Может быть, даже десять. Мне не обязательно начинать прямо сейчас.

Я кладу голову ему на плечо и наблюдаю за проносящимся за окном пейзажем. Мы снова едем в тишине, пока Майлс, наконец, не начинает говорить:

— Это странное место. Для нас обоих, но для тебя в большей степени.

— О чём ты? — недоумеваю я.

— Когда ты назвала наше путешествие «приключением», я подумал, что вся твоя жизнь до этого момента была похожа на приключение. Твоя прежняя жизнь на Аляске — будто целая книга, которую ты писала сама, от начала и до конца. И она написана. Закончена. Я понимаю, что ты захочешь её читать и перечитывать, пока не поймёшь, что случилось — пока всё не осмыслишь. Но совсем скоро ты можешь её закрыть и перейти к новой книге.

Которую ты ещё даже не открывала. К новой жизни. Которая только начинается.

У меня к горлу подкатывает ком — не могу говорить. Этот парень знает меня лучше, чем я сама.

— И вот сейчас мы в странном месте, — заканчивает он. — Ничейная земля меж двух историй. Одна закончилась... и теперь мы ждём, когда начнётся вторая.

— И в каком же жанре будет новая книга? — спрашиваю я, отстраняясь, чтобы лучше рассмотреть Майлса — грязного, смелого, умного парня, который сейчас ни капельки не похож на того, кем был ещё пару недель назад. Он заслужил моё уважение. Он заслужил мою дружбу. А сейчас он заслужил и мою любовь.

— Приключенческий роман, — ухмыляется он. — В ней будет обалденная главная героиня и герой, который настолько безнадежно в неё влюблён, что готов поддержать любой безумный план, который она предложит. Добавим к этому чуть-чуть магии и экшена, чтобы держать всех в напряжении.

Я просто сияю от счастья.

— Приключенческий роман — мой любимый жанр.

Майлс смотрит меня со странной улыбкой.

— Похоже, у нас наконец-то появилось что-то общее.

Он притягивает меня ближе, наша поездка по Америке началась. Уезжаем от темноты наших прошлых жизней навстречу яркому и блестящему будущему.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Кроссовик (кроссовый мотоцикл) — специальный спортивный мотоцикл для мотокросса. (Здесь и далее прим. переводчика)

Рейнір — стратовулкан в штате Вашингтон, высочайшая точка Каскадных гор. Гора названа именем британского адмирала Питера Реньера.

«Безумный Макс» (иногда — «Бешеный Макс», англ. Mad Max) — австралийский дистопический боевик 1979 года режиссёра Джорджа Миллера с Мелом Гибсоном в главной роли.

Поп-тартс — название популярного печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg. Сладкая двухслойная начинка «Поп-тартс» обернута тонким слоем печёного теста. Среди популярных вкусов печенья — вкус шоколада, яблока, замороженной голубики, клубники, вишни и др.

Аризона Кардиналс — профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге (профессиональная лига американского футбола в США).

Национальный резерват дикой природы — одна из категорий охраняемых природных территорий США, управляемых Службой охраны рыболовства и диких животных США. Система этих резерватов служит для сохранения рыб, дикой природы и растений США.

Animal Planet (неофициальный русский перевод — Планета животных) — дочерний телеканал американского Discovery Channel. На телеканале транслируются фильмы, показывающие животных в непосредственной среде обитания, рассказы о видах, внесённых в Красную книгу, домашние животные. Девиз канала — «Нашу планету населяет более 2 миллионов живых видов. Вы — один из них. С остальными знакомьтесь в передачах канала Animal Planet».

Криогéника — раздел физики низких температур, изучающий закономерности изменения свойств различных веществ в условиях крайне низких («криогенных») температур.

Мескаль — крепкий спиртной напиток, изготавливаемый в Мексике из сброженного сока агавы. Обычно крепость составляет 38–43 % об. Одно из крупнейших мест производства мескаля для экспорта — г. Митла, штат Оахака, поэтому часто знатоки между собой напиток так и называют — «бутылочка Оахаки».

Имеется виду один из наиболее запоминающихся советов из книги «Путеводитель для путешественников по галактике автостопом». Если вкратце, то "полотенце — универсальнейший предмет, способный помочь космическому автостопщику в огромном количестве кажущихся безвыходными ситуаций".

«Ригвѣда» — собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы. Входит в число четырёх индуистских религиозных текстов, известных как Веды. «Ригведа» была составлена около 1700–1100 гг. до н. э.

Ваджраяна (санскр. Алмазная Колесница; также Колесница Тантры) — тантрическое направление буддизма. Главным средством достижения просветления в Ваджраяне считается тайная мантра. При этом считается, что путь тайной мантры значительно могущественнее и может привести к достижению состояния Будды всего за одну жизнь

Ваджрапани — защитник Будды и символом его могущества.

Мáндaлa — сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских религиозных практиках.

Корпус подготовки офицеров запаса — базирующаяся в колледжах система подготовки офицеров Вооруженных сил США. В дополнение к обычной учёбе учащиеся получают базовую военную подготовку, регулярные сборы и расширенную летнюю подготовку. По окончании обучения, лучшие 25 % выпускников получают возможность продолжить службу кадровыми офицерами. Остальные 75 % продолжают службу в запасе.

Нейроконсервация — один из разделов крионики, представляет собой сохранение мозга при низких температурах путём отделения головы от тела с целью дальнейшего восстановления связи головного мозга с новым здоровым телом.

Mi casa es su casa — испанская формула вежливости для гостей: «Мой дом — это и Ваш дом!»

*ATV — американский армейский вездеход. Автомобиль обладает высокой проходимостью, пригоден к транспортировке по воздуху и десантированию.

Таксидермия — способ изготовления чучел животных, основой при котором является шкура животного. Она натягивается на основу, а полость внутри заполняется наполнителем.

WD-40 — торговая марка известного аэрозольного препарата. Входящее в состав минеральное масло, оставаясь на любой поверхности, обеспечивает смазку и долговременную защиту от влаги.

Первая стадия заболевания — односторонние симптомы паркинсонизма, т. е. гипокинезия и тремор покоя только правой либо только левой конечности.

Муссо́н — устойчивые ветра, периодически меняющие своё направление; летом дуют с океана, зимой — с суши; свойственны тропическим областям и некоторым приморским странам умеренного пояса.

В 1965 году компания Rolls-Royce представила роскошный седан Silver Shadow — первый автомобиль марки с несущим кузовом. В отличие от предшественника — модели Silver Cloud — у машины был более современный дизайн без выступающих крыльев над колесами. Среди других новшеств автомобиля — дисковые тормоза и независимая задняя гидропневматическая подвеска.